

**Проблемы российской
цивилизации
и методики
преподавания истории**

Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории

Межвузовский сборник научных трудов
Основан в 2003 году

Выпуск XIV

Издательство «Наука»
2022

**Проблемы Российской
цивилизации
и методики
преподавания истории**

**Проблемы Российской цивилизации
и методики
преподавания истории**

Сборник научных трудов
Основан в 2003 году

Выпуск XIV

Издательство «Наука»
2022

УДК [94(47)+37.016: 94(47)](082)
ББК 63.3(2)я43
П78

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Институт истории и международных отношений

**Проблемы Российской цивилизации и методики преподавания
истории: сборник. науч. тр.**
П78 Саратов, 2022. – Вып. XIV. – 130 с.

ISSN 2409-5796

В XIV выпуске сборника научных трудов рассматривается широкий круг проблем отечественной и региональной истории, права, теории и методики преподавания истории, вводятся в научный оборот новые исторические источники, высказываются различные точки зрения на отдельные события прошлого России.

Для преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также для всех интересующихся отечественной историей.

Редакционная коллегия:

Доктор исторических наук, профессор *В. А. Чолахян*
(ответственный редактор)

Доктор исторических наук, профессор *Ю. В. Варфоломеев*

Кандидат философских наук, доцент *Н. В. Попкова*

Кандидат исторических наук, доцент *А. В. Лучников*

Кандидат исторических наук, доцент *С. В. Удалов*

Кандидат педагогических наук, доцент *И. В. Ястер*

УДК [94(47)+37.016: 94(47)](082)

ББК 63.3(2)я43

ISSN 2409-5796

© Авторы статей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

История России: события, факты, проблемы

Рабинович Я.Н. «Китайское взятие» 22 октября 1612 г.: источники и историография.....	5
Чолахян В.А. Медицинское обслуживание населения Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.....	14
Гижов А.А., Гижов В.А. Деятельность отдела национальных меньшинств народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (1921-1923) в области культурного строительства.....	21
Цыплин В.Г. Советско-американские военно-технические взаимодействия в условиях неофициальных отношений.....	26
Мозговая О.С. Особенности проведения «немецкой операции» НКВД в Донбассе.....	33
Бичехвост А.Ф. Оказание медицинской помощи репатриантам, осуществление противоэпидемиологических мероприятий как важные направления деятельности репатриационных и военных органов СССР (1944–1945).....	37
Гуменюк А.А. Советская мода второй половины 1950-х – середины 1980-х гг.: концепция, реализация, повседневные практики (на материалах Нижнего Поволжья).....	49
Кустов В.А. Суэцкий кризис 1956 года и его влияние на формирование биполярного миропорядка.....	59
Данилов В.Н. Пособничество нацистам: мотивы и характер (по материалам следственных дел архива УФСБ по Саратовской области).....	67
Акопян В.З. Российско-иранские отношения: от добрососедства к стратегическому партнерству в кавказско-ближневосточном регионе.....	76
Королёва О.В. Формирование культурного туристского опыта в условиях развития устойчивого туризма в России.....	89
Чолахян А.В. Проблемы взаимосвязи религиозно-нравственного аспекта и права.....	96

Теория и методика преподавания истории

Галямичев А.Н. Роман Г. Сенкевича «крестоносцы» в преподавании курса геральдики.....	106
Попкова Н.В Роль педагога в цифровом образовательном процессе.....	111
Евдокимова Е.Г. Подготовка будущих педагогов к ведению диалога.....	114
Ястер И.В. Проблемы педагогической подготовки историков-бакалавров в свете компетентностного подхода.....	119
Сведения об авторах.....	127

ИСТОРИЯ РОССИИ: СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ

УДК 94(470+571+470-25)|1612.10.22|:[930+930.2]

«КИТАЙСКОЕ ВЗЯТИЕ» 22 ОКТЯБРЯ 1612 Г.: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Рабинович Я.Н.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
RabinovichYN@jandex.ru

В статье подробно рассмотрены источники и историография событий, связанных со взятием Китай-города 22 октября 1612 г. На основании различных документальных источников доказано, что в этом штурме приняли активное участие не только казаки, как считалось ранее, но и дворяне и дети боярские из Нижегородского ополчения, приведены имена многих из этих людей. Некоторые из них в дальнейшем окажутся в близком окружении царя Михаила Романова и наряду с князем Д.М. Пожарским и церковными деятелями будут способствовать началу празднования этого события и почитанию Казанской иконы Богородицы сначала в Москве, а затем и по всей стране.

Ключевые слова: «Китайское взятие», Кормленные книги, служилые люди, воевода, Смутное время

"CHINESE CAPTURE" ON OCTOBER, 22, 1612: SOURCES AND HISTORIOGRAPHY

The article discusses in detail the sources and historiography of events related to the capture of Kitay-gorod by the militia on October 22, 1612. On the basis of various documentary sources, it is proved that not only the Cossacks, as previously thought, but also the nobles and boyar children from the Nizhny Novgorod militia took an active part in this assault, the names of many of these people are given. Some of them in the future will find themselves in the close circle of Tsar Mikhail Romanov and, along with Prince D.M. Pozharsky and church leaders will contribute to the beginning of the celebration of this event and the veneration of the Kazan Icon of the Mother of God, first in Moscow, and then throughout the country.

Key words: "Chinese capture", Fed books, service people, voivode, the Time of Troubles

Четыре века отделяют нас от знаменательного события – освобождения Москвы от польских захватчиков в 1612 году. Этому событию, которое произошло 27 октября (по старому стилю) посвящен один из новых праздников – «День народного единства». Именно 27 октября (6 ноября по новому стилю) остатки польского гарнизона вышли из Кремля. Как писали в своей грамоте на Белоозеро 6 ноября 1612 г. князя Д.Т. Трубецкой и Д.М. Пожарский, *«октебря в 26 день староста и польские люди бояр, князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищи, нам, бояром и воеводам и всей земле отдали... И*

октября же в 27 день [польские] и литовские люди нам и всей земле доби́ли челом, и ... царствующий град Москва от польских и литовских людей очистилась и в [Кремле] и в Китае и в Цареве городе мы сели» [1, с. 96–97].

Разберемся с этими датами. В конце XVI и в XVII в. после введения римским папой Григорием XIII нового календаря (это произошло в 1582 г.) разница между старым Юлианским и новым Григорианским календарями составляла 10 дней. Поляки, которые были католиками, сразу перешли на новый календарь, протестантские государства – значительно позже, Швеция, к примеру – только в XVIII в. Поэтому в польских источниках XVII в. дата взятия русскими Китай-города – не 22 октября, а 1 ноября. В своем дневнике мозырский хорунжий Йозеф Будила, командовавший одним из польских полков в Кремле, писал: *«Того же года 1 ноября. Когда русские увидели, что осажденные уже очень слабы, то в полдень с великою силою пошли на приступ из батарей Трубецкого на Китай-город и с великою потерей для несчастных осажденных втоптали их в Китай-город; в числе других убили доблестнейших: г. Серадского воеводича Быковского и г. Тваржинского» [2, стб. 351].*

Поэтому по новому стилю дата выхода русских людей из Кремля – не 26 октября, а 5 ноября, а выход польского гарнизона, который красочно изображен на картине Эрнста Лиснера «Изгнание польских интервентов из Московского кремля» – не 27 октября, а 6 ноября. Правда, далее в дневнике Будилы даты немного отличаются, и он путается, пишет, что *«4 ноября русские опять пошли на приступ к Китай-городу, но благодаря Бога были отбиты»*. Видимо, он имеет в виду неудачную попытку штурма Кремля 25 октября (4 ноября) со стороны уже освобожденного от поляков Китай-города. Далее Будила пишет о заключении договора о капитуляции 6 ноября и о том, что *«на следующий день, 7 ноября русские вошли в крепость с великою радостью» [2, стб. 352–353].* Здесь даты отличаются от приведенных в грамоте Трубецкого и Пожарского на один день.

Капитуляции поляков в Кремле предшествовало взятие ополченцами штурмом Китай города 22 октября. Исследователи, вплоть до настоящего времени при описании событий 22 октября использовали одни и те же источники, опубликованные в XIX веке.

Среди основных русских источников можно выделить Новый летописец [3], Сказание Авраамия Палицына [4], мемуары архиепископа Арсения, который находился в заточении в Кремле [5] и указанную ранее грамоту князей Трубецкого и Пожарского на Белоозеро [1].

Мелкие, но важные дополнения содержатся в Псковской летописи «О бедах, скорбях и напастях» [6], Карамзинском хронографе (предполагаемый автор – Баим Болтин) [7], а также в опубликованной относительно недавно (в 1982 г.) «Повести о победах Московского государства» [8].

Из сочинений польских авторов на первое место следует поставить уже упоминавшийся дневник мозырского хорунжего Йозефа Будилы [2]. Особый интерес представляют записки киевского купца-мещанина Божка Балыки, который находился в Кремле во время осады [9]. Будила и Балыка были свидетелями и участниками этих событий. Польские историки XVII века

бискуп Перемышльский Павел Пясецкий и наместник Гданьский Станислав Кобержицкий, которые писали свои труды лет через 40 после этих событий, были знакомы с некоторыми «кремлевскими сидельцами», чьи воспоминания и ряд документов были использованы этими историками [10; 11].

Что касается точной даты взятия Китай-города (22 октября 1612 г.), то эта дата фигурирует во многих источниках. В одних указана только дата, в других добавлено, на память какого святого произошло это событие, а в некоторых говорится, в какой день недели это случилось.

К примеру, в Новом летописце (Летопись о многих мятежах, Никоновская летопись) в главе № 318 («О взятии города Китая») говорится: *«По милости же Всещедрого Бога на память Аверкия Великого поидоша приступом и Китай взяша и многих литовских людей побииша»* [3, с. 126].

В Новом Летописце по списку кн. К.М. Оболенского добавлено: *«Октября же в 22 день, на память святого Аверкия Иеропольского поидоша ко граду приступом и Китай град взяша. Королевские же люди и с ними изменники запрошася во граде Кремле»* [12, с. 158].

Авраамий Палицын также указывал: *«Заутра же 121-го году октября в 22 день на память иже во святых отца нашего Аверкия, епископа Иеропольского по словеси святого Сергия чудотворца, воеводы Китай приступом взяли и много в нем литвы и немец побили, оставших же в Кремль вогнали»* [4, с. 228]. Перед этим Авраамий Палицын рассказывал о чуде, произошедшем с архиепископом Арсением Елассонским ночью накануне взятия Китай-города, когда тому явился Сергей Радонежский и предсказал скорое освобождение Москвы. Аналогичный сюжет находим в главе 67 Жития Сергия Радонежского («О явлении чудотворца Сергия Галасунскому архиепископу Арсению»).

Сохранились мемуары самого этого архиепископа Арсения, в которых сразу же после явления ему Сергия Радонежского, также предсказавшего скорое избавление *«от рабства и тирании противоборников Латинян»*, говорится следующее: *«На рассвете дня в четверг в шестом часу того дня, легко, без большого боя великие бояре и князья русские с немногими воинами взяли срединную крепость (Китай-город) и перебили всех польских воинов»* [5, с.261–262]. В 1612 г. день 22 октября действительно выпадал на четверг.

В Прологе, первая и вторая часть которого впервые были напечатаны еще в 1642 г. говорится: *«Пронесеса же вскоре видение сие в слухи благочестивых воевод, и всего православнаго российскаго воинства. И абие благонадежни бывшие, по словеси святого Сергия, и вооружившеся приступиша ко граду, и вскоре взяша град Китай месяца октоврия в двадесять вторый день 7121 лета»* [13, с. 8].

Похожую запись читаем и в рукописи патриарха Филарета: *«И октября в 22 день, Божиею милостию и Пречистые Богородицы, и молитвами великих чудотворцов, взяша град Китай и много Литвы побииша, а инии побегоша в Кремль и тамо затворишася, и сидя во граде три дни, чтоб града не здати»*. Стоит привести еще одну фразу из этой рукописи о праздновании данного события: *«По совершении ж дела сего (речь идет о событиях после*

капитуляции поляков в Кремле. – Я.Р.) воеводы и властели вкупе ж и весь народ Московский воздаша хвалу Богу и Пречистые Его Матери пред чудотворною иконою молебное пение воспеваху, и уставивша праздник торжественный праздновати о токовой предивной победе, да иже и донныне празднуют людие да незабвенна будет милость Божия в приходящие роды. Бысть сия победа в лето 7121 октября в 22 день» [14, с. 320, 327–328].

Аналогичная запись имеется в Дворцовых разрядах: «... Воеводы же Московского государства... и повеле всему воинству ко граду Китаю приступати, и хоругви по стенам городским простирают и тако взяту бывшу граду Китаю... Потом же воеводы и все воинство, вкупе же и весь народ Московской, воздаша хвалу (Богу и Матери Божии) и пред чудотворною Ее иконою молебное пение воспеваху, и уставивша праздник торжественной праздновати образу чудотворные иконы пречистыя Богородицы Казанские Октября в 22 день» [15, стб. 4, 7]. Здесь впервые подчеркивается, что празднование 22 октября связано именно с Казанской иконой Богородицы.

В Бельском летописце, памятнике, который стал известен исследователям лишь во второй половине XX в., приводится не только эта дата взятия Китай-города (22 октября), но и подчеркивается, что данная победа была одержана объединенными силами казаков Трубецкого и ополченцев Пожарского. Глава называется «О граде Китае и здаче Креми». В ней говорится, что «за три дни Дмитреева дни, октября в 22 день, Московского государства бояре и воеводы князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да князь Дмитрий Михайлович Пожарской с товарищы и со всеми Московского государства ратными людьми город Китай приступом взяли и польских и литовских людей много побили и живых поимали. А в Креми в Большем городе сели запершися литовския люди». Далее говорится о капитуляции польского гарнизона в Кремле. Точной даты при этом не приводится, зато упоминаются кроме Струся и Будилы другие польские начальники в Кремле – Стравинский, Хортяминский, Харлинский и Калиновский, которые «с товарищы своими здалися все литовския люди Московского государства бояром» [16, с. 261].

Дата 22 октября приводится и в Повести о победах Московского государства («и октября в 22 день Китай град взяли, и полских и литовских людей побили»), правда далее последовательность событий нарушена, говорится о сражении с гетманом Ходкевичем, а потом об освобождении Москвы 26 октября, на память святого великомученика Дмитрия Солунского [8, с. 33–35].

Особняком стоит запись в послании в Новгород князей Трубецкого и Пожарского от 15 ноября 1612 г.: «Город Китай взяли взатьем 22 сентября». Здесь следует читать 22 октября. Далее в этом послании говорится о капитуляции кремлевского гарнизона 26 октября: «...и мы, не хотя кроворозлитья видети, Полских и Литовских людей побити не дали и в город вошли октября в 26 день» [17, с. 291].

Автору Карамзинского хронографа неизвестны события, связанные со штурмом Китай-города, он только пишет, что из Китай-города велись переговоры Струся и других полковников с дворянами и казаками,

отправленными руководителями ополчения – Трубецким, Пожарским и Мининым. В Карамзинском хронографе допущена явная опечатка в тексте, касаемая даты взятия Китай-города (указано 12 октября вместо 22 октября). Это действительно была просто опечатка, потому что далее повторяется, что данное событие случилось *«на память Аверкия Ераполскаго чудотворца 121 году»*. Ведь память этого святого отмечается 22 октября. Правда, автор хронографа считает, что именно в день памяти Аверкия Ерапольского *«в Москву в Кремль город Поляки и Литва русских людей впустили... И бояре и атаманы и казаки, и всякие ратные люди и жилиецкие и посацкие в город Кремль и в Китай вошли и почали дворы ставить»* [7, с. 356].

Псковский летописец, находясь далеко от этих мест, слабо представлял, что творилось под Москвой, поэтому кратко написал, что *«во 121 году октября в 20 день, Москву взяша у Литвы»*. Перед этим в Псковской летописи ничего не говорится о боях под Москвой, а далее сразу летописец пишет об избрании Михаила Романова [18, с. 330]. В другой Псковской повести говорится, что *«взяша царствующий град взятием у поганых Полских людей 121, месяца октября в 22 день»* [6, с. 62].

Дата «Китайского взятия» 22 октября фигурирует во многих актовых материалах, о чем далее будет сказано более подробно. По поводу этой даты взятия Китай-города (22 октября) у исследователей споров не возникало. Впервые об этом писал еще Василий Никитич Татищев, указав, что воеводы, видя, что поляки не собираются сдаваться, *«сожалея бояр, невинно заключенных, рассудили силу против них употребить. И октября 22, приступив с лестницами кругом, Китай взяли и поляков многих побили»*. Далее историк подробно, ссылаясь на Кобержицкого, пишет о капитуляции гарнизона. Следует отметить, что эта часть труда Татищева мало кому была известна до середины XX в. (впервые опубликована в 1966 г.) [19, с. 363]. Несмотря на это, в XIX в. все историки, занимающиеся изучением событий Смуты, также указывали дату освобождения Китай-города 22 октября.

Однако о том, кто освобождал Китай-город от поляков, мнения ученых разделились. В научной среде возобладало мнение С.М. Соловьева и Н.И. Костомарова о том, что вся заслуга во взятии Китай-города 22 октября принадлежит исключительно казакам Трубецкого.

С.М. Соловьев писал: *«Наконец 22 октября казаки пошли на приступ и взяли Китай-город»*. Далее историк ошибочно отмечает, что *«в Кремле поляки держались еще месяц»*, вплоть до 27 ноября: *«27 ноября русские вступили в Кремль»* [20, с. 739]. На самом деле между взятием Китай-города и капитуляцией поляков в Кремле прошло всего несколько дней.

Видимо С.М. Соловьев доверился сообщениям Дворцовых разрядов, в которых записано, что ратные люди под руководством князей Трубецкого и Пожарского *«стояли под Москвою крепко и неподвижно, и своим мужеством и храбростию царствующий град Москву от Полскаго и от Литовскаго короля и от Полских м от Литовских людей, из плену и из работы очистили и учинили свободно, Ноября в 27 день»* [15, стб. 9].

Н.И. Костомаров также основную роль во взятии Китай-города отводит казакам князя Трубецкого: *«22-го октября Трубецкой, стоявший станом на восточной стороне Китай-города, ударил на приступ. Голодные не могли защищаться и ушли в Кремль»*. Далее говорится о Казанской иконе: *«В Китай-город внесли с торжеством икону Казанской Богородицы, и во имя ее русские дали обет построить церковь, которая и была впоследствии построена: до сих пор она служит памятником вступления в Китай-город победоносного русского войска, носит название Казанской и находится на Кремлевской площади, против Кремлевских николевских ворот»* [21, с. 752].

Стоит привести ряд высказываний Р.Г. Скрынникова, который писал свои труды более чем через 100 лет, но также придерживается версии о взятии казаками Китай-города: *«22 октября Пожарский отпустил в кремль своего заложника воеводу Василия Бутурлина. Переговоры никак не ладилась... Казаки первыми потеряли терпение. Они ударили в колокола и поднявши хоругви, пошли силою великой к стенам Китай-города. Действия казаков застало врасплох и «литву» и русских воевод. Когда воеводы съехались для переговоров с неприятелем, записал летописец, «и в ту пору некий человек кликнул казаков, стоявших на Кулишках у храма всех Святых на Ивановском лужку.... Казаки много раз штурмовали Китай-город. Они пролили море крови на приступах. На этот раз удача сопутствовала им. Приставив лестницы, ратные люди во многих местах преодолели крепостную стену...»* [22, с. 392]. Данная фраза без каких-либо изменений повторялась и в других трудах этого ученого, написанных уже в начале XXI века [23, с. 134], а в одном из новейших трудов Р.Г. Скрынникова еще раз было подчеркнуто, что *«22 октября казаки без приказа воевод бросились на штурм и заняли Китай-город. Лишь после этого гарнизон 26 октября открыл ворота и сдал Кремль»* [24, с. 464].

Аналогичные взгляды на взятие казаками Китай-города сложились и у зарубежных ученых. К примеру, польский историк, писатель и публицист Казимир Валишевский, труд которого неоднократно переиздавался на протяжении вот уже более ста лет как в России, так и за рубежом, писал в 1911 году: *«22-го октября казаки Трубецкого взяли приступом Китай-город. В Кремле поляки продержались еще несколько дней»* [25, с. 391]. Книги К. Валишевского вначале издавались во Франции, но эта книга «Смутное время» была издана в 1911 г. почти одновременно как во Франции на французском языке, так и в России на русском языке в переводе Е.Н. Щепкиной «Обществом вспоможения окончившим курс наук на СПб Высших женских курсах». Так что русские дореволюционные читатели хорошо были знакомы с данным трудом.

Вопреки распространенному мнению, в этом взятии Китай-города участвовали не только казаки князя Д.Т. Трубецкого, но и дворяне из ополчения Минина и Пожарского.

В Дворцовых разрядах говорится о взятии Китай-города объединенными усилиями ратных людей («Воеводы Московского государства ... повеле всему воинству ко граду Китаю приступати...») [15, стб. 4]. Обратим внимание на слова «воеводы» во множественном числе и на «всему воинству».

Однако мнение С.Ф. Платонова о том, что именно объединенное ополчение 22-го октября 1612 года взяло штурмом Китай-город, так и не стало господствующим, хотя само слово «объединенное» уже намекает на участие в этих событиях не только казаков, но и служилых людей из Нижегородского ополчения [26, с. 528].

Исключение составляет труд П.Г. Любомирова, который кратко указал, что *«22 октября утром на одной стороне Китая русские уполномоченные занимались с польскими выработкой условий сдачи, когда с другой стороны казаки и земские люди устремились на приступ... и после непродолжительного боя Китай оказался в руках русских»* [27, с. 155]. П.Г. Любомиров вслед за С.Ф. Платоновым обратил внимание на то, что во взятии Китай-города участвовали ополченцы Пожарского («земские люди»), а не только казаки Трубецкого. В сноске этот исследователь еще раз подчеркнул, что участие земских людей в «Китайском взятъе» устанавливается массой пожалований за эту службу, и сослался на указатель к одному из сборников документов. Имена этих земских людей в подтверждение своего вывода Любомиров не приводил.

В известной книге А.Л. Станиславского о гражданской войне в Смутное время приведено множество имен казаков. Однако, о боях под Москвой и о штурме Китай-города он практически не писал, отметив только, что *«26 октября 1612 г. Пожарский и Трубецкой во главе земских ратей торжественно въехали в Московский Кремль»* [28, с. 44].

Кроме перечисленных ранее повествовательных источников, упоминающих о взятии Китай-города, существует целый ряд **документальных источников** (кроме упоминавшихся Дворцовых разрядов), на которые следует обратить особое внимание. Эти источники, опубликованные ещё 100 лет назад, мало привлекали внимание ученых, занимающихся вопросами освобождения Москвы.

Г.Н. Бибииков, разбирая подробности Хоткеева боя 22–24 августа (он не рассматривал события последующего времени), отмечал *«исключительные по своей ценности данные, встречающиеся изредка в актовом материале начальных лет царствования Михаила Романова»* [29, с. 176].

В нашем распоряжении имеется несколько опубликованных источников, которые помогают восполнить этот пробел и восстановить имена многих служилых людей по отчеству, участников «Китайского взятия».

Перечислим лишь некоторые из данных источников (в скобках указан год публикации этих документов):

- Разрядные столбцы 122–124 гг. сыска денежных окладов (1912) [30];
- Столбцы Галицкой и Владимирской чети 120–126 гг. (1912) [31];
- Кормленщики Галицкой Четверти, их оклады и службы в Смутное время (1912) [32];
- Кормленная книга Галицкой Четверти 7121–125 гг. (1912) [33];
- Кормленная книга Костромской чети (1884) [34];
- Столбцы Печатного приказа. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (1915) [35].

Подробное рассмотрение данных источников выходит за рамки исследования. Можно лишь отметить, что в них приведены имена как представителей государева двора, в том числе жильцов, московских дворян, стольников, некоторые из которых в дальнейшем даже станут боярами, так и представителей служилых городов. Среди них – служилые люди по отечеству из Болхова, Вязьмы, Смоленска, Торусы, Волока, Козельска, Костромы, Галича, Дмитрова и других городов. Многие из них в дальнейшем окажутся в окружении царя Михаила Романова и его сына Алексея Михайловича.

Не исключено, что рассказы этих людей о чудесном взятии Китай-города 22 октября 1612 г., сыграют свою роль, и в дальнейшем этот день будет отмечаться в России как один из главных праздников.

Список источников и литературы

1. Грамота бояр на Белоозеро к воеводе и дьяку с извещением о сдаче Москвы поляками. 1612, ноября 6: Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. / собрал С.Б. Веселовский: Смутное время Московского государства. Вып. 5 // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете (далее – ЧОИДР). 1911. Кн. 4 (М., 1911).

2. [Будила Й]. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613), известный под именем истории ложного Дмитрия // Русская историческая библиотека (далее – РИБ). СПб., 1872. Т. 1.

3. Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 14 Первая половина. СПб., 1910.

4. Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста и коммент. О.А. Державиной и Е.В. Колосовой / Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1955.

5. *Дмитриевский А.А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его по русской истории по рукописи трапезундского Сумалийского монастыря. Киев, 1899.

6. О бедах и скорбях и напастях...: Псковские и Софийские летописи // ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851 (Прибавления к псковским летописям);

7. Из Хронографа, принадлежащего историографу Карамзину (Столяровский список) // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / собрал и издал Андрей Попов (приложение к Обзору Хронографов русской редакции). М.: Типография А. И. Мамонтова и К. Большая Дмитровка, д. № 7, 1869. С. 356.

8. Повесть о победах московского государства / изд. подг. Г.П. Енин. Л., 1982.

9. Записки Божко Балыки // Киевская старина. 1882. Т. 3.

10. *Пясецкий П.* Смутное время и Московско-Польская война : От появления первого самозванца из Польши в 1604 г. до Деулинского перемирия 1618 г. : Из славян. пер. Хроники перемышльского бискупа Павла Пясецкого / Сообщил архим. Леонид. - Санкт-Петербург : О[-во] л[юбителей] д[ревней]

письменности], 1887. - VIII, 73 с.; 30. - (Памятники древней письменности и искусства; 68).

11. *Кобержицкий С.* История Владислава, короля Польского // Сын отечества. 1842. № 3.

12. Новый Летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича / Издан по списку князя К. М. Оболенского. М., 1853. С. 158; См. также: Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских (МОИДР). Кн. 17. М., 1953. С. 158.

13. *Казанский П. С.* О времени сдачи поляками русским Кремля в 1612 году // ЧОИДР. 1869. Кн. 3 (июль – сентябрь). М., 1869. Раздел I (Исследования). С. 9

14. Рукопись Филаретовская // Сб. Муханова, изд. 2. СПб., 1866. № 195. С. 320, 327–328.

15. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии: в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 4, 7.

16. Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 261.

17. Отписка воевод князей Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского и государственной земской думы Новгородскому митрополиту Исидору о поражении гетмана Ходкевича, об очищении Китая и Кремля города от поляков и созвании в Москву выборных земских чинов, для избрания государя. 1612, ноября 15 // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической Комиссией (далее – ДАИ): в 12 т. СПб., 1846. Т. 1. № 166. С. 291.

18. Псковская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 330.

19. *Татищев В. Н.* История Российская: в 7 т. Т. 6. Л., 1966.

20. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения: в 18 кн. М.: Голос, 1994. Кн. 4, т. 8. С. 739.

21. *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII в. М., 1994. С. 752.

22. *Скрынников Р. Г.* Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М., 1981. С. 292.

23. *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 134.

24. *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 464.

25. *Валишевский К.* Смутное время. СПб., 1911 (Репринт. Изд. М., 1989). С. 391.

26. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб. изд. Я. Башмакова, 1910. С. 528 (Другие издания – СПб., 1899; СПб., 1901; М., 1937; М.: Памятники исторической мысли, 1995).

27. *Любомиров П. Г.* Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.). М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. С. 155.

28. *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 270, [2] с., [8] л. ил. С. 44.

29. *Бибиков Г.Н.* Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки. Т. 32. М., 1950. С. 173–197.

30. Разрядные столбцы 122–124 гг. сыска денежных окладов // Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Пред. Л.М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 189–240.

31. Столбцы Галицкой и Владимирской Четвертей 120–126 гг. // Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 241–307. № 46, 61, 66.

32. Кормленщики Галицкой четверти, их оклады и службы в Смутное время (отрывки) // Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 308–352.

33. Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–125 гг. (1613–1617) // Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Сост. и пред. Л.М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 60–188.

34. Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / Публ. А.Н. Зерцалов // РИБ. СПб., 1894. Т. 15.

35. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) / под ред. Л.М. Сухотина. М., 1915.

УДК 614.258

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Чолахян В.А.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»

E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

В статье представлены особенности становления земского здравоохранения в Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Выявлена роль медицинской общественности в становлении и развитии медицинской и санитарной службы. Установлены основные формы санитарно-профилактической работы и виды оказания медицинской помощи населению.

Ключевые слова: земская медицина, эпидемии, санитарное дело, медицинские общества.

MEDICAL CARE OF THE POPULATION OF THE SARATOV PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES

The article presents the features of the formation of zemstvo health care in the Saratov province in the second half of the XIX - early XX centuries. The role of the medical community in the formation and development of the medical and sanitary service is revealed. The main forms of sanitary and preventive work and types of medical care to the population have been established.

Key words: zemstvo medicine, epidemics, sanitary affairs, medical societies.

Вторая половина XIX – начало XX вв. – время кардинальных перемен Российской провинции. Они затронули все отрасли жизни, в том числе и сферу здравоохранения. В этот период в Саратовской губернии создается структура медицинской обслуживания. Она включала в себя: больницы, амбулатории, приемные покои, санитарно-эпидемиологические службы, аптеки.

Возникновение в России системы доступной для населения медицинской помощи можно приурочить к 1864 г., в связи с созданием института земских врачей, обслуживавших крестьян за счёт органов местного самоуправления – земств. С 1866 г. начинается развитие фабрично-заводской медицины, согласно закону от 26 августа, обязавшего предпринимателей устраивать клиники в соответствии с числом работников. Позднее, по Городовому положению 1870 г. и 1892 г., на городское управление была возложена обязанность оказания медицинской помощи населению, аналогично той, которая обеспечивалась земскими врачами на селе.

В силу своего географического положения Саратовская губерния всегда находилась под постоянной угрозой распространения эпидемий, в т. ч. и таких особо опасных, как чума и холера. В связи со сложной ситуацией в области медицины вполне закономерно, что в регионе достаточно частыми были различные эпидемии, в частности эпидемия холеры, которая настигала Саратов в 1830, 1831, 1847, 1848, 1853, 1854, 1856, 1866, 1870, 1871 и 1872 гг. (больше всего умерших было в эпидемию 1848 г. – 29720 чел. из 60455 чел. заболевших) [1, с. 17]. Современники отмечали, что в годы холерных эпидемий урожай овощей и фруктов был изобильный, что, возможно, играло свою роль в распространении эпидемии холеры. Эпидемия наводила панику у жителей. В ее разгар общественная жизнь в городе замирала, без крайней необходимости люди не выходили из своих домов, общественные учреждения были закрыты [2, с. 85].

Ведущую роль в становлении и развитии медицинской и санитарной службы в Саратовской губернии во второй половине XIX столетия сыграло общество санитарных врачей. В конце 1850-х гг. в Саратове возник кружок врачей и аптекарей, члены которого устраивали беседы поочередно в своих квартирах, обсуждая медицинские вопросы и правила ведения практики. По предложению врачей и ходатайству Саратовского губернатора А.Г. Игнатова Министерство внутренних дел 27 сентября 1860 г. утвердило устав нового общества под названием «Беседа саратовских врачей». Первым президентом общества был избран А. Кирхберг [3, с. 730].

7 мая 1896 г. общество «Беседа саратовских врачей» было переименовано в «Физико-медицинское общество». К началу 90-х годов XIX в. в Саратове было три медицинских общества: «Беседа саратовских врачей» (1860), «Общество саратовских санитарных врачей» (1877) и «Военно-санитарное общество» (1891). С целью объединения всех врачебных обществ Поволжья 29 февраля 1896 г. на очередном заседании общества «Беседа саратовских врачей» обсуждался вопрос об организации своего печатного издания под названием «Поволжский санитарный обзор» [4, с. 731].

Санитарное состояние Саратова на рубеже веков, как и большинства приволжских городов, было неудовлетворительным. Причина этого, в частности, заключалась в том, что удаление городских нечистот и всяких отходов производилось неудовлетворительно. Существующие в городе овраги Белоглинский и Глебучев способствовали еще большему антисанитарному состоянию, так как местные жители пользовались ими как свалочным местом для нечистот. Из-за этого в прилегающих к оврагам кварталах всегда наблюдалась наибольшая заболеваемость различными заразными болезнями. Санитарный врач И. Н. Матвеев назвал овраги «очагами заразы»: они давали большое число заболеваний, а именно, 45,7% в 1905 г. к общему числу заразных болезней в городе [5, с. 77].

Кроме оврагов, такими «очагами» были еще ночлежные дома. Одна из причин ежегодно повторяющейся и почти не прекращающейся в то время эпидемии возвратного тифа в Саратове заключалась в грязном содержании ночлежных домов, «приютов бедного и безработного люда» [6, с. 63].

Социально-экономическая отсталость России, низкий уровень грамотности и образования, религиозное мировоззрение большинства населения определяли в целом пренебрежительное отношение в обществе и семье к состоянию здоровья, биологической продолжительности жизни человека. Это отражалось, прежде всего, на качестве жилья, санитарии, и гигиене, медицинском обслуживании и питании городских жителей. Следствием такой ситуации являлся высокий уровень смертности людей от заболеваний органов пищеварения, дыхания и остроинфекционных болезней [7, с. 124]. К примеру, врачебные осмотры тифозных больных Саратова во второй половине XIX. показали, что причинами распространения эпидемии являлась крайняя бедность и плохие гигиенические условия, в которых жило население [8, с. 10].

Сильное развитие эпидемии и заболеваемости в Саратове и отсутствие организованной борьбы с ним привело к 1894 г. к решению установить в городе районный участок с постоянно действующей амбулаторией. Все городские лечебные заведения разделялись на два разряда: для стационарного лечения и проходящих больных. К первым относились: городская больница, родильный дом при ней и больница для хроников. Ко вторым – семь амбулаторий: одна при городской больнице и 6 в разных частях города. По свидетельству врачей, в помещениях для амбулаторий отсутствовали разные приспособления и удобства, необходимые для лечебного заведения [9, с. 105].

Плата за больничное лечение составляла 7-15 руб. в месяц, что составляло месячную зарплату рабочего. Остальные члены семьи, которые жили за счет его заработка, были обречены на голод и нищету в период заболевания кормильца семьи. В то же время, содержание больничных учреждений более чем втрое превышало плату, получаемую с больных [10, с. 99].

Медицинский персонал амбулаторий состоял из врача, заведующего амбулаторией, двух фельдшериц или фельдшеров и санитарки. Прием осуществлялся ежедневно, кроме воскресенья и праздничных дней, с 9 до 12

дня, но на деле приём длился дольше. Каждый больной заносился в особую карточку. По рецепту в аптеке при амбулатории изготавливали лекарство и выдавали больному бесплатно. Женщины обращались за помощью в амбулатории чаще, чем мужчины [11, с. 109]. Кроме медицинской помощи в амбулаториях, врачи посещали бедных больных и на дому. По данным санитарного врача И.Н. Матвеева, в 1906 г. врачи 3-х амбулаторий сделали более 1015 посещений и осмотрели 796 чел. [12, с. 120]. Основная часть расходов на санитарно-эпидемические мероприятия лежала на плечах губернских земств.

Отрицательное воздействие на здоровье горожан также оказывали некачественные продукты – бракованное на скотобойнях мясо, недоброкачественное молоко и молочные продукты, хлеб, рыба и т.д. Такие продукты продавались по низким ценам и охотно покупались рабочими, ремесленниками, мастерами и т.д. Бедная семья тратила на питание основную часть своего бюджета, и, часто использовала возможность приобретать дешёвые продукты.

Питание несостоятельных одиноких и семейных горожан было некачественным по содержанию и недостаточным по количеству. Неслучайно, что в среде рабочих обычно делились с соседом лишним куском хлеба, оставшимся обедом и т.д. Всё это способствовало ослаблению, быстрому физическому истощению организма и нередко становилось причиной повышенной заболеваемости и смертности. По этой причине в городах широкое распространение получили болезни органов пищеварения, в том числе и инфекционного характера. В большинстве случаев ими были подвержены низшие категории служащих, студенты, прислуга, нищие и другие неимущие группы населения. Питание рабочих по уровню калорийности и содержанию питательных веществ, как правило, не отвечало физиологическим нормам.

Пища рабочих, ремесленников, мастеровых отличалась меньшим количеством питательных веществ, хорошо усваиваемых организмом. В питании служащих, чиновников, торговцев, фабрикантов преобладали продукты животного происхождения. Во всех экономических группах наблюдалось повышенное употребление хлебных продуктов. Постоянный недостаток в пище питательных продуктов, витаминов и т.д., особенно в низшей экономической группе горожан, ослаблял защитные функции организма. Такое питание усиливало распространение в этой группе остроинфекционных заболеваний, а также болезней органов дыхания и пищеварения [13, с. 125].

С проведением земской реформы в Саратовской губернии земствам были переданы 10 больниц, в том числе, одна губернская (Александровская), две в Царицынском уезде (в Царицыне и Дубовке) и по одной в остальных уездных городах, кроме Вольска [14, с. 20]. В уездах Саратовской губернии ситуация с медицинским обеспечением складывалась не лучшим образом. Здесь также большая роль в распространении медицинского обслуживания принадлежала земству. В Аткарском уезде насчитывалось 5 больниц, все они содержались

исключительно за счёт земства. При каждой из них имелись аптека и амбулатория. Помимо этого вольные аптеки имелись в городе и двух крупных сёлах. Больные Аткарского уезда принимались без какой-либо платы., а жители иных мест платили от 24-27 коп. до 40 коп. Амбулаторным больным лекарства давались также бесплатно. Больница г. Аткарска размещалась в деревянном здании и была рассчитана на 35 кроватей [15, с. 2].

В Балашовском уезде имелось 8 земских больниц, также содержавшихся исключительно за счёт земства. При каждой имелась амбулатория и аптека, кроме того, в уезде было ещё 5 аптек. Больница Балашова была рассчитана на 35 кроватей [16, с. 15].

В Петровском уезде было 6 врачебных округов с 5 больницами (одна в городе). Больницы, за исключением одной, были специально выстроены и содержались за счёт уездного земства. При каждой из них имелась аптека, кроме того, в уезде было ещё две аптеки – в самом Петровске и в с. Лопатино. Больница города находилась на окраине и была рассчитана на 25 кроватей [17, с. 31].

В Хвалынском уезде всех земских больниц насчитывалось четыре, в том числе одна в городе. Все они содержались исключительно за счёт земства. При каждой из них имелись амбулатория и аптека. Кроме этого, в Хвалынске имелась амбулатория с вольной аптекой. Больница города была рассчитана на 30 кроватей, а также имела заразное отделение. Таким образом, всего насчитывалось 40 мест [18, с. 41].

В Вольском уезде насчитывались 3 земские больницы, а при каждой имелись амбулатория и аптека. В Вольске имелась также думская больница [19, с. 54]. Саратовский уезд был разделён на восемь врачебных округов (в 1891 г. их насчитывалось уже 11). Всего насчитывалось шесть больниц, а действовало из них только три. Во всех имелись амбулатории и аптеки [20, с. 64].

В Царицынском уезде имелось пять врачебных округов и две больницы: в Царицыне и Дубовке. Обе содержались исключительно за счёт земства. Больница в Царицыне располагалась за чертой города, рядом с кладбищем и свалкой городских нечистот. Она состояла из двух корпусов и была рассчитана на 40 кроватей (30 мужских и 10 женских). Вольных аптек в уезде насчитывалось четыре: одна в Дубовке и три в Царицыне [21, с. 83].

Кузнецкий уезд имел четыре больницы (одна находилась в городе Кузнецке). Она была специально отстроена земством, содержалась за её счёт и была рассчитана на 40 кроватей [22, с. 91]. В Сердобском уезде находилось четыре земские больницы (одна в Сердобске). Все содержались за счёт земства и при каждой имелись амбулатория и аптека [23, с. 94].

Постепенно в земских собраниях стали поднимать вопрос о бесплатном лечении стационарных больных. В Саратовской губернии в основном лечение было бесплатным, за исключением трех уездов – Кузнецкого, Хвалынского и Царицынского, где медицинские услуги составляли 25–30 копеек в день.

С первых лет деятельности земства шла кропотливая работа по выбору способа обслуживания больных. Использовались следующие виды оказания медицинской помощи населению: разъездная, больничная, стационарная,

амбулаторная. Единой отработанной медицинской системы в России не существовало. До 1890-х гг., на этапе становления земской медицины и подготовки необходимых специалистов, в земских губерниях в лечебном деле преобладала разъездная система и – из-за недостатка врачей – фельдшерское обслуживание. Постепенно стали отказываться от разъездной системы как менее эффективной.

Расширение медицинской помощи населению требовало интенсивной подготовки среднего медицинского персонала. При недостатке дипломированных врачей фельдшеры вели в известной мере самостоятельную работу. В 1910 г. в стране имелось, наряду с врачебными участками, еще 4,6 тыс. фельдшерских пунктов, из которых 2,7 тыс. принадлежало земству [24, с. 4].

Одним из показателей развития медицины и здравоохранения являлась и развитая сеть аптек. Старейшая частная аптека в Саратове открылась в 1807 г., следующая – в 1820-х гг. В 1875 г. в Саратове имелось 7 аптек, а всего в губернии – 24, в том числе две аптеки и одно филиальное отделение в Царицыне [25, л. 3]. К концу XIX в. в губернии насчитывалась уже 31 аптека, а в Саратове по-прежнему – 7 [26, с. 11]. К 1904 г. их число в городе возросло до 12 [27, с. 224]. В остальных уездных городах было по одной аптеке, кроме Вольска, Камышина, где имелось по 2 аптеки, и Царицына, в котором насчитывалось 6 аптек [28, с. 224].

В Саратовской губернии к 1914 г. их число равнялось уже 85, в том числе в Саратове – 22, и к 1917 г., по списку аптекарских магазинов, их число не изменилось [29, л. 1]. В Хвалынске (1894 г.), Вольске (1898 г.), Балашове (1904 г.) были открыты городские аптеки, не дававшие большую прибыль, но позволявшие горожанам приобретать качественные медикаменты по доступной цене [30, с. 20].

Одной из главных проблем медицинского обслуживания и развития здравоохранения в дореволюционной России являлся недостаток лечебных учреждений и медицинского персонала. Так, по данным переписи 1897 г., всех врачей в Российской империи насчитывалось около 17 тыс. чел., а в 1912 г. гражданских врачей – 22,8 тыс., фельдшеров – 28,5 тыс., что явно было недостаточно для населения страны [31, с. 3].

В 1914 г. в Саратове насчитывалось 239 врачей (в том числе женщин – 28), в Аткарске – 7 (1 жен.), в Балашове – 10 (1 жен.), в Вольске – 13 (1 жен.), в Камышине – 10 (3 жен.), в Кузнецке – 7 (1 жен.), в Петровске – 6 (1 жен.), в Сердобске – 4 (1 жен.), в Хвалынске – 6 (1 жен.), в Царицыне – 26 (3 жен.) [32, с. 24].

По данным статистического обзора за 1914 г. в Саратовской губернии состояло 224 фармацевтов, из которых в городах 182 и 42 в уездах. Аптекарских участков в губернии насчитывалось 105, фельдшеров и фельдшерниц – 700, из них 300 в городах и 400 в уездах. Повивальных бабок числилось 148, из них 114 в городах и 34 в уездах. Дантистов и зубных врачей в указанный год имелось 110 [33, с. 24].

Получалось, что один врач приходился на 1750 чел. в городах и 23945 чел. в уездах, а фельдшер, соответственно, в городах – на 1914 чел., а в уездах – 6884 чел. [34, с. 24]. Всего в Саратовской губернии насчитывалось 185 лечебных заведений с 3875 кроватями: одно лечебное заведение приходилось на 17989 чел., а 1 кровать – на 858 чел. [35, с. 24]. Значительная часть населения губернии не могла пользоваться медицинской помощью [36, с. 99.]

Таким образом, медицинское обслуживание в Саратовской губернии в дореволюционный период находилось на стадии становления, ощущался дефицит медицинского персонала и соответствующих учреждений. Постоянными в регионе были массовые эпидемии, уносившие жизни тысяч людей. Земские медики внесли существенный вклад в развитие здравоохранения региона, создав под руководством органов земского самоуправления систему организации лечебного дела с ее участковым принципом обслуживания населения и эффективными методами лечения больных. Земства способствовали распространению гигиенических знаний в народе, занимались профилактикой заболеваний, а также выполняли важную культурную миссию, борясь с невежественными предрассудками и суевериями, утверждая доверие к научной медицине и к ее представителям.

Список источников и литературы

1. См.: Хованский Н. Ф. К истории организации врачебного дела в Саратовской губернии. // Труды СУАК. Т. 4. Вып. 2. Саратов, 1893. С. 17.
2. Жеребцов В. И. Страницы из прошлого Саратова. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 85.
3. Вклад Физико-медицинского общества в развитие здравоохранения и медицинского образования в Саратовской губернии (к 150-летию со дня основания) // Саратовский медицинский журнал. 2010. Т. 6, № 3. С. 730.
4. Там же. С. 731.
5. Матвеев И.Н. Саратов в санитарном отношении в 1906 году. Отчет санитарного врача. Саратов, 1908. С. 77.
6. Там же. С. 63.
7. Араловец Н. А. Российское городское население в 1897-1926 гг.: брак и семья. М., 2004. С. 124.
8. Матвеев И. Н. Указ. соч. С. 10.
9. Матвеев И. Н. Указ. соч. С. 97, 105-106.
10. Там же. С. 99.
11. Там же. С. 107, 109.
12. Там же. С. 120.
13. См.: Араловец Н. А. Указ. соч. С. 125.
14. Хованский Н. Ф. К истории организации врачебного дела в Саратовской губернии // Труды СУАК. Т. 4 Вып. 2. С. 20-21.
15. Моллесон И. И. Организация и распределение земской и думской врачебной помощи в Саратовской губернии к январю 1890 г. Саратов, 1892. С. 1-2.

16. Там же. С. 15.
17. Там же. С. 31.
18. Там же. С. 41, 51.
19. Там же. С. 54.
20. Там же. С. 64.
21. Моллесон И. И. Указ. соч. С. 83, 87.
22. Там же. С. 90-91.
23. Там же. С. 94.
24. Морозов С. Д.. Организация медицинской помощи, рождаемость, смертность, заболеваемость и продолжительность жизни в России. (1897-1917гг.). // Проблемы демографии, медицины и здоровья населения России: история и современность. Материалы IV международной научно-практической конференции. Пенза, 2007. С. 4.
25. ГАСО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 71. Л. 3, 3об.
26. Хованский Н. Ф. К истории организации врачебного дела в Саратовской губернии.// Труды СУАК. Т. 4. Вып. 2. С. 11-12.
27. Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 224.
28. Там же.
29. Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Саратов, 1915. С. 25.; ГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 451. Л. 1.
30. Камаева Е. Е. Деятельность органов городского самоуправления Саратовской губернии (1870-1914 гг.). Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. Волгоград, 2010. С. 20.
31. Морозов С. Д. Указ. соч. С. 3.
32. Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Саратов, 1915. С. 24.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же. С. 25.
36. Сиротина С. Г. Государственная политика развития советского здравоохранения. 1920-1930-е годы (на материалах Нижнего Поволжья). Диссертация... кандидата исторических наук. Саратов, 2006. С. 89.

УДК 94(47)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
РСФСР (1921-1923) В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

Гижов Александр Александрович
учитель истории и обществознания,
ГБОУ СШ № 878, Москва,
wasisol@mail.ru

Гижов Владимир Александрович
Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова,

В статье анализируется деятельность Отдела национальных меньшинств Наркомата по делам национальностей в области культуры в 1921-1923 гг. Авторы рассматривают основные направления этой деятельности: образование, просвещение, периодические издания, наука. Делается вывод, что несмотря на трудности Отделом национальных меньшинств предпринимались попытки реализации всех вышеупомянутых направлений.

Ключевые слова: Отдел национальных меньшинств; просвещение, издательское дело, наука, губернии, культурная политика.

ACTIVITIES OF THE DEPARTMENT OF NATIONAL MINORITIES OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR NATIONALITIES OF THE RSFSR (1921-1923) IN THE FIELD OF CULTURAL CONSTRUCTION

The article analyzes the activities of the Department of National Minorities of the People's Commissariat for Ethnic Affairs in the field of culture in 1921-1923. The authors consider the main directions of this activity: education, enlightenment, periodicals, science. It is concluded that despite the difficulties of the Department of National Minorities, attempts were made to implement all the above-mentioned directions.

Key words: Department of National Minorities; education, publishing, science, provinces, cultural policy.

Национальные отношения являются одной из самых проблемных тем во многих гуманитарных науках. Ученые ищут рецепты оптимального положения наций внутри государства, предлагаются различные варианты решения национальных вопросов. Опыт СССР представляет определенную модель существования в рамках одной страны людей совершенно разных наций, менталитетов, религий и т.д. В данной статье авторы сконцентрируют свое внимание на деятельности Отдела национальных меньшинств, который функционировал при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР в 1921-1923 гг., причем сделают это в контексте культурной политики.

5 мая 1921 года был образован Отдел национальных меньшинств, в задачи которого входили: объединение и направления работы губернских и уездных национальных отделов, обслуживающих все национальные группы на территории РСФСР, которые не имели своих центральных нацотделов при Наркомнаце и не входили в соответствующие территориально-национальные объединения. К таким народностям относились: украинцы, белорусы, мордва, татары, башкиры, чуваша, марийцы, евреи, поляки, немцы, латыши, эстонцы, финны, вотяки, хакасы, черкесы, лопари, туркмены, остяки, самоеды, зыряне и т.д. [1, с.143]. Конечно, многие из названных народов, вряд ли, можно отнести к национальным меньшинствам, в современном понимании, но в вначале 1920-х годов критерий был иной – проживание в пределах или пределами своих национальных объединений. Ведь в это время на территории РСФСР только идет процесс автономных делений (республик, округов, краев, областей).

Одним из важнейших направлений в деятельности Отдела нацменьшинств были вопросы культурного строительства в государстве. Работа проводилась Отделом через подчиненные ему губернские отделы по

делам национальностей, которые обязаны были заниматься оказанием помощи в организации национальных школ, выпуском газет на языках, имевших распространение на этих территориях, организацией библиотек, губчитален, народных клубов и т.д. Что касается работы в центре, то Отдел меньшинств занимался распределением мест в высшие учебные заведения страны, через народный комиссариат иностранных дел вел переговоры с немецким дипломатическим представлением о помощи в организации школьного дела у советских немцев, выделяя кредиты на культурно-просветительскую работу.

В различных регионах с просвещением национальных меньшинств дело обстояло по-разному, но необходимо отметить общие трудности, существовавшие в этой сфере. К ним можно отнести: нехватку средств и оборудования, отсутствие квалифицированных специалистов. Но если сравнить состояние дел в этой области в 1921 году с положением в 1922 году, можно увидеть определенные положительные сдвиги. По отчетам губернских отделов за 1921 год можно лишь предположить о наличии работы в области просвещения, так как губотцацы отделялись лишь общими словами о состоянии дел в школах. Вот как характеризуется эта работа в Саратовской губернии: «Количество национальных школ очень незначительно и культурно-воспитательная работа поставлена слабо» Ввиду недостатка школ безграмотность особо развита в мордовском населении». Еще одна выдержка из документа, относящаяся к Енисейской губернии: «Национальных школ не имеется, ввиду недостатка педагогов». В качестве рекомендаций к улучшению работы принимались: привлечение женщин к работе, открытие интернациональных курсов для поднятия культурного уровня. Подобные ситуации можно было обнаружить и в других губерниях [2, л. 18].

За 1922 год были сделаны значительные шаги, в плане организации национальных школ. В отчетах губернских отделов по делам национальностей появляются цифры, характеризующие улучшение положения в народном образовании у национальных меньшинств. Наиболее показателен в этом отношении являлся Петроградский губотнац. К ноябрю 1922 года в городе Петрограде и Петроградской губернии насчитывалось 296 национальных школ, причем основная масса приходилась на финские школы (203). Кроме финских национальных школ существовали школы для эстонцев (70), евреев (4), татар (3), поляков (11), латышей (5). Кроме того, каждая национальность имела свои детские дома, клубы, народные дома, библиотеки. При содействии губернского и национального отделов были организована партшкола, 2 педагогических института, 4 национальных театра, духовная семинария [3, л. 14].

Как уже упоминалось выше, Отдел нацменьшинств проводил переписку через Народный комиссариат иностранных дел с Германским дипломатическим представительством по поводу образования школ для лиц немецкой национальности в России. Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что Германское Правительство было готово оказать определенную помощь путем предоставления учебников и школьных принадлежностей [4, л. 16]. Однако точных данных о непосредственной реализации этой помощи авторам обнаружить не удалось, хотя наметившиеся улучшения в советско-германских

отношениях в этот период свидетельствовали о возможности осуществления этого проекта.

Особое внимание Отдел обращал на издательскую деятельность как в центре, так и на местах. Необходимость организации выпуска печатных изданий диктовалось временем, так как среди многих национальностей владение русским языком было довольно слабым. Возрастала потребность в распространении и усвоении самой различной информации среди нерусского населения РСФСР. В печатных изданиях, в основном в газетах, пропагандировались и разъяснялись основы политики советского государства по различным аспектам (НЭП, вопросы сельского хозяйства, просвещение и т.д.).

Во всех регионах существовали схожие проблемы: отсутствие достаточного количества бумаги, нехватка средств на регулярный выпуск литературы, недостаток подготовленных и квалифицированных специалистов. Успех в выпуске периодики зависел, прежде всего, от взаимодействия местных национальных отделов с другими местными учреждениями Советской России. Необходимо также заметить, что в губерниях выпускались газеты не на всех языках, имеющегося там населения. Да и выпускаемая продукция имели мизерный тираж, чтобы удовлетворит все информационные потребности. Так, в Астраханской губернии с 1 июля 1921 года выпускалась газета на татарском языке «Кзыль-Иль» (Красный край) в количестве 1000 экземпляров. Основная масса тиража распространялась среди рабочих города Астрахани, оставшаяся часть среди крестьянства. В Пензенской губернии издавалась газета на татарском языке «Сабанги» (Пахарь) тиражом в 800-1000 экземпляров.

Кроме того, в связи с продкампанией выпускались листовки на татарском и мордовском языках в количестве 500 экземплярах, и эта литература распространялась среди крестьянства. В Самарской губернии, в том же 1921 году, издавался еврейский ежемесячный бюллетень, тиражом в 500 экземпляров, а также татарские и башкирские газеты «Эшка» и «Аул» [2, л. 29]. Издание газет не на всех языках, объясняется видимо отсутствием необходимых условий и ограниченностью средств. В такой ситуации издательствам приходилось, учитывая трудные условия, выбирать где наиболее эффективно они смогут наладить выпуск изданий, исходя из численности той или иной специальности.

Отдел национальных меньшинств в своей работе уделял определенное место научным исследованиям. В 1922 году в штате Отдела была предусмотрена должность Ответственного инструктора – консультанта охраны и управления северных племен России, в обязанность которого входило собирать и разрабатывать материал историко-этнографического характера о культурной и экономической жизни народов Севера. Большое значение для деятельности в этом направлении приобретали работы профессора В.Г. Богораз-Гана, который сотрудничал с Отделом нацменьшинств. На основе его предложений и докладов принимались ответственные решения. Так, после его доклада [5, л. 4], сделанного на заседании Большой Коллегии Наркомнаца 30 марта 1923 года, в котором профессор дал подробную и целостную

характеристику жизни северных народов. После чего Наркомнац составил проект декрета «О предварительной охране туземных племен» [5, л. 19]. Кроме того, при Отделе работало этнографическое бюро, образованное в 1922 году. Известны названия статей и докладов, написанных учеными бюро за 1922 год. Судя по их названиям, сотрудниками бюро была проделана большая работа, прежде всего в области этнографии. Всего упоминается 14 работ, основная масса которых посвящена, изучению народов Севера, а также вопросам национальной политики [3, л. 12].

В январе 1923 года Саратовский губотнац вышел с ходатайством перед Отделом национальных меньшинств о помощи в отпуске необходимых средств для организации археологических раскопок в Саратовской губернии [6, л. 6]. Данное прошение не осталось без внимания, средства были выделены и уже летом 1923 года профессором П.С. Рыковым были произведены раскопки на территории Петровского и Аткарского уездах, а также в местах, где он проводил раскопки в 1921 и 1922 годах [6, л. 7].

Одной из забот Отдела нацменьшинств - было распределение мест в ВУЗы страны представителей различных национальностей. И хотя основная часть мест в ВУЗы распределялась Народным комиссариатом по делам просвещения, все-таки механизм этого процесса вырабатывался Отделом нацменьшинств. Отделом была разработана «Инструкция по приему в ВУЗы представителей нацменьшинств» [7, л. 26], в котором определялся порядок поступления лиц нерусского происхождения. Это была своеобразная помощь абитуриентам, которые не могли поступить в высшие учебные заведения на общих основаниях, вследствие низкого уровня подготовки. Всего для представителей национальных меньшинств в ВУЗы предоставлялось 5 % мест, куда они могли быть приняты после рекомендации губернских отдела народного образования и отдела по делам национальностей.

Иногда Отдел нацменьшинств брал на себя функции распределения. Так, в документе от 19 июля 1922 года, посланного в Бюро национальных меньшинств Наркомпроса говорилось: «Настоящим Отдел национальных меньшинств НКН просит предоставить в распоряжение Отдела 1\3 из предоставленных для национальных меньшинств мест в ВУЗы гг. Москвы и Петрограда для распределения таковых среди национальных меньшинств» [8, л. 15]. Или вот еще пример: «...В августе месяце проводилась работа по распределению мест в Коммунистическом Университете трудящихся Востока и Институт Востоковедения в Москве и Петрограде. Предоставленные места были распределены между существующими при Отделе национальными п\отделами, которые посылали учащихся данной национальности, а распределение мест в Институте Востоковедения были переданы национальным секциям ЦК РКП(б)» [3, л. 4].

Таким образом, при непосредственном участии Отдела национальных меньшинств проходил выпуск печатных изданий в губерниях, хотя и не на всех языках, необходимых для полного удовлетворения потребностей многонационального населения. Осуществлялась помощь в научной работе, которую проводили заинтересованные ученые. Несмотря на трудности

делались попытки создать и наладить систему народного образования, что было не просто, учитывая кадровый дефицит педагогов и нехватку средств.

Список источников и литературы

1. Шесть лет национальной политике Советской власти и Наркомнац 1917-1923 гг. (вместо отчета). М., 1924.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д.729.
3. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 755.
4. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 739.
5. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 781.
6. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 778.
7. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 740.
8. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 748.

УДК 947.084.5

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Цыплин В.Г.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
v.tsyplin@yandex.ru

В статье на характерных примерах рассматриваются предпосылки создания новой организации, которая сочетала в себе статус американского акционерного общества и функции советского торгпредства. Анализируется необходимость закупки в США новых образцов военной техники, станков, а так же внедрения в оборонную промышленность передовых производственных методов, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Ключевые слова: советско-американские отношения, период непризнания СССР, «Амторг», оборонная промышленность СССР.

SOVIET-AMERICAN MILITARY-TECHNICAL INTERACTIONS IN THE CONDITIONS OF INFORMAL RELATIONS

The article examines the prerequisites for the creation of a new organization, which combined the status of an American joint-stock company and the functions of a Soviet trade mission, using typical examples. The necessity of purchasing new models of military equipment, machine tools in the USA, as well as the introduction of advanced production methods, research and development work into the defense industry is analyzed.

Key words: Soviet-American relations, period of non-recognition of the USSR, Amtorg, defense industry of the USSR.

Прекращение военной интервенции и окончание Гражданской войны предоставило возможность советскому государству заняться расширением своей деятельности на международной арене. В 1920-е годы Советское руководство начало отходить от главенства принципов пролетарского интернационализма и демонстративных отказов от «имперского прошлого» в направлении защиты интересов Советской России как независимого, суверенного государства. Для этого в течение десятилетия предпринимались попытки создания оборонной промышленности СССР практически с нуля. В опытное и серийное производство пытались воплотить как новые довольно смелые конструкторские решения, так и различного рода доработки достижений мирового военпрома, которые надо было как-то заполучить. Эти процессы касались всех видов вооружений. Очень тяжело было организовать торговые отношения с США, так как коммерческая политика Вашингтона в отношении России в исследуемый период была непоследовательна и крайне противоречива. Трехлетнее эмбарго на торговлю с Россией отменили в начале 1920 года. К этому акту подошли со стандартным формальным американским подходом: правительство США не рекомендовало американским компаниям вести дела с представителями СССР, госдеп запрещал банкам предоставлять долгосрочные кредиты СССР, от Москвы добивались выплаты компенсаций всем американским компаниям, у которых были национализированы активы. Кроме этого США постоянно требовали признания царского долга и начисленных по нему процентов. Без этого Президенты США Гардинг, Кулидж и Гувер отказывались от обсуждений торгового договора с СССР [1]. Американские бизнесмены в ходе переговоров с российскими представителями действовали на свой страх и риск. Как правило, они представляли мелкие и средние компании. Неофициальный статус в СССР имела и крупная американская компания «Форд», с которой в 1929 году был подписан договор о строительстве автозаводов в Нижнем Новгороде и Москве. В рассматриваемый период на дела частного бизнеса в России американское государство особого внимания и не обращало.

С учетом этих обстоятельств Советское руководство пыталось найти новых союзников среди любых государств антизападной ориентации, не обращая внимания при этом на их внутривнутриполитические расклады, и наладить с ними приемлемые экономические отношения. Советское правительство прислушивалось к рекомендациям дипломатов, которые стояли на позициях ведения советской внешней политики из необходимости устранения всяких надуманных поводов и всякого рода нападок противников и недоброжелателей [2, с. 104]. Был необходим поиск политических решений. Их пытался найти Л. Б. Красин. Он, например, инициировал выделение на Камчатке земельных участков американским предпринимателям за небольшую оплату, предполагалось так же размещение военно-морской базы на Камчатке [3, с. 152]. Данные шаги могли быть реализованы на основе решений Вашингтонской конференции, которые способствовали прогрессированию международного положения Советской России на Дальнем Востоке [4, с. 247]. Но после бурных дебатов в правительстве США и скандальных публикаций в

прессе госсекретарю Бейнбриджу Колби пришлось информировать общественность США о непризнании Вашингтоном Советского государства, отсутствии заинтересованности в любых концессиях и недопустимости расположения военно-морских баз на территории России [5]. Перечисленные события происходили на фоне серьезных изменений в экономике США, когда после окончания Первой мировой войны отменили законы военного времени и контроль цен прекратился. В связи с этим оружейные и судостроительные магнаты были вынуждены пересматривать условия соглашений с государственными структурами, разрывать контракты. С целью удержать уровень заработной платы они были готовы на любые контракты. Сотни тысяч граждан США не имели источников средств существования. Они составили армию безработных, численность которой увеличивалась за счет женщин, трудившихся в годы войны на производстве, и пополнялась вернувшимися с войны солдатами. Множество предприятий обанкротилось или сворачивало промышленное производство [6, с. 374]. В этих условиях граждане США были готовы выполнять любые работы в любой стране.

После окончания Гражданской войны в российской промышленности стали обозначаться некоторые контуры будущего оборонного комплекса страны. Генерал-майор русской армии В.С. Михайлов - заведующий технической частью Главного управления военной промышленности в своем докладе «Об организации военной промышленности» в октябре 1921 года на 1-м Всероссийском съезде инженеров, задействованных в военной промышленности, обозначил шаги развития отечественной военной промышленности. На основе системного анализа впервые была предложена целая система организационных мероприятий заводского военного строительства, включавшая в себя модели организации и функционирования уже созданных оборонных предприятий в режиме реально времени [7]. Для реализации планов, касающихся разработок новых образцов вооружения и освоения их массового производства, нужны были инженерные кадры. По воспоминанию неофициального представителя РСФСР в Соединенных Штатах, политэмигранта из русских немцев Л. К. Мартенса, Советское руководство для экономического возрождения России планировало приобрести новейшие американские технологии и достаточное количество квалифицированных рабочих из США [8]. Подобные планы распространялись и на процесс создания оборонной промышленности. Сам Л. К. Мартенс, постоянно проживая в Нью-Йорке, поддерживал тесные контакты с большевиками. Его, как доверенное лицо, Советское правительство назначило торговым представителем РСФСР в США. По этим причинам он подвергался гонению со стороны американского правосудия. В начале 1921 года он был депортирован из США в Россию. Перед убытием он выполнил установки Москвы и перевел все российско-американские соглашения в разряд не имеющих законной силы [9, с. 174].

Несмотря на официальную точку зрения Вашингтона о невозможности построения честного бизнеса в России, в США было достаточно желающих сесть за стол переговоров с представителями советской стороны. По предложению советского представительства в Нью-Йорке было образовано

«Общество технической помощи Советской России», состоявшее в 1921 году из 10 тыс. человек. Оно специализировалось на организации перевозки в Россию американских рабочих, для которых из-за экономического кризиса и роста безработицы это было хорошим предложением. Данные процессы регламентировались постановлением Совета Труда и Оборона РСФСР (СТО) от 22 июня 1921 года «Об американской промышленной эмиграции». При русских консульствах в Сиэтле, Сан-Франциско и Гонолулу были созданы инициативные группы по реэмиграции [10]. Имели место случаи насильственного перемещения американских граждан. Так, 17 января 1920 года в Россию через Латвию и Финляндию были депортированы 249 человек, не имеющих никакого отношения к большевикам и коммунистической партии.

На государственном уровне США каких-либо контрактов с Советской Россией до 1933 года быть не заключали. Со стороны США договор заключали частные фирмы. Советскую сторону представлял «Амторг», имевший шикарный офис в самом центре Нью-Йорка на Пятой авеню, юридически являвшийся иностранной частной организацией. Она работала в СССР на основании постановления ВЦИК и СНК от 12 апреля 1923 года «О торговых операциях иностранных фирм» в качестве акционерного общества [11, с. 301]. В реалиях «Амторг» выполнял роль неофициального советского торгово-экономического и даже дипломатического представительства в США, формально числился в структуре госдепа США. Через «Амторг» заключались соглашения об участии американских предпринимателей и технических специалистов в создании проектов крупных промышленных объединений и их реализации. Большой процент штатных должностей был укомплектован сотрудниками иностранного отдела НКВД, который был создан весной 1920 года в качестве нового подразделения в Особом отделе ВЧК. Их больше интересовали не чисто коммерческие вопросы, а возможности приобретения образцов новейшего оружия, получения американских военных секретов и технологий, а так же отправки добытой военно-технической и научной информации на Родину. К началу 1930-х годов количество персонала «Амторга» увеличилось с нескольких десятков до полутора тысяч сотрудников [12, с. 11]. Информация о советских разведчиках, которые работали под прикрытием «Амторга», практически отсутствует в открытых источниках. В адрес «Амторга» постоянно сыпались обвинения в разжигании расовой розни в США, шпионаже, в финансировании компартии США и протестных движений в Америке. Они достигли своего максимума в 1930 году. В связи с этим в США под руководством конгрессмена Г. Фиша был сформирован особый комитет. На него были возложены обязанности расследования подрывной коммунистической деятельности. Обвинения основывались на содержании более 3000 шифротелеграмм «Амторга», дешифровкой которых занимались американские военные специалисты. На допрос был вызван руководитель «Амторга» П.А. Богданов [13, с. 94].

Был период, когда конгрессмены вводили санкции против экспорта из СССР угля, асбеста и древесины, объясняя их дешевизну применением на лесоповалах в СССР труда заключенных. Американские санкции не отразились

на функционировании http://www.aif.ru/dontknows/infographics/tank_T34 «Амторга» [14]. Покажется странным этот факт истории, но «Амторг» оказалась практически единственной организацией в США, через которую можно было подать концессионные предложения от соискателей и осуществлять сложные переговорные процессы. Такое положение объясняется отсутствием заграничных концессионных комиссий в условиях дипломатического непризнания России. Поэтому деятельность в СССР иностранного капитала можно было хоть как-то обозначить только в уставе торгпредства «Амторг» [15, с. 57]. После принятия первого пятилетнего плана концессии заменили на договоры о технической помощи и о техническом содействии. Советским организациям, включая военное ведомство, необходимо было иметь за границей свои технические бюро. Они занимались изучением нужных производств и установлением с ними первых контактов. Далее через «Амторг» согласовывались все действия и велись расчеты с американскими компаниями [16, 193]. У советской стороны имелись законные, но весьма непопулярные рычаги воздействия для расторжения договоров: применялось налоговое «давление», вводился запрет на вывоз валюты, одобрялись конфликты рабочих с администрацией, приводившие в конечном итоге к протестным движениям, организовывались частые рейды и проверки с участием профсоюзов и общественности, в крайних случаях подключались правоохранительные органы (ОГПУ).

Зарубежные командировки военнослужащих и гражданского персонала, а так же проводимая в США производственная практика, считались в СССР самым эффективным методом обучения персонала. Многие руководители предприятий были убеждены в том, что на иностранных заводах можно было получить больше знаний и навыков, чем у командированных и вернувшихся на производство в СССР специалистов. Ежегодно несколько сотен человек командировали в США, где они имели беспрепятственный доступ к проектным работам и техническим расчетам конструкторов. Советским специалистам не запрещали делать рисунки, эскизы, наброски и другие графические документы. Разрешалось безвозмездно снимать копии без какого-либо бюрократизма. Советские люди не ожидали таких порядков, в СССР они привыкли соблюдать режим «секретности». В США в 1920-х годах для инженерных работ приобретался патент, а к процессам распространения информации относились положительно, считая это лучшей рекламой [17, с. 179].

Впечатляют первые достижения «Амторга». Так, в период с 1 августа 1924 года по 1 августа 1925 года через торговое общество было поставлено в СССР 8300 тракторов «Фордзон», а оборот компании составил порядка \$34 млн [18, с. 435]. Особо важным для СССР являлся доступ к военным технологиям в области новейших видов вооружения США (в авиации и бронетехнике), производство которых в СССР в те годы находилось в на начальной стадии. Поэтому одной из главных задач «Амторга» явилась закупка в США военного имущества и лицензий на производство техники.

Оценивая типовые договоры о технической военной помощи, советские юристы называли в них слабые стороны: как непонимание контрагентами всех российских особенностей и обстоятельств, различные подходы к проектированию и строительству объектов в России, возникающие сложности при согласовании различных видов документации в советских министерствах и ведомствах, частые изменения технических заданий. Серьезные проблемы по осуществлению контрольных и надзорных функций возникали на всех этапах выполнения договорных обязательств американскими компаниями. К ним относятся: умалчивание о ряде производственных секретов, направление в СССР малоквалифицированных работников, скрытый саботаж и даже диверсионные действия. По этим причинам зарубежные фирмы несли серьезные финансовые и моральные издержки.

Несмотря на это, закупки в США образцов новой техники, станков, технологий имели стратегическое значение как для научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, так и для внедрения в оборонную промышленность передовых производственных методов. На основе изучения образцов приобретенной техники делались заключения о степени необходимости производства подобных устройств в СССР. Особое внимание при этом обращалось на организацию собственного опытного и серийного производства боевой техники: танков и самолетов. Можно уверенно утверждать, что военно-техническое сотрудничество советской авиационной и танковой промышленности с американскими фирмами было в 1920-е годы в целом эффективным. Историки и эксперты при этом правдиво отмечали, что новейшие технологии и оборудование порой не использовались на полную мощность из-за трудностей освоения, нехватки подготовленных кадров, перебоев в снабжении, низкого качества сырья, материалов и строительно-монтажных работ, отставания транспортной инфраструктуры и суровых климатических условий. Наиболее ценным для советских инженеров были технологические решения, повышающие производительность труда и снижающие требования к качеству рабочей силы.

В дальнейшем заимствование технологий явилось важнейшим вкладом американской военной и технической помощи в создание огромного советского экономического и военного потенциала, что повлияло на дальнейший ход истории XX века.

Список источников и литературы

Методы контролируемого отставания: что придумывали США для наказания СССР и России. [Электр. ресурс].- Режим доступа: <https://ruposters.ru/news/01-02-2018/chto-pridumivali-ssha> (дата обращения: 10.12.2021.)

1. Редченко Д.В. Г.В. Чичерин и советская внешняя политика в странах Востока // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 103-113.

2. Письмо народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) относительно переговоров с американским предпринимателем В.Б. Вандерлипом. 28 сентября 1920 года. // Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918-1926. М.: МФД, 2002. С. 152-153.

3. Цыплин В.Г. К российским вопросам на Вашингтонской конференции 1921-1922 годов // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы IV международной научной конференции, посвященной 75-летию победы в Сталинградской битве. Волгоград. 20-21 октября 2017 г. Волгоград. ВолГУ.2017.С. 239-247.

Официальное сообщение Б. Колби. Нью-Йорк Таймс. 27 октября 1920 года [Электр. ресурс].- Режим доступа: <https://yandex.ru/search/?text=5> (дата обращения: 10.12.2021.)

4. Иванян Э. История США. М. Дрофа. 2004. 576 с.

5. Как менялись взгляды на военно-промышленный комплекс России в 1910-1920 годы? [Электр. ресурс].- Режим доступа: <http://armflot.ru/vooruzhenie/176-kak-menyalis-vzglyady-na-voenno-promyshlennyy-kompleks-rossii-v-1910-1920-gody?start=4> (дата обращения: 11.12.2021.)

6. Супоницкая И.М. Американизация советской России в 1920-1930-е гг. // Вопросы истории, № 9, Сентябрь 2013. [Электр. ресурс].- Режим доступа: <https://rabkrin.org/suponitskaya-i-m-amerikanizatsiya-sovetskoj-rossii-v-1920-1930-e-gg-statya/> (дата обращения: 10.10.2021.)

7. Шпотов Б. М. Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928— 1933 гг. // Экономическая история: ежегодник. Том 2005. М. РАН. 2005. С. 172-196.

8. Воробьева О.В. Российская эмиграция и репатриация в Русской Америке в 1917-1920-х годах [Электр. ресурс].- Режим доступа: <http://www.jurnal.org/articles/2013/hist4.html> (дата обращения: 14.12.2020.)

9. Цыплин В.Г. Советско-американские контакты в военной области в условиях дипломатического непризнания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 299-304.

10. Лебедев В. В начале славных дел. // Родина. № 12. 2010. С. 6-11.

11. Якутин Н., Князев А. Белым пятном на карте // «Экономика и жизнь». №43 (9509). 2013. С. 92-99.

12. Подкупить Рузвельта. Сколько стоило СССР обойти санкции США // «Аргументы и Факты» № 37 13/09/2017. [Электр. ресурс].- Режим доступа: http://www.aif.ru/society/history/ruzvelt_prosil_vzyatku_u_stalina_kto_pomogal_rossii_obhodit_sankcii_rossii (дата обращения: 05.12.2021.)

13. Данильченко С.Л. Зарубежные инвестиции в большевистскую экономику: проекты и итоги // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2016. №1(7). С.53-60.

14. Штопов Б.М. Бизнесмены и бюрократы: американская техническая помощь в строительстве Нижегородского автозавода, 1929—1931 гг. // Экономическая история: ежегодник. Том 2002. М. РАН. 2003. С. 191-232.

15. Алексеенко Е.В. «Диалог» капитализма и социализма через призму производственных контактов в 1923—1933 гг.: советский человек «открывает» границу, граница «открывает» мир советского человека // Материалы международной научной конференции «Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность». Санкт-Петербург, 15-17 марта 2018 г.. СПб. Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. 2018. С. 176-181.

16. Солдатенков В.Ю. Российский опыт применения концессионной формы хозяйствования: исторический анализ // Проблемы современной экономики № 3(35). 2010. С. 433-436.

УДК 93

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ «НЕМЕЦКОЙ ОПЕРАЦИИ» НКВД В ДОНБАССЕ

Мозговая О.С.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
mozgowaja@mail.ru

В статье рассматриваются особенности проведения «немецкой операции» НКВД на Донбассе в контексте общей политической ситуации. Немцы Донбасса были, прежде всего, обвинены в шпионаже и вредительской деятельности, были подвергнуты массовым репрессиям, исходя из национальной принадлежности, а не доказательной базе.

Ключевые слова: «немецкая операция», большой террор, советские немцы.

FEATURES OF THE "GERMAN OPERATION" OF THE NKVD IN THE DONBASS

The article discusses the specifics of the "German operation" of the NKVD in the Donbas in the context of the general political situation. The Germans of Donbass were, first of all, accused of espionage and sabotage activities, were subjected to mass repressions based on nationality, and not on evidence.

Key words: "German operation", great terror, Soviet Germans.

«Немецкая операция» НКВД началась 25 июля 1937 г. согласно приказу № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозреваемых в шпионаже против СССР» [1, с. 271-272]. 30 июля 1937 г., появился оперативный приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» (антикулацкая операция) [7, с. 99-115], согласно которому село необходимо было освободить от «недобитых» кулаков, помещиков, офицеров царской армии, священнослужителей и т. д., а также от уголовных элементов.

Опираясь на данную «законодательную» базу силовые структуры начали расправу с, так называемой, «пятой колонной». Имеются ввиду национальные операции НКВД: № 00485 - «польская операция», затем приказ № 00593 – «харбинская» [2]. В рамках осуществления немецкой «линии» воспользовались приказом № 00439, которая началась в ночь на 30 июля 1937 года. 6 августа 1937 г. на стол Сталину лег доклад Ежова с данными о первых результатах.

Все репрессируемые элементы были поделены на две категории: а) к первой относились лица наиболее враждебно настроенные к советской власти. Такие дела рассматривались «тройками», которые, как правило, выносили высшую меру наказания, расстрел. Председателем донецкой «тройки» был назначен — Соколинский, а также Прамнэк, Руденко; б) во вторую категорию отнесли менее опасные для советской власти элементы, которые подвергались аресту и отправке в лагеря сроком от 8 до 10 лет.

По плану НКВД в Донецкой области следовало репрессировать 1000 человек по первой категории и 3000 по второй. Данные цифры были приблизительными, но их превышать не рекомендовалось. В случае необходимости превышения лимита, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны были предоставлять «ходатайства». Количество осужденных между категориями можно было варьировать, родственники арестованных и высланных, как правило, не подвергались аресту и высылке, но в обязательном порядке ставились на учет органами НКВД. На проведение операции отводилось четыре месяца, начиная с 5 августа 1937 года. [7, с. 110].

Расправа намечалась и в отношении германских граждан, политических эмигрантов, а также советских немцев, которые имели какое –либо отношение к Германии [9, s. 197]. Но часто не требовалось даже быть немцем, так как силовые органы для определения виновных использовали «альбомный порядок», даже без видимости «тщательного расследования». Таким образом, под подозрение мог попасть любой советский гражданин немецкой национальности, который имел родственников в Германии, поддерживал с ними связь, выезжал в Германию, получал помощь, не говоря уже об антисоветской деятельности или критике советской политики, лидеров государства. Особенно ревностно относились к чистке персонала на стратегических предприятиях области. 1 февраля 1938 г. Н. И. Ежов сообщил, что операция должна быть завершена к 15 апреля 1938 г. [4, с. 52-58].

По данным НКВД на 25 августа 1937 г. по Украине было арестовано 14200 человек, из них 1360 по немецкому шпионажу, в Донецкой области - 426 человек.

В угольной промышленности Донбасса была «обнаружена» и ликвидирована диверсионная организация, охватывавшая 6 районов: Серговский, Снежнянский, Ворошиловградский и другие. Как считали в НКВД, организация проводила разведывательную, вредительскую работу, подготовку диверсантов, которые должны были в период войны вывести из строя ряд стратегических предприятий «угольной и энергетической промышленности Донбасса» [7, с. 166-173]. На III пленуме обкома 22 августа 1937 г. секретарь

Донецкого обкома КП(б)У Э. К. Прамнэк, по совместительству член «тройки», призвал «очистить Донбасс от кулаков, националистов и всякой прочей сволочи». [7, с. 248].

На 13 октября 1937 г. в Донецкой области было осуждено по 1 категории 920 человек (лимит 1800 человек), по второй – 1368 человек (лимит – 3000 человек) и планировалось увеличить число осужденных на 1000 человек [7, с. 218-219]. Кандидат в члены Политбюро ЦК КП(б)У С. Саркисов уверял, что: «Немцы, которые переплетаются с фашистами, расставили свои сети по большим электростанциям. Я думаю, что мы должны идти смелее по линии высылки многих немцев из Донбасса. Они нам не нужны» [6, с. 100].

Подобные настроения только возрастали с обострением международной и внутривластной ситуации, учитывая стратегическое положение Донецкого региона и его роль в советской экономике [3, с. 50]. Власти настораживало стремительное снижение показателей добычи угля на Донбассе, увеличение аварийных ситуаций, что связывалось, конечно, с работой вражеских элементов, в том числе и советских немцев. [3, с. 51-52]. Это способствовало усилению работы карательных органов в поиске предателей, шпионов и «врагов народа», на роль которых прекрасно подходили лица немецкой национальности. Уже в апреле 1937 г. НКВД была «раскрыта» «Немецкая шпионско-диверсионная организация на железнодорожном транспорте и в промышленности Украины», работавшая и в Донецке [6, с. 99-101].

На 22 ноября 1937 г. в Донецкой области план репрессий по первой категории был полностью выполнен - 2517 (лимит – 1865), по второй категории подверглось арестам 4148 (лимит – 4500 человек) [7, с. 227-228]. 25 ноября 1937 года в Москву было доложено уже о 2930 приговоренных по первой категории и 4718 - по 2-й категории [7, с. 241-242]. Таким образом, к 9 декабря лимит был полностью исчерпан, в связи с чем Москва 17 декабря выделила Донецкой области дополнительный лимит в 1000 челок по первой категории [7, с. 244].

2 января 1938 г. Донецкое управление НКВД в докладной записке на имя Ежова сообщало, что за период с ноября 1937 г. по 10 января 1938 г. было репрессировано 27475 человек, из них по немецкому шпионажу – 5439 человек. В Донбассе была «вскрыта и ликвидируется объединенная, правотроцкистская, разветвленная организация», якобы сотрудничавшая с фашистской разведкой. С июня 1937 г. было арестовано 5439 чел. участников немецких, диверсионно-повстанческих и шпионских организаций. Ликвидированы 183 диверсионные группы, 2909 чел., в промышленности и 178 повстанческих групп в сельской местности, 2530 участников. В процессе чисток особое внимание обращалось на основные отрасли промышленности Донбасса, как угольную, металлургическую и машиностроительную. Диверсии, по мнению руководства НКВД, должны были прежде всего подвергнуться промышленные регионы Донбасса. Для выполнения данной задачи, немецкие спецслужбы планировали использовать граждан Германии, работавших на предприятиях региона, кулацкие элементы «немецкого происхождения», жителей немецких сел (в

Донбассе насчитывалось 136 немецких населенных пунктов, с общим количеством населения до 70 000) [7, с. 506-517].

Учитывая всю важность работы, в Донбасс были направлены «крупные немецкие агенты» Зоммер, Гайнц и др., которые организовали контрреволюционные ячейки. Под их руководством диверсанты занимались вредительской деятельностью на предприятиях Донбасса в мирное время, подготовкой крупных диверсий на период войны, формированием штурмовых отрядов, сбор и передача в Германию разведывательных материалов. Диверсии и вредительство в мирное время, как установило следствие, проводились, «главным образом, в угольной, машиностроительной, металлургической и химической промышленности и по сельскому хозяйству» [7, с. 515]. В связях с германской разведкой был обвинен декан римско-католической церкви Гоценбелер, который организовал шпионско-диверсионную, повстанческую организацию среди немцев-католиков в Донецкой области [7, с. 516].

Из общего числа подвергнувшихся репрессиям, трудно точно выявить осужденных по «немецкой линии», так как лиц немецкой национальности можно найти абсолютно по всем обвинительным статьям. Ориентировочно в Донбассе было арестовано 4265 человек, из них было приговорено к расстрелу 3608 человек [6, с. 104]. Несмотря на всю проведенную работу, в феврале 1938 г. в деятельности органов НКВД УССР были выявлены серьезные недочеты. Например, недостаточно четко и массированно проводилось уничтожение «наиболее опасного руководящего, активно действующего, кулацко-националистического, белогвардейского» элемента, «шпионских кадров». Следовательно, в ходе арестов репрессиям и уничтожению подверглись низовые структуры диверсантов и врагов народа, а руководящий костяк, идейный аппарат продолжал функционировать. Так был объявлен второй этап чисток, в ходе которого предполагалось «обезглавить» шпионские группы. В январе 1938 г. «украинские чекисты должны» были согласно приказу № 233 тщательно проанализировать свою деятельность по выявлению скрывавшихся агентов из лица руководящего состава. Прежде всего, по немецкой линии необходимо было «полностью репрессировать»: спецпереселенцев из пограничной полосы; актив ранее существовавших немецких пангерманских организаций и союзов [6, с. 50-56].

На 1 февраля 1938 года в Донецкой области по обвинению в немецком шпионаже было задержано 418 человек [8, с. 47-49]. 25 февраля Донецкой области был выделен дополнительный лимит по первой категории в количестве 800 человек (№00447-37) [8, с. 86].

Всего с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. органами НКВД УССР было арестовано и осуждено по немецкой линии 23 036 чел., германский шпионаж 9100 чел., по национальной принадлежности немцев 25752 человек [8, с. 149-154].

Следует отметить, что «немецкая операция» имена общесоюзное значение и репрессиям подвергались лица не только немецкой национальности, но и русские, украинцы, поляки. Таким образом, репрессии можно рассматривать в рамках государственной политики в предвоенный период, а

национальная принадлежность могла «помочь» только с выбором обвинения. Исходя из архивных материалов, как по Донецкой области, так по АССР НП, органы НКВД исходили из «политической целесообразности», подводя под нее доказательную базу.

Список источников и литературы

1. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937—1938. М., 2004.
2. Немецкая операция НКВД // https://bessmertnybarak.ru/article/nemetskaya_operatsiya_nkvd/
3. Никольский В. Политические репрессии 1937–1938 гг. на Донетчине в количественных измерениях // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018, № 4 (15). С. 48-84.
4. Охотин Я., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг. // Наказанный народ. М.: Звенья, 1999. С. 35-82.
5. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: В 5 томах. 1927-1939. Том 5: 1937-1939. Книга 2. 1938-1939. М., 2006.
6. Ченцов В. В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-1930-е годы. – М.: Готика, 1998.
7. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. Т. 1: 1937 г. М.: (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»: Германский исторический институт в Москве, 2010.
8. Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. Т. 2: 1938 г. М.: (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»: Германский исторический институт в Москве, 2010.

УДК 93

ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ РЕПАТРИАНТАМ, ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОТИВОЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ КАК ВАЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕПАТРИАЦИОННЫХ И ВОЕННЫХ ОРГАНОВ СССР (1944–1945)

Бичехвост А.Ф.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
istoriya2@yandex.ru

В статье анализируется история оказания медицинской помощи советским гражданам, находившимся на положении перемещённых лиц в годы Второй мировой и Великой Отечественной войны на территории зарубежных стран. Выявлены проблемы, с которыми столкнулись Управление Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, отделы по репатриации Военных советов фронтов и армий, медицинские учреждения, организуя помощь советским репатриантам. Рассмотрены меры, принимаемые репатриационными и военными органами по устранению недостатков при оказании медицинской помощи репатриантам. Освещены основные направления противоэпидемиологических мероприятий, проведённых среди репатрируемых, показана работа медицинских учреждений по предотвращению эпидемий в сборно-пересыльных пунктах и лагерях, а также во время нахождения репатриантов в пути. Дана оценка работе репатриационных и военных органов, медицинского персонала по оказанию помощи репатриантам, предотвращению среди них инфекционных заболеваний.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Управление Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, перемещённые лица, отделы по репатриации Военных советов фронтов и армий, репатриация, здравоохранение в годы Великой Отечественной войны.

PROVISION OF MEDICAL ASSISTANCE TO REPATRIATES, IMPLEMENTATION OF ANTI-EPIDEMIC MEASURES AS IMPORTANT AREAS OF ACTIVITY OF THE REPATRIATION AND MILITARY BODIES OF THE USSR (1944-1945)

The article analyzes the history of providing medical care to Soviet citizens who were displaced during the Second World War and the Great Patriotic War on the territory of foreign countries. The problems encountered by the Office of the Commissioner of the SNK of the USSR for the repatriation of Soviet citizens, the departments for the repatriation of Military Councils of fronts and armies, medical institutions, organizing assistance to Soviet repatriates, are revealed. The measures taken by the repatriation and military authorities to eliminate shortcomings in the provision of medical care to repatriates are considered. The main directions of anti-epidemic measures carried out among the repatriated are highlighted, the work of medical institutions to prevent epidemics in collection and transit points and camps, as well as during the stay of repatriates on the way is shown. The assessment of the work of the repatriation and military authorities, medical personnel in providing assistance to repatriates, preventing infectious diseases among them is given.

Key words: The Great Patriotic War, the Office of the Commissioner of the SNK of the USSR for the repatriation of Soviet citizens, displaced persons, departments for the repatriation of Military Councils of fronts and armies, repatriation, health care during the Great Patriotic War.

В годы Второй мировой и Великой Отечественной войны свыше пяти миллионов советских граждан оказались на территории Германии и её союзников — в Венгрии, Италии, Финляндии, Румынии, в оккупированных Германией странах — Дании, Нидерландах, Норвегии, Польше, Чехословакии, Франции и др. Уполномоченный Совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан, генерал-полковник Ф.И. Голиков в данном 11 ноября 1944 г. интервью корреспонденту газеты «Правда», отмечал: «В результате великих побед Красной Армии и армий наших союзников многие тысячи советских людей вырвались из вражеского плена. Разбросанные на территории Франции, Бельгии, Голландии, Италии, Люксембурга, Великобритании, Египта, Северной

Французской Африки и даже Соединённых Штатах Америки, они ожидают своего возвращения на Советскую Родину. Советское правительство принимает все меры к тому, чтобы это горячее желание наших граждан было возможно скорее осуществлено»[1].

В число первоочередных задач, которые предстояло решать Управлению Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, репатриационным отделам Военных советов фронтов и армий, входили оповещение, сбор, размещение, организация питания, снабжение одеждой и обувью, транспортировка репатриантов и др. Важным направлением деятельности репатриационных и военных органов на завершающем этапе войны против фашистской Германии стало предоставление медицинской помощи советским перемещённым лицам, проведение среди них противоэпидемических мероприятий.

Одним из первых к анализу опыта оказания медицинской помощи репатрируемым советским гражданам, проведения санитарно-эпидемиологических мероприятий среди перемещённых лиц, обратился майор медицинской службы И.Т. Баяндин. Его анализ медицинской помощи освобождённым советским военнопленным и гражданским лицам, угнанным в Германию и другие страны, основывался на опыте работы медицинских учреждений 2-го Белорусского фронта[2].

Ценные сведения о структуре медицинских учреждений, созданных для репатриантов, главных направлениях медицинского обслуживания перемещённых лиц, механизме их обследования и методах лечения, проведённых среди репатриантов мероприятиях противоэпидемиологической направленности содержатся в фундаментальном издании «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[3].

Проблема медицинского обследования и лечения репатриантов изучалась сотрудниками Военно-медицинского музея МО РФ А.А. Будко и Г.А. Грибовской. Ответственные работники Военно-медицинского музея проанализировали доступные им архивные документы Управления СНК СССР по репатриации советских граждан об оказании медицинской помощи и лечении перемещённых лиц, диагнозы заболеваний репатриантов, изучили структуру медицинских учреждений в местах сбора советских граждан. Особое внимание А.А. Будко и Г.А. Грибовская акцентировали на создании в сборно-пересыльных лагерях санитарно-гигиенических условий для женщин, специфике оказания медицинской помощи женщинам-репатрианткам и детям[4]. Исследователи пришли к правомерному выводу: впервые в истории медицины была организационно оформлена и прошла практическую проверку система оказания медицинской помощи в экстремальных условиях, лечения репатрируемых женщин и детей; созданная система оказания медицинской помощи позволила сохранить жизнь, вернуть в строй, к трудовой и физиологической деятельности многих наших соотечественниц[5].

Возможности исследователей для научного осмысления многогранной проблемы организации и оказания медицинской помощи советским репатриантам значительно расширились благодаря изданию Федеральным

казённым учреждением «Государственный архив Российской Федерации» и Германским историческим институтом в Москве двухтомного сборника документов «Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944—1952»[6].

Приступая к освещению темы, следует отметить, что организация работы по оказанию медицинской помощи освобождённым гражданам СССР на территории зарубежных стран вызывалась объективными причинами — тяжёлым состоянием здоровья освобождённых узников нацизма и неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановкой в государствах, по территории которых прокатилась война, и где находилась значительная часть потенциальных репатриантов.

В качестве доказательства, подтверждавшего непростую ситуацию со здоровьем освобождённых советских военнопленных и гражданских перемещённых лиц, следует привести выдержку из отчета майора Польшалова о проделанной работе за период с 19 апреля по 20 августа 1945 г. в зоне 12-й американской армейской группы. Майор Польшалов сообщал: «В первый период сбора советских граждан и организации лагерей основная масса советских граждан, освобожденных из концлагерей, шахт, фабрик, заводов и тюрем, приходили в места сосредоточения, где должны были, в основном, организовываться лагеря, измученные, полуголодные, с эпидемическими и венерическими заболеваниями и, главным образом, больные туберкулезом. Подготовленных помещений для размещения людей и продуктов питания не было. Народ сам себе начал доставать продукты питания путем грабежа скота и продуктов питания у немецкого населения. После длительной голодовки и сильной истощенности выдаваемые американским командованием сухие пайки (солдатский фронтовой паек в пакетиках) были недостаточны. Дров, угля, кухонной посуды, где можно было бы приготовить горячую пищу, не было. Ели сырое свежее мясо. Позднее начали приспособлять разные банки, котелки, выбирая их из помойных ям или мусорных ящиков, и готовили горячую пищу. На дрова употреблялось все, что попадалось под руку. Разрушали здания, жгли двери, рамы и мебель, и даже музыкальные инструменты (пианино, рояль в г. Липштадт). Круглые сутки во всем городе горели костры, на улицах города ловили птицу, скот и тут же у костра разделявали свою добычу. Появились массовые желудочные заболевания, брюшной и сыпной тиф»[7].

И ещё один пример, свидетельствовавший о серьёзных отклонениях в здоровье освобождённых советских узников нацизма. Во время мартовского наступления 1945 г. советские войска освободили недалеко от немецкого населенного пункта Ламсдорф лагерь советских военнопленных №318, где находилось 15 тыс. человек. Перед отступлением немцам удалось угнать из лагеря вглубь Германии 10 тыс. человек, 5 тыс. из которых удалось освободить; 2 тыс. из них оказались больны туберкулезом, калеками и истощенными до такой степени, что были не в состоянии ходить[8].

Особенно серьёзными отклонения в состоянии здоровья были у заключённых концентрационных лагерей. В комплексе немецких концентрационных лагерей Освенцим (Аушвиц), наряду с иностранными

гражданами, содержались жители Ленинградской, Калининской, Тульской, Московской областей, Украины. По словам члена Военного совета 1-го Украинского фронта К.В. Крайнюкова, среди освобождённых было «немало искалеченных, сохранивших следы пыток, следы фашистских зверств»[9].

Судебно-медицинская комиссия освидетельствовала спасенных Красной армией заключенных Освенцима. Комиссия установила, что 2 189 из них, или 91 %, были больны дистрофией, а 223 человека — туберкулезом легких. У многих были обнаружены переломы ребер, конечностей, травмы лица, позвоночника, ранения мышечных тканей, язвы, обморожения кистей рук и стоп ног. Многие из бывших узников страдали нервно-психическими заболеваниями [10].

Такая же неблагоприятная ситуация с состоянием здоровья фиксировалась и у освобождённых узников других концентрационных лагерей, тюрем, невольников из трудовых лагерей. Это была серьёзная медицинская проблема. Речь шла о физическом и психологическом здоровье десятков и сотен тысяч наших соотечественников, большинству из которых необходимо было срочно оказать квалифицированную медицинскую помощь.

После массового освобождения советских и иностранных граждан из немецких концентрационных и рабочих лагерей и других мест принудительного содержания, возникла серьёзная опасность распространения заразных заболеваний, в том числе в войсках, так как среди освобожденных широко были распространены инфекционные заболевания (туберкулез, чесотка, брюшной тиф и др.). Учёный-эпидемиолог, специалист дезинфекционного дела, противоэпидемической защиты войск и гражданского населения, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, генерал-майор медицинской службы Т.Е. Болдырев отмечал, что во время боев в районе городов Данцига и Гдыни было обнаружено огромное количество гражданских лиц, рассеявшихся из нацистского концентрационного лагеря Штуттгоф по ближайшим населенным пунктам, где они распространяли заболевания брюшным и сыпным тифом[11].

Практически через год после завершения Великой Отечественной войны, в штабе Группы советских оккупационных войск в Германии (г. Бабельсберг) под руководством генерала армии В.Д. Соколовского состоялась Первая научная конференция (9—12 апреля 1946) по изучению опыта проведения Берлинской операции войсками 1-го Белорусского фронта. Выступая на конференции, заместитель начальника Санитарного управления Группы, генерал-майор медицинской службы Р.Г. Плякин обратил внимание на трудности медицинского характера, с которыми столкнулось управление на завершающем этапе победоносной операции. Он, в частности, отметил: «медико-санитарные мероприятия среди репатрируемого населения службой не планировались в тех объемах, с которыми пришлось встретиться», «огромное количество репатрируемого населения различных национальностей и из различных государств Европы потребовало исключительной бдительности в санитарном отношении. История войн отмечает неоднократные случаи, когда среди беженцев, пленников (так называемого репатрируемого населения), как в

массе людей, находящихся в определенных условиях, очень часто возникали различного рода острые и обособленные инфекционные заболевания: тифы, дизентерии, холера и даже чума. Население, находящееся в тесном контакте и собранное с различных географических, климатических и эпидемических районов, всегда представляет собой очаг указанных инфекций. Принимая во внимание наступление летнего периода времени, эта угроза в наших условиях была весьма реальной»[12].

Чтобы оказать быструю и эффективную медицинскую помощь освобождённым из немецких тюрем, концентрационных и трудовых лагерей, не допустить вспышки эпидемиологических заболеваний среди репатриантов и военнослужащих наступавших войска, необходимо было в срочном порядке создать действенную систему оказания медицинской помощи, осуществить ряд противоэпидемических мероприятий среди репатрируемых людей. Такая система предусматривала оказание амбулаторной и стационарной помощи на этапе пребывания репатриантов в сборно-пересыльных пунктах и лагерях, выявление среди них инфекционных больных, их изоляцию, помещение в карантинные отделения всех, контактировавших с заболевшими[13].

За оказание медицинской помощи репатриантам и проведение среди них противоэпидемиологических мероприятий нёс ответственность санитарный отдел Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан[14]. Отдел возглавлял полковник медицинской службы Николай Алексеевич Поляков, обязанности помощника начальника отдела исполнял капитан медицинской службы Кирилл Михайлович Дедов[15]. При необходимости сотрудники санитарного отдела Управления откомандировались в страны Европы для организации работы по оказанию медицинской помощи репатриантам.

23 октября 1944 г. заместитель Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, генерал-полковник И.В. Смородинов информировал заместителя начальника Генерального штаба Красной армии по оргвопросам, генерал-лейтенанта А.Г. Карпоносова о начале работы по созданию за рубежом пунктов сбора и перемещения советских граждан. К письму прилагалось «Положение о фронтовом сборно-пересыльном пункте для освобождённых граждан СССР, находящихся на территории Германии и оккупированных ею стран». В главе 2 «Порядок оповещения, приёма, учёта и содержания на сборно-пересыльном пункте» регламентировались организация питания, медицинского обслуживания и оказания санитарно-гигиенической помощи репатриантам, снабжение их вещами, одеждой и обувью[16].

Положение предусматривало организацию санитарной обработки репатриантов, прибывавших на сборный пункт. Во всех без исключения сборно-пересыльных пунктах планировалось открытие санитарных изоляторов[17]. Помещения для изоляции инфекционных больных и лиц, подозрительных на инфекционное заболевание в централизованном порядке выделялось по 50 комплектов постельных принадлежностей[18].

Кроме того, для изоляции и лечения инфекционных больных предполагалось бронирование койко-мест в местных больницах и в госпиталях, находившихся в зоне ответственности Народного комиссариата обороны.

Все граждане, поступавшие на сборно-пересыльные пункты, подлежали обязательной санитарной обработке, а их одежда — дезинфекции[19]. К каждому сборно-пересыльному пункту для обслуживания репатриантов прикреплялись бани и дезактивационные камеры.

Больные или раненые, нуждавшиеся в госпитальном лечении, из сборно-пересыльных пунктов и лагерей направлялись в больницы по месту довоенного жительства или в госпитали Народного комиссариата обороны[20]. Для оперативного оказания медицинской помощи репатриантам к каждому крупному сборно-пересыльному лагерю прикреплялся армейский эвакуационный госпиталь[21].

6 ноября 1944 г. Ф. И. Голиков утвердил инструкцию, предназначенную представителям Уполномоченного СНК СССР, прикомандированным к репатриационным отделам Военных советов фронтов. В документе регламентировалась работа представителей, которые в том числе отвечали за организацию питания, медицинское обслуживание репатриантов и проведение среди них противоэпидемических мероприятий. Согласно инструкции в сборно-пересыльных пунктах следовало организовать питание перемещённых лиц по норме №4, наладить санитарную обработку прибывавших в места сбора, их медицинский осмотр, предусмотреть изоляцию инфекционных больных и направление нуждавшихся в лечении в местные больницы и госпитали Народного комиссариата обороны[22].

Представителям Уполномоченного, медицинским службам настоятельно рекомендовалось проявлять особое внимание к здоровью женщин. В утверждённой Уполномоченным СНК СССР в октябре 1944 г., инструкции по оказанию медицинской помощи репатриантам и согласованной с заместителем Народного комиссара здравоохранения и начальником Главного военно-санитарного управления Красной Армии (ГВСУ), в разделе об организации хирургической и терапевтической помощи, указывалось, что на сборных пунктах следует выявлять беременных женщин, не допускать их перемещение на последнем месяце беременности, снабжать беременных необходимыми гигиеническими принадлежностями[23].

Посильную помощь в лечении репатриантов и обеспечении лекарствами советских медучреждений оказывали американские военные власти. Там, где для имелись возможности, советских людей направляли в госпитали, расположенные в американской оккупационной зоне. Заместитель начальника сборного пункта №78 в городе Бозатон, младший лейтенант М. Тахтагулов докладывал в вышестоящие инстанции: «Во время пребывания нашего пункта в г. Бозатон при 46-м американском госпитале мы всеми силами старались помочь американскому командованию в проводимой им работе по лечению больных советских граждан. Не считая отдельных мелких случаев, между нами и американским командованием не было сколько-либо серьезных случаев трения. Мы понимаем, что между американцами и нами как союзниками

должно быть абсолютное доверие и безусловная помощь друг другу»[24]. В медицинских учреждениях, предназначенных для оказания стационарно-лечебной помощи репатриантам, работали как представители союзных, так и советских медучреждений.

В мае-июне 1945 г. в Германии, в районах, контролируемых американскими войсками, советским гражданам предоставлялась медицинская помощь не только в госпиталях, но и в сборно-пересыльных пунктах.

Таким образом, в оккупационных зонах Германии постепенно была создана сеть специализированных медицинских учреждений для лечения репатриантов. Однако в начале функционирования, сборно-пересыльные пункты и лагеря, созданные в советской оккупационной зоне, испытывали трудности в медицинском обслуживании перемещённых лиц. Пункты сбора и размещения советских граждан не располагали необходимым количеством помещений для первичного приёма больных, их амбулаторного и госпитального лечения. Отсутствовало необходимое санитарно-дезинфекционное оборудование, не хватало лекарств, перевязочных материалов, хирургических инструментов, медицинского персонала.

Однако шаг за шагом ситуация с медицинским обслуживанием репатриантов, материально-техническим снабжением медицинских учреждений в советских сборно-пересыльных пунктах и лагерях улучшилась. Почти при каждом сборном лагере открывались медсанчасти, медкабинеты, медицинские стационары, рассчитанные на одновременное размещение от 50 до 150 больных. Часть больных репатриантов размещалась не только в госпиталях НКО, но и в немецких больницах. Медицинские учреждения, открытые в местах сбора советских граждан в полосе действия 2-го Белорусского фронта, обеспечивались медикаментами из фондов фронтового и армейских госпиталей, неучтённых трофеев. Позже медицинские учреждения регулярно снабжал фронтовой медицинский склад[25].

В сборно-пересыльные пункты или лагеря для репатриантов назначались начальники санитарной службы. В помощь им выделялись из числа репатриантов врачи, медицинские сёстры, акушерки. К лечению репатриантов привлекались не только освобожденные советские граждане с медицинским образованием, но и немецкие специалисты.

При освобождении Красной армией территорий, занятых противником, в первоочередном порядке принимались меры по предотвращению эпидемий среди освобожденных. Но и в этой работе на начальном этапе встречались определённые трудности. По утверждению И.Т. Баяндина: «Армейские противоэпидемические организации с обслуживанием репатрируемых и освобождённых военнопленных в первую половину наступательной операции явно не справлялись. Дело несколько улучшилось только к концу наступления, когда темп продвижения замедлился и на эту работу переключилась часть работников армейских СЭО (санитарно-эпидемиологических отрядов — А.Б.)»[26]. В полосе наступления 2-го Белорусского фронта пересыльные пункты получили технику для обмывочно-дегазационной роты (ОДР), в местах

сбора освобождённых приступили к постройке собственных бань и примитивных дезинсекторов[27].

Представители армейских санитарно-эпидемиологических служб опрашивали советских граждан, с целью установить, нет ли среди них заболевших сыпным тифом. Когда в обследуемых группах заболеваний сыпным тифом не обнаруживалось, и не было очагов сыпного тифа в тех районах, из которых прибывали освобождённые, последние рассматривались как благополучные в эпидемиологическом отношении. Контакт этих контингентов с проходящими войсками был крайне ограничен: наступавшие быстро продвигались вперёд[28].

Если у репатрианта в сборном пункте находили острое инфекционное заболевание, всех проживавших с ним, изолировали, при необходимости отделяли жильцов барака, где было зафиксировано инфекционное заболевание. Отъезд репатриантов в СССР или направление их на работу вне пункта сбора разрешались только после истечения срока изоляции[29]. Санитарно-эпидемиологические лаборатории (СЭЛ) или санитарно-эпидемиологические отделы (СЭО) устанавливали причины каждой, даже незначительной вспышки инфекции, и проводили среди репатрируемых необходимые противоэпидемические мероприятия, принимали меры по предупреждению и ликвидации инфекционных заболеваний[30].

Представители медицинских и санитарно-эпидемиологических служб уделяли особое внимание контролю за санитарным состоянием жилых помещений, территорий сборно-пересыльных пунктов и лагерей. Для этого были особые причины. Комнаты, где проживали репатрианты, нередко не проветривались, в них было душно, скапливался затхлый воздух. В помещениях подчас не проводилась уборка, не выносился мусор. Водоснабжение осуществлялось из местных загрязнённых речек, что приводило к инфекционным и желудочно-кишечным заболеваниям среди репатрируемых[31].

Работники СЭЛ и СЭО периодически проверяли санитарное состояние помещений[32]. Благодаря налаженному контролю медицинских служб за санитарным состоянием жилых помещений, бараки, комнаты, где проживали репатрианты, стали соответствовать санитарным нормам. В жилых помещениях проводилась влажная уборка, комнаты проветривались. Много внимания уделялось улучшению водоснабжения и уборке территорий сборных пунктов[33].

Положительные результаты были достигнуты в работе сотрудников Управления, репатриационных отделов Военных советов фронтов и армий по укреплению материально-технической базы медицинских учреждений, сооружению новых санитарно-гигиенических объектов, обеспечению их медицинским персоналом. Как сообщал в докладной записке от 8 марта 1945 г. офицер политпросветотдела Управления Уполномоченного СНК СССР, майор М.К. Лукьянов начальнику политпросветотдела, полковнику Г.С. Логунову о работе сборных пунктов на территории Восточной Пруссии, санитарное оборудование и обеспечение кадрами сборно-пересыльных пунктов «в целом

удовлетворительно, пункты санитарным персоналом обеспечены полностью. Помещения для бань, санпропускников и изоляторов имеются и оборудованы»[34].

Повышенное внимание Управлением, его представителями за границей, репатриационными отделами уделялось состоянию здоровья, санитарно-гигиеническому обслуживанию репатриантов, отправляемых в Советский Союз в пешем порядке, железнодорожным, автомобильным или водным транспортом. Совместная директива от 18 января 1945 г. начальника Тыла Красной армии, генерала армии А.В. Хрулёва и Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, генерал-полковника Ф.И. Голикова предписывала перед отправкой репатриантов к месту жительства проводить их полную санитарную обработку. В случае отсутствия бань и банно-дезактивационных поездов рекомендовалось сооружать простейшие типы бань и дезинфекционные камеры в землянках[35]. В эшелонах, в портах перед отплытием морских транспортов, проводили дополнительную санобработку репатриантов[36].

Пристальное внимание уделялось проведению противоэпидемиологических мероприятий во время погрузки репатриантов на железнодорожных станциях в Польше и Германии. На станциях Варшава-1, Варшава-2, Люблин, Дембица, Воловец, Шталлюпенён создавались санитарно-контрольные пункты. Они создавались на базе санитарных служб фронтов, армий. Контрольные пункты нередко возглавляли представители санитарного отдела Управления СНК СССР по репатриации советских граждан[37]. Медицинским контрольным пунктам дополнительно выделялись необходимые кадры, оборудование. При необходимости пункты проводили повторную санитарную обработку репатриантов.

Каждую группу репатриантов, перевозимых по железной дороге, сопровождал медицинский работник (врач, фельдшер или медицинская сестра). Для оказания экстренной медицинской помощи сопровождавшие снабжались походными аптечками, медикаментами, дезинфекционными средствами, бактериофагами — препаратами, которые способны оказывать эффективную помощь в борьбе с инфекциями без нанесения вреда организму. Перед отправкой репатрианты в обязательном порядке проходили медицинский осмотр. Больных в эшелоны не допускали. Подлежавших отправке мыли в бане, их бельё дезинфицировали[38].

Вагоны, предназначенные для перевозки репатриантов, оборудовались нарами, в холодное время года — временными печами, обеспечивались топливом, вениками, вёдрами, фонарями, оснащались примитивными уборными. Перед отправкой вагоны дезинфицировали раствором хлорной извести[39].

Для санитарной обработки репатриантов и проведения среди них противоэпидемических мероприятий привлекались и армейские спецслужбы. Санобработку советских граждан, которым предстояло возвратиться на Родину через Иран, организовала санитарная служба 4-й армии[40]. Армейское командование запросило от репатриационного ведомства дополнительно пять

дезавакционных и пять душевых установок, инвентарь для стирки тысячи комплектов белья в сутки. Кроме того, командование 4-й армии ходатайствовало перед Управлением о выделении для обслуживания репатриантов одного врача, трёх медицинских фельдшеров, трёх санинструкторов и тридцать прачек. Эта просьба была удовлетворена[41].

Санитарно-гигиеническая и медицинская профилактическая работа проводилась с репатриантами и на границе с СССР. Прибывавшие осенью 1944 г. из Финляндии в Выборг репатрианты в обязательном порядке прошли санитарную обработку в санпропускнике фильтрационного пункта[42]. Доставленные в Советский Союз с явными признаками серьёзных заболеваний немедленно госпитализировались. Прибывшие 15 октября 1944 г. из Финляндии в Выборг четверо больных репатриантов сразу же были помещены в госпиталь[43].

Таким образом, организация работы по медицинскому обслуживанию репатриантов, их обследование и лечение, проведение среди возвращавшихся в Советский Союз противоэпидемических мероприятий стало важным направлением в деятельности Управления Уполномоченного при СНК СССР по репатриации советских граждан, его представителей в Военных советах фронтов и армий, медицинских работников сборно-пересыльных пунктов и лагерей, госпиталей.

Организованное медицинское обследование, амбулаторное и стационарное лечение советских граждан помогло сохранить жизнь нашим соотечественникам, поправить их здоровье, подготовить к отправке домой, предотвратить вспышку эпидемиологических заболеваний на освобождённой территории. «Многие из бывших военнопленных просят как можно скорее помочь им восстановить здоровье и отправить на фронт, чтобы отомстить немецко-фашистским извергам за муки, которые они причинили советскому народу», — сообщал 4 апреля 1945 г. член Военного совета 1-го Украинского фронта, генерал-лейтенант К.В. Крайнюков начальнику Главного Политического Управления РККА[44].

Сложившаяся система медицинского обследования и лечения репатриантов, проведения среди них противоэпидемических мероприятий полностью себя оправдала. По словам майора И.Т. Баяндина: «...мы не получили ни одного сигнала о серьёзном эпидемиологическом неблагополучии движущихся с нашего фронта партий репатриированных и военнопленных. Таким образом, можно признать, что санитарная служба нашего фронта с задачей санитарно-эпидемиологического обеспечения репатриированных советских граждан и военнопленных немцев, отправляемых во внутренние районы страны, успешно справилась»[45].

Важно отметить, что благодаря принятым своевременным мерам санитарным отделом Управления, медицинскими подразделениями действовавших фронтов и армий, в процессе массовой репатриации советских граждан удалось предотвратить вспышку наиболее опасных инфекционных заболеваний — сыпным и брюшным тифом. «Особого упоминания заслуживает колоссальная работа, проведённая военно-медицинской службой Советской

армией по профилактике брюшного тифа среди населения, угнанного в своё время в Германию и освобожденного Советской Армией», — констатировалось в фундаментальном исследовании[46]. С этим выводом, исходя из анализа конкретно-исторического материала, трудно не согласиться.

Список источников и литературы

1. Правда. 1944. 11 ноября.
2. Баяндин И.Т. Санитарно-эпидемиологическое обеспечение репатриированных и военнопленных // Военно-медицинский журнал. 1946. №3. С.С. 44–47.
3. Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 35 т. М.: Медгиз, 1949–1955.
4. Будко А.А., Грибовская Г.А. Когда опустели фашистские лагеря Европы: Медицинское обслуживание репатриантов Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2001. №3; они же. Организация медицинского обслуживания женщин и детей — репатриантов Второй мировой войны // Педиатр. 2014. Том V. №2.
5. Будко А.А., Грибовская Г.А. Организация медицинского обслуживания женщин и детей — репатриантов Второй мировой войны, С. 125.
6. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952: сборник документов: в 2 т. / отв. ред. О.В. Лавинская, В.В. Захаров; сост. К.М. Гринько, Е.В. Полтарацкая; при участии С. Дальке, М. Уля. М.: Политическая энциклопедия, 2019. Т. 1: 1944–1946. 877 с.; Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952: сборник документов: в 2 т. / отв. ред. О.В. Лавинская, В.В. Захаров; сост. К.М. Гринько, Е.В. Полтарацкая; при участии С. Дальке, М. Уля. М.: Политическая энциклопедия, 2019. Т. 2: 1947–1952. 951 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 200. Л. 344.
8. Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4–5). М.: Терра, 1995. С.С. 216–217.
9. Крайнюков К.В. Оружие особого рода. М.: Мысль, 1984. С. 58.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 323. Л. 75–76.
11. Очерки истории советской военной медицины. Л.: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 345.
12. Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5), С.С. 562–563.
13. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952: сборник документов, Т. 1. С. 125.
14. 4 октября 1944 г. за № 1315–392с под грифом «Секретно» СНК СССР утвердил Постановление «Об Уполномоченном Совета Народных Комиссаров СССР по делам репатриации граждан СССР» / Репатриация совет-

- ских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952: сборник документов, Т. 1. С. 55.
15. Там же, С. 116.
 16. Там же, С. 80.
 17. Там же.
 18. Там же.
 19. Там же.
 20. Там же. С. 81.
 21. Там же.
 22. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952: сборник документов, Т. 1. С.С. 85-86.
 23. Будко А.А., Грибовская Г.А. Организация медицинского обслуживания женщин и детей — репатриантов Второй мировой войны, С. 123.
 24. ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 196. Л. 129.
 25. Баяндин И.Т. Указ. соч. С. 45.
 26. Там же. С. 44.
 27. Там же. Служба дезинсекторов занималась борьбой с тараканами, клопами, мухами и другими насекомыми в помещении или на определенной территории.
 28. Там же, С. 44.
 29. Там же. С.45.
 30. Там же.
 31. Там же. С. 46.
 32. Там же.
 33. Там же.
 34. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952: сборник документов, Т. 1. С. 181.
 35. Там же, С. 152.
 36. Там же, С. 152.
 37. Там же, С. 125.
 38. Баяндин И.Т. Указ. соч. С.С. 46–47.
 39. Там же, С. 46
 40. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952: сборник документов, Т. 1. С. 59.
 41. Там же. С. 60.
 42. Там же. С. 59.
 43. Там же. С. 59.
 44. Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4–5). С. 216.
 45. Баяндин И.Т. Указ. соч. С. 47.
 46. Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Эпидемиологическое состояние войск Советской Армии в период Великой Отечественной войны. Т.32.1. М., 1955. С. 124.

СОВЕТСКАЯ МОДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-Х – СЕРЕДИНЫ 1980-Х ГГ.: КОНЦЕПЦИЯ, РЕАЛИЗАЦИЯ, ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Гуменюк А.А.

Саратовский государственный национальный исследовательский университет
им. Н. Г. Чернышевского
GumenukAA@rambler.ru

В статье на материалах региона Нижней Волги феномен советской моды во второй половине 1950-х – середины 1980-х гг. охарактеризован как инструмент противодействия проникновению в советское общество стандартов западного потребительского общества. Умозаключения и выводы работы содержат оценочные суждения относительно эффективности усилий властей по созданию альтернативной западным стандартам моды модели социалистической моды и степени ее поддержки населением региона.

Ключевые слова: гардероб, дом моделей, модельер-конструктор, мода, стиль

SOVIET FASHION OF THE SECOND HALF OF THE 1950S - MID-1980S: CONCEPT, IMPLEMENTATION, EVERYDAY PRACTICES (BASED ON THE MATERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION)

In the article, based on the materials of the Lower Volga region, the phenomenon of Soviet fashion in the second half of the 1950s - mid-1980s is characterized as a tool to counter the penetration of Western consumer society standards into Soviet society. The conclusions of the work contain value judgments regarding the effectiveness of the authorities' efforts to create a model of socialist fashion alternative to Western fashion standards and the degree of its support by the population of the region.

Key words: wardrobe, model house, fashion designer, fashion, style

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне привела не только к укреплению его международного авторитета, став импульсом процесса превращения СССР в сверхдержаву, но и породила для существования первого в мире социалистического государства немалые риски и угрозы. Представляется, что главным образом их появление стало следствием знакомства советских военнослужащих с потребительскими стандартами европейских государств, освобожденных ими от фашизма. Привезенные в немалых масштабах демобилизованными солдатами и офицерами Советской Армии трофейные вещи, включая обувь и одежду (в том числе и нижнее белье) способствовали формированию у советских людей представлений не только о значительном разнообразии жизни европейских трудящихся, но и о существовавших на западе стандартах моды (стиль и фасоны, что и как носить и т.д.). Другим источником проникновения указанных представлений был кинематограф, в частности, трофейные фильмы [1, с. 294-295].

Желание одеваться не хуже, чем жительницы восточноевропейских стран и даже побежденной Германии постепенно охватывало все большее количество категорий населения СССР, и особенно молодежь. Одним из результатов

распространения западных модных веяний явилось движение «стиляг», захватившее и провинциальные города Нижней Волги. В частности, материалы партийных конференций различного уровня, проводившихся в Саратовской и Волгоградской областях во второй половине 1950-х и начале 1960-х гг. подтверждают наличие среди поволжской молодежи «стиляг» [2, л. 201; 3, л. 49; 4, л. 98; 5, л. 248]. Хотя первые стилиги появляются в СССР уже в конце 1940-х гг.[6, с. 427], однако в молодежную субкультуру это явление превращается в период «хрущевской оттепели» [7, с. 20].

Внешний вид «стиляг» красноречиво был описан в письме одного из рабочих г. Красноармейска Саратовской области, опубликованное редакцией областной газеты «Коммунист» в середине 1960-х гг.: «Иной раз невольно обращаешь внимание...на отдельных юношей и девушек, идущих по улицам. Смотришь и диву даешься, до чего уродлива их одежда. Рубашки все разрисованы петухами, размер обуви намного превышает нужный размер. А прическа столь нелепа, что ее обладатель теряет человеческий облик» [8]. Тем самым молодые люди стремились выделиться из толпы, протестуя против серости реалий послевоенных лет, их несоответствия красочности киномира, запечатленного в трофейных фильмах, что не могло не вызвать у них состояние дискомфорта. У советской же экономики в тот момент (как впрочем, и в последующем) не было необходимых возможностей и ресурсов для преодоления указанного дискомфорта и обеспечения советским людям социальной жизни по качеству соразмерной западному обществу потребления. В конечном итоге в этом и заключался главный смысл угроз для СССР западных тенденций развития моды, причудливым образом вылившихся в движение «стиляжничества» среди советской молодежи. Представляется, что именно в целях противодействия этому проникновению в советскую повседневность стандартов западного потребительского общества, угрожающему существованию СССР, советские руководители постсталинского периода и инициировали процесс создания социалистической моды как альтернативы тенденциям в моде стран Западной Европы и США.

Весной 1956 г. «Журнал мод», издаваемый созданным еще в 1934 г. в Москве Центральным домом моделей (ЦДМ), прямо заявил о необходимости выработать специальный стиль одежды, характерный для стран социалистического лагеря [9, с. 133-134]. На периодически проводившихся в Москве заседаниях рабочей группы по вопросам культуры одежды (одно из таких заседаний состоялось в столице СССР в конце 1972 г.[10]) художники-модельеры стран-членов СЭВ (Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии) формулировали и совершенствовали концепцию социалистической моды, «подходящей к условиям советской жизни и отражающей стиль соцреализма. Для нее не были характерны сенсационность и экстравагантность, зато ей свойственны удобство, практичность, функциональность и гигиеничность» [7, с. 16]. Советскую моду должны были отличать демократизм, «массовость», и общедоступность, а советские художники должны были быть в равной мере ориентированы на все категории граждан [11, с. 34]. В то же время смягчалось и официальное отношение к

западной моде. Так, в декабре 1956 г. на пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев заявил: «Сейчас весь Запад носит штаны уже, короче, чем у нас. У нас мужчины ходят как косматые голуби, штаны внизу болтаются. Раньше мы тоже носили узкие штаны. Нужно и об этом подумать. Разве нужно обязательно широкие штаны?». Секретарь ВЛКСМ А. Шелепин конкретизировал этого высказывание так: «Сейчас на Западе носят узкие брюки. Это, прежде всего, экономично. ... Конечно, здесь не надо злоупотреблять, и не думайте, что речь идет о стилягах. Ведь стилига наденет белый пиджак, красные штаны шириной 12 сантиметров. Действительно, это стилига. Но 25-26 сантиметров ширина брюк — это нормально» [6, с. 435]. Материал по изучаемому региону показывает, что волжане уже к концу 1956 г. оценили «... практическое удобство узких брюк» [12]. В то же время комсомольская пресса пыталась ограничить увлечение советской молодежи современными на тот момент тенденциями западной моды, настоятельно советуя носить брюки только для работы дома, на производстве, в сельском хозяйстве, при занятии спортом. Одевать же их для прогулок считалось примером «дурного мещанского вкуса» [13]. Аналогичным образом реагировали в СССР и на «дошедшую» до Советского Союза в середине 1960-х гг. западную моду на мини-юбки (на 10-20 и даже 25 см ниже колен) [14, с. 123]. Чтобы нейтрализовать «тлетворное влияние» новой «аморальной» моды в публикациях о тенденциях развития советской моды на тот или иной год художники-модельеры оговаривали приемлемую длину юбок – до 15 см. ниже колена [10].

Взамен брюк и мини-юбок советским девушкам (в том числе и волжанкам) было рекомендовано следовать разработанному фирмой «Шанель» (Франция) новому упрощенному стилю в одежде, ориентированному, прежде всего, на женщин, которые не способны платить большие суммы денег за свои наряды. Вместо «кричащих туалетов» Габриель Шанель выдвинула новый принцип женственности — свободная элегантность, отказавшись от сложных линий и силуэтов и предоставив тем самым женщинам возможность выбора и согласования [15]: юбки и свитера, джемпер с короткими рукавами и жакет из той же пряжи с длинным рукавом, прямые или плиссированные юбки, платья рубашечного покроя — эти удобные, простые, лаконичные и демократические вещи отвечали духу перемен в СССР в 1960-е гг. [16, с. 401]. Показы мод в стиле «а-ля Шанель» с большим успехом проходили на Международном фестивале мод в Москве в конце 1967 г. (в региональной прессе в начале 1969 г. также появились перепечатки этих сюжетов из центральных газет) [15].

Пытаясь противостоять «джинсовой лихорадке», накрывшей советскую молодежь со второй половины 1970-х гг., советская промышленность пыталась наладить выпуск отечественного аналога западноевропейских джинсов. И хотя в целом Министерство легкой промышленности СССР так и не смогло справиться с этой задачей [17, с. 194], тем не менее на отдельных предприятиях изучаемого региона производство этого товара было налажено. Так, в Волгоградской области в начале 1980-х гг. на одной из фабрик областного центра был организован джинсовый цех, продукция которого успешно

реализовывалась в магазине № 9 «Спортовары». Покупатели в своих отзывах отмечали, что «... одежда удобная, практичная, хорошего покроя» [18].

Таким образом, приведенные выше данные свидетельствуют о том, что определенные тенденции в развитии западноевропейской моды, не противоречившие концептуальным основам социалистической моды, советское руководство активно использовало во многом для того, чтобы нейтрализовать их негативное воздействие на советскую молодежь. И определенного успеха в этом отношении удалось достичь, «нейтрализовав» таким образом движение стиляг в СССР уже в начале 1960-х гг. [7, с. 20]. Можно согласиться с мнением историка и писателя А. А. Васькина полагающего, что, несмотря на все старания советских художников-модельеров, создать модель «чистой» социалистической моды не удалось, поскольку деятельность западноевропейских и, в частности, французских, модных домов предопределяла направление творческих поисков советских дизайнеров. Им оставалось лишь приспособлять эту моду к условиям жизни и экономики в СССР и странах ОВД. В результате этого сочетания и появился истинный феномен «советская мода» [6, с. 446].

Для обеспечения доступности широким массам населения Советского Союза практичных, удобных и простых форм моделей советской одежды в 1953 г. в структуре Российского союза потребительских обществ («Роспромсвет») был создан отдел художественной промышленности, а также Центральная опытно-техническая лаборатория [19]. Ее сотрудники, а также работники Всесоюзного дома моделей (г. Киев) в ходе своих поездок по стране (в том числе и по региону Нижней Волги) и выступлений по телевидению осуществляли трансляцию основных принципов социалистической моды в повседневную жизнь советских людей на конкретных примерах и моделях одежды [20-22; 23, л. 5-6; 24-43]. Однако, чтобы качественно решить проблему приоритетности принципов социалистической моды над альтернативной западной модой, усилий одних указанных центральных структур было недостаточно. Необходима была помощь аналогичных местных, региональных организаций: домов мод, сотрудников экспериментальных швейных фабрик и т.д.

Крупным региональным центром, призванным формировать вкусы и стиль одежды населения, и в первую очередь женщин, согласно общих указаний модельеров центра являлась ростовская опытно-техническая швейная лаборатория, обслуживавшая жителей Юго-востока РСФСР, в том числе и Саратовской области [44]. Однако волжане нуждались в собственном учреждении, выполнявшем аналогичные ростовской лаборатории функции. Им стал Дом мод в г. Волгограде, созданный в 1963 г. [45] К середине 1981 г. он обслуживал население восьми городов и трех автономных республик страны, ежегодно выпуская 1100 моделей одежды. Половина из них разрабатывалась с рекомендацией к производству с государственным знаком качества, 30% — особо модных моделей одежды [46, л. 19].

В Саратове, отвечая на запросы населения и работников сферы быта «... иметь в городе научную лабораторию, которая бы разрабатывала новые

лекала, новый крой, приемлемый для всех мастеров, для всех закройщиков, в котором бы все разбирались ...» [47, л. 113-114] при областном производственном швейном объединении «Силуэт» был создан экспериментальный цех. Его главной задачей было внедрение новой моды, прогрессивной технологии в массовое производство. К началу 1981 г. в нем работало уже 50 человек: конструкторы, художники-модельеры, мастера [48]. Экспериментальные лаборатории создавались и на швейных фабриках. Например, работники такой лаборатории при швейной фабрике № 3 г. Саратова, используя собственные разработки и придерживаясь направлений московских, ленинградских и других ведущих домов моделей, изготавливали модели одежды для детей различных возрастов, подростков, женщин [49].

Модельеры-конструкторы региона периодически выступали в местной печати со статьями и интервью на темы: «Весенние моды для девушек», «Моды к весне», «Мода-77: русский сарафан» и т.д. [50-53] Кроме того, ими, как и торговыми работниками (в частности, продавцами саратовского универмага «Торговый центр» [54, л. 250; 55-56]), а также сотрудниками служб быта практиковалось проведение выставок-распродаж, показ мод, новинок сезона. Например, с 22 по 26 января 1962 г. на проспекте им. Кирова г. Саратова в магазине готового платья № 94 сотрудники саратовской швейной фабрики № 3 провели выставку-распродажу женского легкого платья. Особенным успехом у посетителей пользовались разработанные модельерами-конструкторами фабрики молодежные фасоны [57].

Для организации демонстрации модной одежды на высоком профессиональном уровне в Саратове в период с 1959 г. по 1968 г. был возведен салон модной одежды [58], в котором уже в конце 1968 г. мастера костюма предприятий бытового обслуживания области организовали показ свыше 600 моделей: молодежных, для работы, для отдыха и нарядных вечерних туалетов [59]. В Калмыцкой АССР в этот же период (лето 1968 г.) также работниками бытовых предприятий республики были проведены выставки-демонстрации новых моделей и фасонов одежды в г. Элисте, Городовиковском, Каспийском, Сарпинском районах [60, с. 9]. Большую работу с населением по пропаганде современной на тот момент моды осуществляли фабрики индивидуального пошива одежды, массово создававшиеся в регионе во второй половине 1960-х гг. [61, л. 14]. В Саратовской области центральной фабрикой индпошива только в 1969 г. было проведено 38 демонстраций моделей в салоне и 35 выездов на предприятия и в учебные заведения города [62, л. 56]. Начальник саратовского экспериментального цеха объединения «Силуэт» в интервью областной газете «Заря молодежи» в начале 1985 г., в частности, сказал: «Проводим в кафе выездные заседания, на которых мы знакомим с современной модой и с модой прошлых лет. Один раз выступали в кафе «Студенческое» перед студентами СГУ. Равнодушных и недовольных не было» [63].

Таким образом, население Нижней Волги позитивно отзывалось о мероприятиях, проводившихся центральными и региональными учреждениями по внедрению в повседневную жизнь принципов советской моды. Волжане

надеялись, что в будущем получат возможность приобрести в магазинах демонстрирующиеся на выставках и показах высококачественные модели одежды фабричного производства. «Взрослые и дети ждут от швейников Саратова создания красивой и модной одежды, т.е. современной, выполненной с высоким художественным вкусом», — таким словами завершалась публикация «Моды 1959 г.» в одной из местных газет [13].

Однако дефицитом экономических возможностей обуславливался приоритет установки социалистической моды на простоту форм, нацеливавшую женщин своими руками изготавливать те или иные образцы красивой одежды из подручных средств. «Красоту платья или любого другого вида одежды решает не его цена, а строгая продуманность каждой детали с учетом особенности внешности человека. Красиво – это значит просто, без ненужных излишеств» – это слова народного художника РСФСР Н. Жуков, которые воспроизвела в своем письме «О вкусах и модах» в газету «Коммунист» (Саратовская область) инженер треста «Саргоргаз» В. Лебедева еще в июле 1956 г. [64] Именно этим советом стали руководствоваться директора местных Домов культуры при проведении различных мероприятий с населением. Так, весной 1958 г. работники больницы с. Сасыколи, члены ВЛКСМ, Хараблинского района Астраханской области в районном Дворце культуры провели вечер отдыха на тему «Как красиво одеться». Присутствующие на нем узнали, «... как лучше, со вкусом подобрать себе костюм, сшить недорогое, но красивое платье» [65]. Аналогичные мероприятия входили в программу клубов по интересам, например, клуба девушек в поселке фабрики им. Самойловой (г. Саратов) [66], а также клубного объединения «Березка», функционировавшего при одном из женских общежитий Ленинского района г. Саратова [67, л. 15]. В печати также в разное время модельеры-конструкторы давали рецепты как модно и красиво одеться с учетом местных условий, сшить, например, из простой недорогой ткани (ситца, штапеля) нарядное вечернее платье для танцевального вечера или домашнее платье с фартуком из хлопчатобумажной ткани [12, 52]. Обновить, изменить надоевшую и невыразительную одежду, сделать ее нарядной и неповторимой можно было и с помощью бижутерии, которую специалисты предлагали сделать своими руками, используя для этого природные материалы (например, изготовить бусы из косточек апельсина, яблок, фиников, персиков или миндаля) в так называемом «фольклорном стиле» (он исключал употребление дорогих и кричащих украшений) [68].

Воплотить в жизнь выше охарактеризованные рецепты обновления своего гардероба женщины могли не только своими руками (для этого, в частности, с конца 1960-х гг. в журналах стали печататься рубрики «Вяжем сами» [14, с. 192-193]), но и с помощью работников ателье индивидуального пошива, сеть которых только в Саратовской области в период с 1958 г. по 1967 г. возросла в 1,5 раза [69, л. 18; 70, с. 387]. Объем выполненными ими работ в 1985 г. превысил уровень 1965 г. в 2,5 раза [71, с. 55]. В Калмыцкой АССР к концу 1973 г. от 60% до 70% всех работ по бытовому обслуживанию сельчан выполнялось именно мастерскими по пошиву одежды по индивидуальным

заказам населения [72, л. 59]. В то же время качество выполнения заказов в этих ателье не отвечало запросам населения. В частности, на центральной фабрике индивидуального пошива одежды г. Саратове в 1965 г. было возвращено за некачественное исполнение 115 заказов, за пять месяцев 1966 г. — 66 заказов [73, л. 11]. При этом сроки их выполнения удлинялись на 10-12 и более дней, как например, в Астраханской области в конце 1964 г. [74, л. 143]. Ситуация к лучшему не изменилась и к середине 1980-х гг. Так, в первой половине 1980-х гг. большинство жалоб от населения Астраханской области поступало именно по поводу нарушения сроков и неудовлетворительного качества исполнения заказов по индпошиву [75].

Обзавестись недорогой, но качественной и модной одеждой населению региона, как и всей страны, не позволял также дефицит тканей в торговой сети, в частности шелковых. Так, в Волгоградской области в 1971 г. рыночный фонд товаров указанной разновидности составлял лишь 3,66 руб. (на душу населения), что было ниже общереспубликанского уровня (3,75 руб.) [76, л. 67]. Во второй половине 1970-х гг. и в Саратовской области снизились поступления в торгующие организации тканей из натурального шелка, в частности в ЦУМ г. Саратова [77, с. 170]. Эти данные подтверждаются и материалами устной истории, полученными нами в ходе бесед с одной из жительниц г. Саратова, сотрудницей НИИ «Импульс». В частности, ею было акцентировано особое внимание на трудностях с приобретением такой разновидности шелковых тканей, как крепдешин в магазинах города в конце 1970-х – начале 1980-х гг. [78] Даже делегаты XXV съезда КПСС (24 февраля – 5 марта 1976 г.) констатировали факт дефицита в стране многих разновидностей тканей и других модных качественных предметов гардероба [79, с. 79]. Поэтому именно на рубеже 1970-х – 1980-х гг. советская молодежь стала все чаще обращать свои взоры в сторону «загнивающего» Запада, успешно развивавшегося в условиях научно-технической революции. Выражая неудовлетворение качеством своей жизни, подростки и молодежь (преимущественно в возрасте от 16 до 21 года) изучаемого региона демонстрировали стремление к обладанию заграничными модными вещами, дорогими украшениями и т.д., что не могло не вызывать тревоги и беспокойства у региональных властей [80, л. 126, 127].

Резюмируя все вышесказанное, можно заметить, что во второй половине 1950-х — середине 1980-х гг. обогатить свой гардероб модной, красивой и при этом качественной одеждой простому жителю Нижней Волги было непросто. А предлагаемые государственными и партийными работниками способы удовлетворения этой потребности в условиях периодически сужавшихся для этого экономических возможностей государства не могли не вызывать у населения региона (и особенно молодежи) раздражения, подрывая веру в преимущества социализма перед реалиями западного потребительского общества, представления о которых проникали в СССР по различным каналам.

Список источников и литературы

1. Об этом подробнее см.: Гуменюк А. А. Социальная стратегия Советского государства и практики повседневности населения российской провинции во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья): монография. Саратов, 2021. 453 с.
2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 138. Оп. 18-а. Д. 46.
3. ГАНИСО. Ф. 1904. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАНИСО. Ф. 2485. Оп. 31. Д. 1.
5. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 52. Д. 1.
6. Васькин А. А. Повседневная жизнь советской столицы при Хрущеве и Брежневеве. М., 2017. 671 с.
7. Виниченко И. В. Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX века: женский костюм в моделях одежды и бытовой практике. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 23 с.
8. Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 2000. 29 апреля
9. Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2008. 444 с.
10. Заря молодежи. Печатный орган Саратовского обкома ВЛКСМ. 1971. 6 марта
11. Виниченко И. В. «Советская мода» в контексте социально-экономической и культурной жизни СССР 1950-х – 60-х гг. // Омский научный журнал. 2008. № 3(67). С. 34-37.
12. Заря молодежи. 1956. 2 декабря
13. Заря молодежи. 1958. 15 августа
14. Парфенов Л. Намедни. Наша эра: 1961–1970. М., 2010. 272 с.
15. Заря молодежи. 1969. 25 января
16. Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб., 2021. 560 с.
17. Парфенов Л. Намедни. Наша эра: 1971–1980. М., 2010. 272 с.
18. Молодой ленинец. Печатный орган Волгоградского обкома ВЛКСМ. 1983. 18 октября.
19. Совет промышленной кооперации РСФСР (Роспромсовет). 1950–1960 [Электр. ресурс] – Режим доступа: <http://guides.rusarchives.ru/node/1304> (дата обращения 26.08.2021)
20. Весенние моды // Молодой сталинец. Печатный орган Саратовского обкома ВЛКСМ. 1956. 11 апреля.
21. Разговор о красивой одежде // Коммунист. Печатный орган Саратовского обкома КПСС. 1958. 13 августа.
22. Моды 1961 года // Коммунист. 1961. 7 июля
23. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4916.
24. Моды осенне-зимнего сезона // Коммунист. 1962. 5 октября

25. Как относиться к моде. Красота, удобство, вкус дешево, изящно и просто // Комсомолец Каспия. Печатный орган Астраханского обкома ВЛКСМ. 1964. 5 июля
26. Для вас девушки. Моды будущего года // Комсомолец Каспия. 1964. 16 ноября
27. Что нового будет в 1965 г. Что будет модно зимой 1965 г. // Комсомолец Каспия. 1964. 25 декабря
28. Моды 1965 г. // Заря молодежи. 1964. 30 декабря
29. О новой моде // Советская Калмыкия. Печатный орган Калмыцкого обкома КПСС. 1965. 17 октября
30. Хотите быть модной завтра? // Советская Калмыкия 1966. 14 декабря
31. Сюрпризы моды на 1971 г. // Заря молодежи. 1970. 5 декабря
32. Мастера красивой одежды // Советская Калмыкия. 1971. 30 декабря
33. Весенний гардероб // Советская Калмыкия. 1976. 20 марта
34. Летнее, значит летящее // Молодой ленинец. 1976. 3 июня
35. Грация: под натиском моды // Молодой ленинец. 1976. 12 июня
36. По законам моды // Волга. Печатный орган Астраханского обкома КПСС. 1978. 9 декабря
37. Женщины для женщин // Волгоградская правда. Печатный орган Волгоградского обкома КПСС. 1981. 1 января
38. Моды // Молодой ленинец. 1981. 19 февраля
39. Предлагает мода-84 // Молодой ленинец. 1984. 1 января
40. Весенняя мода // Комсомолец Каспия. 1981. 12 марта
41. Костюм-тройка цвета сапфир. Мода 1983 г.: какой выйдет она на улицы, согретые весенним солнцем // Заря молодежи. 1983. 19 марта
42. Парад трикотажной моды // Комсомолец Каспия. 1984. 12 января
43. Моды // Комсомолец Каспия. 1984. 14 апреля
44. Коммунист. 1962. 21 апреля
45. Молодой ленинец. 1964. 24 октября
46. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 113. Д. 129.
47. ГАНИСО. Ф. 6189. Оп. 1. Д. 57.
48. Заря молодежи. 1981. 27 января
49. Заря молодежи. 1973. 1 февраля
50. Коммунист. 1956. 25 июля
51. Заря молодежи. 1957. 24 апреля
52. Заря молодежи. 1958. 30 марта
53. Заря молодежи. 1976. 3 апреля
54. ГАНИСО. Ф. 6174. Оп. 1. Д. 99.
55. Коммунист. 1963. 19 сентября
56. Заря молодежи. 1970. 4 января
57. Заря молодежи. 1962. 24 января
58. Коммунист. 1968. 21 марта
59. Заря молодежи. 1968. 3 декабря
60. Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР четвертого созыва, третья сессия (26 июля 1968 г.): стенографический отчет. Элиста, 1969. 95 с.

61. Например: Национальный архив республики Калмыкия (НАРК). Ф. 1. Оп. 12. Д. 4.
62. ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 372.
63. Заря молодежи. 1985. 4 января
64. Коммунист. 1956. 18 июля
65. Комсомолец Каспия. 1958. 11 мая
66. Молодой сталинец. 1956. 7 сентября
67. ГАНИСО. Ф. 5491. Оп. 36. Д. 40.
68. Заря молодежи. 1981. 17 сентября
69. Подсчитано по: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4113.
70. Подсчитано по: Народное хозяйство Саратовской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) и 1971 год. Статистический сборник. Саратов, 1972. 472 с.
71. Подсчитано по: Народное хозяйство Саратовской области: краткий статистический сборник. Саратов, 1987. 63 с.
72. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-500. Оп. 3. Д. 757.
73. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 6. Д. 145.
74. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). Ф. 325. Оп. 50. Д. 72.
75. Волга. 1986. 21 января
76. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 290.
77. Саратовский крытый рынок. Очерки истории / под ред. проф. В. Н. Данилова. Саратов, 2006. 208 с.
78. Интервью автора с Л. Н. Г., г. Саратов, 25 августа 2021 г.
79. XXV съезд КПСС (24 февраля – 5 марта 1976 г.): стенографический отчет. Т. I. М., 1976. 472 с.
80. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 110. Д. 3.

УДК 327.54

СУЭЦКИЙ КРИЗИС 1956 ГОДА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ БИПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА

Кустов В.А.

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
kustovv@list.ru

В статье предпринята попытка рассмотреть влияние ближневосточного кризиса 1956 г. на эволюцию системы международных отношений, сложившуюся после Ялты и Потсдама. Автор подробно анализирует особенности внешней политики ведущих мировых и региональных держав на Ближнем Востоке, их внешнеполитические планы, роль и место в событиях вокруг Суэцкого канала, а также подробно исследует последствия тройственной агрессии против Египта, которые в значительной степени повлияли на дальнейшее

изменение геополитического баланса сил в регионе, обозначили новые тенденции и противоречия в развитии мировых политических процессов.

Ключевые слова: Суэцкий кризис, холодная война, внешняя политика, международный конфликт.

The paper studies some tendencies and features of the influence of Middle Eastern crisis of 1956 on the evolution of a system of the international relations which developed after Yalta and Potsdam. The author in detail analyzes features of foreign policy of the leading world and regional powers in the Middle East, their foreign policy plans, a role and the place in events around the Suez Canal and also in detail investigates consequences of triple aggression against Egypt which substantially influenced further change of geopolitical balance of forces in the region, designated new trends and contradictions in development of world political processes.

Key words: Cold war, the Suez crisis, foreign policy, the international conflict.

Суэцкий кризис 1956 г., оказавший серьезное влияние на изменение геополитического баланса сил на Ближнем востоке и в мире, продемонстрировавший резко возросшие военные, политические и экономические возможности двух сверхдержав – СССР и США, остается одним из самых заметных международных событий эпохи холодной войны и становления биполярной системы международных отношений. История самого кризиса, от национализации Суэцкого канала до проведения англо-франко-израильской операции, его причины, основные цели заинтересованных сторон неоднократно рассматривались отечественными и зарубежными исследователями. Между тем, чем больше времени проходит с момента окончания холодной войны, тем больше споров и дискуссий о сущности тех внешнеполитических реалий, с которыми столкнулись ведущие мировые и региональные игроки в ходе событий 1956 г., а также о международном значении данного ближневосточного кризиса и его последствиях для эволюции нового мирового порядка, сложившегося после окончания Второй мировой войны.

Как известно, непосредственным поводом для Суэцкого кризиса стало, объявление 26 июля 1956 г. на митинге в Александрии президентом Египта решения о национализации Всеобщей компании морского Суэцкого канала, на протяжении многих лет принадлежащей англичанам и французам. «Наше попранное право должно быть восстановлено... Суэцкий канал, построенный ценой огромных жертв со стороны египтян, является и остается египетским каналом», – провозгласил в заключении своего сенсационного выступления Г.А. Насер [6, с. 32]. Согласно декрету правительства, с этого момента право распоряжаться собственностью, управлением и получением доходов с этой стратегически важной для региона транспортной артерии полностью переходило к государству. Все акционеры компании должны были получить компенсации за свои акции по их котировочной стоимости на парижской бирже ценных бумаг. Кроме того, Каир официально заявил, что национализация не отразится на всех соответствующих международных обязательствах Египта и страна будет полностью соблюдать свободу судоходства в Суэцком канале, предусмотренную Конвенцией 1888 года [11, с. 114].

При всей ожидаемости данного шага, декрет египетского руководства вызвал настоящий шок как в странах третьего мира, так и в странах Запада. И сторонники, и противники Г.А. Насера сходились во мнении, что его действия носили беспрецедентный характер и означали прямой вызов интересам колониальных империй, доминирующих в регионе. «Никогда еще ни один арабский лидер, – писала в своих воспоминаниях Г. Меир, – не совершал такого эффектного поступка, и арабский мир был поражен» [5, с. 392]. Попытки Запада оказать давление на Египет, заморозив переговоры по поставкам современного оружия, оказанию экономической помощи и, в конечном итоге, отозвав свое согласие на финансирование строительства Асуанской плотины, привели к совершенно обратному результату. Г.А. Насер продолжил курс на обеспечение политической и экономической независимости страны, предпочел дальнейшее сближение с СССР, странами социалистического блока, окончательно отказавшись от участия в создаваемой при патронаже США и Великобритании региональной военно-политической организации, настояв на выводе британских военных баз из Египта (численностью более 80 тыс. военнослужащих) [7, с. 44-46].

Учитывая стремительно менявшийся баланс сил на Ближнем Востоке, следует отметить, что истинные причины нового международного кризиса были гораздо серьезнее и глубже, чем только национализация Суэцкого канала. В условиях нараставшей холодной войны, роста антиколониального движения к 1956 г. Ближний Восток превратился в важнейшую арену противостояния великих держав. Для Советского Союза, Соединенных Штатов, Великобритании, Франции регион был важен, прежде всего, в качестве борьбы за влияние на развивающиеся страны [2, с. 244]. «События в Египте породили цепную реакцию национально-освободительных движений ... антиимпериалистическая, национально-освободительная борьба уже охватила народы Туниса, Марокко, Мадагаскара, Золотого Берега, Кении, Малайи, Филиппин и многих других государств. И это меняло обстановку на мировой арене принципиально, открывало для нас новые перспективы, – отмечал впоследствии советский министр иностранных дел Д.Т. Шепилов [8, с. 205].

Максимальная вовлеченность всех глобальных и региональных игроков неизбежно должна была повлиять на характер кризиса. Так, уже в начале августа 1956 г. в беседе с советским послом А.Н. Абрамовым министр развития Израиля М. Бен-Гурион, «конфликт из-за канала не является конфликтом только между Египтом и западными державами. Он сейчас превращается в конфликт между западными державами, с одной стороны, и восточным блоком и нейтральными странами, с другой стороны» [1, с. 473].

В Великобритании и Франции решение Египта расценили как неправомерное и несоответствующее международным нормам. Вместе с последовательной борьбой египетских руководителей за ликвидацию британского военного присутствия у себя в стране, проведением целенаправленной политики по подрыву влияния Лондона в Иордании и других арабских странах, оказанием открытой поддержки национально-

освободительному движению во французских колониях (Алжире, Тунисе, Марокко), национализация Суэцкого канала оказалась последней каплей, переполнившей чашу терпения западных политиков. Отныне Лондон и Париж не исключали проведения в ближайшем будущем силовой акции против Каира, которая должна была восстановить контроль над зоной канала, способствовать свержению режима Г.А. Насера, а также переломить нежелательное развитие событий, связанное с ослаблением внешнеполитических позиций колониальных держав в ближневосточном регионе [4, с. 473-478].

На следующий день после речи Насера в Александрии премьер-министр Соединенного Королевства А. Иден направил президенту Соединенных Штатов Америки Д. Эйзенхауэру телеграмму: «Если мы не будем [твердо стоять на своем], наше и ваше влияние на всем Ближнем и Среднем Востоке будет окончательно подорвано» [4, с. 481; 12]. Однако оказалось, что Вашингтон выступает против немедленного применения силы, настаивая на необходимости использовать имеющиеся возможности для мирного урегулирования конфликта. 2 августа 1956 г. правительства Англии, Франции и США выступили с совместным заявлением, осуждающим акт национализации компании Суэцкого канала, который, как утверждалось, привел к угрозе свободы судоходства и безопасности канала. Далее в документе излагалась инициатива американского госсекретаря Д. Даллеса созвать 16 августа 1956 г. в Лондоне международную конференцию участников Конвенции 1888 года и других стран, «больше всего заинтересованных» в использовании этой транспортной артерии, с целью определения статуса канала и деэскалации возникшего кризиса [12].

На протяжении августа – октября 1956 г. западные страны, задействовав разного рода дипломатические средства (проведение конференций стран-пользователей канала, обсуждение проблемы в Совете Безопасности ООН), безуспешно пытались добиться пересмотра позиции египетского правительства и возвращения международного режима управления каналом. Серьезную политическую поддержку президенту Г.А. Насеру оказывал Советский Союз, посчитавший национализацию Суэцкого канала «вполне законным действием, вытекающим из суверенных прав Египта» [10, с. 145].

12 августа 1956 г. советскому послу в Каире была направлена директива передать Насеру, что Москва примет предложение об участии в лондонской конференции и в своих оценках будет исходить из принципа полного суверенитета Египта в отношении канала, отвергая в корне всякие проекты интернационализации [1, с. 477]. С этого времени советские дипломаты активно включились в переговоры, предлагая вместе со странами третьего мира альтернативные подходы по урегулированию Суэцкого вопроса. Не остались без внимания советской стороны и начавшиеся военные приготовления основных внешнеполитических оппонентов. Так, в заявлении правительства СССР от 15 сентября 1956 г. констатировалось наращивание военной группировки стран НАТО в районе канала и содержалось предостережение: «Становясь на путь военных угроз, Англия и Франция рискуют нанести себе непоправимый ущерб ... любое нарушение мира в районе Ближнего и Среднего

Востока не может не затрагивать интересов безопасности Советского государства» [9, с. 35].

К концу октября 1956 г. Великобритания и Франция в союзе с Израилем, пришли к выводу, что все приемлемые средства убеждения себя исчерпали, окончательно согласовав дату начала военной операции против Египта. В соответствии с трёхсторонними договорённостями израильяне должны были спровоцировать конфликт, нанести мощный удар по Синайскому полуострову и как можно ближе подойти к району Суэца. Затем англичане и французы, под предлогом защиты свободного и беспрепятственного судоходства по каналу, необходимости разведения сторон, выступали с ультиматумом к Каиру и Тель-Авиву прекратить огонь, отвести все войска на 10 км от канала. Предполагалось, что Египет ответит на эти требования отказом. В этом случае европейцы в качестве миротворцев должны были высадить десант и занять города Суэц, Исмаилию и Порт-Саид [7, с. 48]. За короткий срок была сформирована огромная военная группировка. Великобритания предоставляла бомбардировщики и 50 тыс. человек, Франция – истребители и 30 тыс. военнослужащих, и главной ударной силой должен был стать Израиль с авиацией, танками, артиллерией и 100 тыс. сухопутной армией.

В целом решимость англо-франко-израильской коалиции базировалась на оценке главных внешнеполитических событий осени 1956 г., а также возможностей и намерений вмешательства в них СССР и США. Во-первых, учитывалось резкое обострение ситуации на территории Восточной Европы, где 22-23 октября начались народные волнения в венгерской столице. Это позволяло рассчитывать, что Москва не сумеет переориентироваться на разрешение второго конфликта и ограничится общими декларациями о неприятии действий англичан и французов в Египте. Во-вторых, агрессоры надеялись на молчаливую поддержку или как минимум нейтралитет со стороны Соединенных Штатов. Президентские выборы, которые должны были состояться в начале ноября 1956 г. сковывали внешнеполитическую активность Д. Эйзенхауэра, переизбравшегося на второй срок. В Лондоне и Париже предполагали, что дорабатывавшая последние дни администрация президента США не станет обострять отношения с союзниками по НАТО и даже, возможно, смягчит свою позицию в вопросе о проведении силовой операции против Египта, будучи заинтересованной в голосах еврейской общины Америки.

В ночь с 29 на 30 октября 1956 г. первыми на территорию Египта, как и предполагалось, вторглись войска Израиля, оккупировав за несколько дней почти весь Синайский полуостров. Вечером 31 октября Англия и Франция начали бомбардировку военных и гражданских объектов Каира, Александрии, Суэца, а 5 ноября высадили совместный десант в районе Порт-Саида, захватив северную часть Суэцкого канала и сам город.

Военные цели были практически выполнены, но в политическом плане англо-франко-израильскую операцию ждал полный провал. По-сути участники тройственной агрессии оказались в полной международной изоляции, их внешнеполитические расчеты не оправдались. Начальник Генерального штаба

армии Израиля М. Даян писал: «Когда Британия и Франция начали претворять в жизнь свои основные военные планы, у них кончился политический запас времени, их правительствам пришлось отдать приказ войскам свернуть боевые действия» [3, с. 194]. Беспрецедентное давление со стороны СССР, США и Совета Безопасности ООН, а также большинства государств Азии и Африки, настаивавших на немедленном прекращении военной операции, с каждым днем кризиса нарастало.

Между тем особое значение в ходе ближневосточных событий осени 1956 г. имела твердая и последовательная позиция Советского Союза. 31 октября правительство СССР выступило с заявлением, которое решительно осуждало вторжение на территорию Египта, призывало ООН принять немедленные меры по прекращению агрессивных действий Англии, Франции и Израиля, немедленному выводу войск интервентов [10, с. 242]. 30 октября в Совете Безопасности и 2 ноября на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН советский представитель поддержал резолюции с требованием прекратить военные действия. «Действия против Египта, – заявлял полпред А.А. Соболев, – осуществляется по заранее подготовленному единому плану, израильская агрессия была запланирована для создания условий, способствующих захвату английскими и французскими вооруженными силами Суэцкого канала» [10, с. 243]. Когда же стало ясно, что резолюции ООН не подействовали на агрессоров было принято решение оказать дополнительные меры военно-дипломатического воздействия.

5 ноября 1956 г. глава МИД СССР Д.Т. Шепилов направил телеграмму председателю Совета Безопасности ООН, с предложением срочного созыва Совбеза, принятия немедленных и эффективных мер к пресечению агрессии. В телеграмме был изложен советский проект резолюции, который в категорической форме требовал от правительств Великобритании, Франции и Израиля в течение 12 часов прекратить боевые действия и в трехдневный срок вывести все войска с территории Египта. Предусматривалось, что в случае невыполнения этих требований государства ООН должны оказать Каиру военную помощь. Со своей стороны Советское правительство сообщало о готовности «внести свой вклад в дело обуздания агрессоров», направив в район конфликта подразделения военно-морских и военно-воздушных сил [10, с. 253-254].

В тот же день специальные послания от имени председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина были отправлены премьер-министрам Великобритании, Франции и Израиля. По характеру они скорее напоминали ультиматум, где Советский Союз еще раз официально предостерегал, что развернутая война «чревата весьма опасными последствиями для всеобщего мира» и заявлял о своей решимости применить силу с целью сокрушить агрессоров, восстановив спокойствие на Ближнем Востоке. В послании к А. Идену и Ги Молле эти предостережения были дополнены угрозой применения оружия массового уничтожения, а в послании к Д. Бен-Гуриону сообщалось об решении отозвать советского посла и прямо говорилось, что сложившаяся

ситуация может поставить под вопрос само существование Израиля как государства [10, с. 257-262].

Не меньшую заинтересованность в прекращении боевых действий проявляли и в Вашингтоне. Практически сразу же после начала тройственной агрессии против Египта Государственный департамент США предпочел отмежеваться от британского и французского курса на Ближнем Востоке. 30 октября Соединенные Штаты Америки поставили на голосование в Совете Безопасности ООН жесткую резолюцию, требующую от израильских вооруженных сил «немедленно отойти... за установленные линии перемирия». 31 октября Д. Эйзенхауэр сделал публичное заявление, что Лондон и Париж действуют по собственной инициативе. «Мы полагаем, – заявил американский президент, что эти действия предприняты ошибочно. Ибо мы не принимаем использования силы в качестве мудрого и надлежащего способа урегулирования международных споров» [12]. Эйзенхауэр был раздосадован тем фактом, что союзники вели с ним двойную игру, не информировали о своих намерениях, а также игнорировали просьбы не начинать войну в разгар президентской кампании. Кроме того, по мнению американцев, прямолинейная политика Великобритании и Франции могла поспособствовать росту антизападных настроений и неизбежно привела бы к усилению влияния Советского Союза на Ближнем Востоке. Как писал Г. Киссинджер: «А. Иден и Ги Молле воспринимали свержение или унижение Насера как самоцель, а Д. Эйзенхауэр и Д. Даллес рассматривали кризис под углом долгосрочных отношений с арабским миром» [4, с. 479].

Резкое осуждение англо-французской авантюры на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2-4 ноября 1956 г. подтолкнуло США активизировать не только политическое, но и финансово-экономическое давление на своих партнеров по Североатлантическому блоку. Посыпались угрозы заморозить французские финансовые резервы в банках США, заблокировать поставки американской нефти из Венесуэлы в Соединенное Королевство, отказать Великобритании, нуждавшейся в срочной финансовой помощи, в предоставлении кредита на сумму в 500 млн. долларов.

В итоге, нажим Москвы и Вашингтона достиг своей цели. Столкнувшись с серьезным давлением извне, 6 октября британское правительство первым заявило о согласии выполнить решение Генеральной Ассамблеи ООН. Затем примеру Британии вынуждены были последовать Франция и Израиль. Уже 7 ноября 1956 г. боевые действия в Египте были полностью прекращены, завершив самую острую фазу кризиса.

Таким образом, приходится констатировать, что Суэцкий кризис 1956 г. положил начало формированию новой геополитической архитектуры всего Ближнего Востока, задав мощный вектор трансформации внешнеполитического курса большинства мировых и региональных держав. Прежде всего, завершилась огромная эпоха англо-французского доминирования, которая началась с колонизации Францией Алжира, захвата Великобританией Египта. В течении недели Лондон и Париж безвозвратно утратили свои позиции, перестав

играть значительную роль в регионе и оставив США и СССР наследниками огромной колониальной системы.

Одновременно тройственная агрессия дала импульс небывалому подъему арабского национализма, утверждению на долгие годы Каира в качестве лидера арабского Востока. По словам Е.М. Примакова: «Успехи внутреннего развития, неспособность Запада склонить его к присоединению к военным блокам ... широкая поддержка мировой общественности и преобладающего числа государств, когда страна подвергалась тройственному нападению, – все это само по себе работало на сплочение арабов. Египет все в большей степени становился магнитом, притягивавшим к себе население других арабских стран» [7, с. 55]. Серьезным шагом к реализации амбициозных планов стало объединение в феврале 1958 г. Египта и Сирии. Потом последовала Иракская революция (июль 1958 г.), которая также может расцениваться как победа панарабского курса, провозглашенного Г.А. Насером, и ослабление альтернативного центра силы, создаваемого американцами.

Для Израиля результаты военной кампании 1956 г. выглядели неоднозначно. С одной стороны, он продемонстрировал свое неоспоримое военное превосходство, обеспечив себе одиннадцать лет отсутствия масштабных военных действий. Наиболее спокойной была граница с Египтом, в значительной степени благодаря присутствию чрезвычайных сил ООН на Синайском полуострове. С другой стороны, общая геополитическая ситуация на Ближнем Востоке складывалась далеко не в его пользу. В глазах арабского мира Суэцкая авантюра идентифицировала Израиль со старыми колониальными державами. Несмотря на относительное военно-политическое спокойствие, конфликт между Израилем и арабами был углублен. В него, подчиняясь геополитической логике холодной войны, все больше втягивались СССР и США, поддерживая своих региональных союзников. Этот внешний фактор еще больше затруднял поиски политических решений по всему комплексу арабо-израильского противостояния.

Но, самое главное последствие Суэцкого кризиса заключалось в его колоссальном воздействии на дальнейшее развитие мировых политических процессов. События 1956 г. привели к стремительной эволюции послевоенной системы международных отношений. Распад мировых колониальных империй и становление освободившихся африканских и азиатских государств в качестве самостоятельной силы на международной арене, обусловили трансформацию всего Ялтинско-Потсдамского мироустройства.

Кроме того, именно этот кризис, как подчеркивают многие и отечественные и западные исследователи, «превратил США и СССР в сверхдержавы», сделал необратимым становление биполярного миропорядка. После 1956 г. стремительно выросло их влияние на международные процессы. Москва и Вашингтон вступили в период прямого военно-стратегического противоборства, значительно опередив по своим силовым потенциалам остальные державы. В свою очередь для Великобритании и Франции Суэцкий провал стал символом, похоронившим их надежды на глобальную роль в мировой политике. Без поддержки США они оказались не способны на

проведение даже таких локальных операций, какой была задумана тройственная интервенция против Египта. Политические элиты этих стран оказались перед необходимостью признать факт перехода на позиции региональных держав.

Список источников и литературы

1. Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947 – 1967. В 2-х т. Том 1: 1947 – 1956 / Отв. ред. В.В. Наумкин. М., 2003.
2. Громыко А.А. Памятное. В 2 кн. М., 1990. Кн. 2.
3. Даян М., Тевет Ш. Арабо-израильские войны 1956, 1967. М., 2003.
4. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
5. Меир Г. Моя жизнь / пер. с иврита Р. Зерновой. Чимкент, 1997.
6. Насер Г.А. Проблемы египетской революции. Избранные речи и выступления. 1952–1970. М., 1979.
7. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2006.
8. Шепилов Д.Т. Непримкнувший. Воспоминания. М., 2001.
9. Шепилов Д.Т. Суэцкий вопрос. М., 1956.
10. СССР и арабские страны. 1917 – 1960 гг. Документы и материалы / Ред. коллегия: В.Я. Сиполс и др. М., 1961.
11. Суэцкий канал: сборник документов. М., 1957.
12. Foreign Relations of the United States. 1955 – 1957. Vol. 16: Suez Crisis. July 26 – December 31, 1956. Wash., 1990.

УДК 94(470) «1941/1945»

ПОСОБНИЧЕСТВО НАЦИСТАМ: МОТИВЫ И ХАРАКТЕР (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ АРХИВА УФСБ ПО САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Данилов В.Н.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов
danilovvik@yandex.ru

Статья основывается на материалах рассекреченных судебно-следственных дел архива Управления ФСБ по Саратовской области. Они касаются тяжких преступлений советских граждан перед Родиной в годы Великой Отечественной войны: служба в коллаборационистских формированиях, участие в карательных операциях, уничтожение гражданского населения, выдача оккупантам советских патриотов. Показано, что мотивами добровольного и осознанного перехода на сторону врага были: возможность поквитаться за обиду нанесенную государством, ненависть к советской власти, практический расчет на лучшую жизнь в экстремальных условиях фашистской оккупации, в том числе по причине этнической близости к агрессору.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нацизм, пособничество, преступления, архив, судебные дела.

The article is based on the materials of declassified forensic investigation files of the archive of the FSB Directorate for the Saratov region. They relate to the grave crimes of Soviet citizens before the Motherland during the Great Patriotic War: service in collaborationist formations, participation in punitive operations, the destruction of the civilian population, the extradition of Soviet patriots to the occupiers. It is shown that the motives of voluntary and conscious transition to the side of the enemy were: the opportunity to get even for the offense inflicted by the state, hatred of the Soviet government, a practical calculation for a better life in the extreme conditions of the Fascist occupation, including due to ethnic proximity to the aggressor.

Key words: the Great Patriotic War, Nazism, complicity, crimes, archive, judicial and investigative cases.

В последние десятилетия для обозначения преступлений перед страной и народом в годы Великой Отечественной войны принятые в советское время понятия «предательство», «пособничество» и «измена Родине» практически перестали использовать. Появление в лексиконе термина «коллорабационизм» (*от фр. collaboration – сотрудничество*) можно объяснить, конечно, возникшей в 1990-е гг. моде на заимствование иностранных слов, но нельзя и не заметить присутствия здесь некоторой линии на размывание негативной коннотации этого явления в более широком предметном поле. Так, известный в первые послеперестроечные годы историк Б. Соколов писал: «Десятки миллионов наших граждан, два-три года проживших в жутких, нечеловеческих условиях германского гнета, после освобождения попали из огня да в полымя. Многие из них, обвиненные в коллаборационизме отправились в спецпоселения и лагеря» [1, с. 96]. За такого рода суждениями просматривается стремление оправдать истинных преступников. В крайнем его выражении это возведение в ранг национальных героев нацистских пособников в странах Прибалтики, на Украине и даже в Армении, в случае с Герегином Нжде. Подобные поползновения отмечались и в России, когда за разговорами «о третьей силе», «второй гражданской войне» исподволь или прямо пытались оправдать преступления Власова, карателей из так называемого Локотского самоуправления, генерала Краснова и ему подобных деятелей русской эмиграции. Но в целом в российском обществе сложился консенсус неприятия деяний пособников оккупантам, будь то из числа советских граждан или из других стран, какими бы мотивами они не руководствовались при этом.

О советском коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны, по теме, которая хотя и не была закрыта в советское время, но и особо не муссировалась, написано сейчас уже множество работ разного масштаба и идеологической направленности. Среди обобщающих трудов выделяется фундаментальное исследование известного военного историка М.И. Семиряги [2]. По его мнению, никакая оккупационная армия не может обойтись без сотрудничества с населением страны. К числу активных коллаборационистов, т.е. которых можно считать прямыми пособниками и предателями, он отнес военнопленных и гражданских лиц, вступивших в ряды германской армии, и полицейские формирования, а также советских граждан, работавших в

учреждениях оккупационных администраций. Среди исследователей этой проблемы нет единого мнения относительно численности советских граждан, поступивших на службу к противнику. Разброс подсчетов варьируется от 1 до 1,5 млн. человек, представлявших различные национальности. К числу дискуссионных относятся также вопросы о мотивах (причинах) активного пособничества оккупантам и степень представительства той или иной социальной группы советского населения, в какой-то мере вопросы типологии коллаборационизма.

Нужно сказать, что исследователи не испытывают недостатка в источниках по изучению темы коллаборационизма. Это и материалы партизанских структур, директивы и донесения НКВД, а также материалы различных немецких и коллаборационистских служб, архивы коллаборационистских газет и журналов. Особое место занимают судебно-следственные дела и другие материалы, находящиеся в центральных и региональных архивах управлений Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

В научном сообществе нет единого мнения об использовании следственной и судебной документации военного и послевоенного времени для изучения феномена пособничества оккупантам. Есть те исследователи (особенно иностранные), кто полагает, что изучение судебных процессов над преступниками намного больше говорит о советской системе следствия и суда того периода, чем о реальных действиях людей в годы оккупации. Другая группа исследователей подчеркивает противоречивый характер материалов послевоенных судебных процессов и замечает, что речь все же шла о реальных преступлениях. Их масштаб, как и степень насилия и жестокости, были настолько внушительными, что придумывать преступления просто не имело смысла. Канадская исследовательница, ведущий научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ Линн Виола, изучавшая суды над работниками НКВД (теми, кого обвиняли в «нарушении социалистической законности»), сравнивает именно с ними процессы против коллаборационистов. И те и другие, по ее мнению, работали по всем нормам судопроизводства, в отличие от процессов 1937-1938 гг., когда пострадали многие безвинные люди [3]. Вместе с тем, осознание того, кто и с какой целью проводил допрос, как мы видим из изученных документов, приводило к тому, что правдивые показания подсудимыми давались лишь при наличии неопровержимых улик (предъявление какого-либо документа), а, если была возможность, то отрицалась достоверность показания свидетелей или заявления родственников пострадавших. В любом случае судебно-следственные дела представляют собой один из немногих источников, в которых пособники нацистов говорят от первого лица. Это дает возможность изучить перспективу не жертвы, а преступника.

Нужно иметь в виду, что значительная часть следствий и судов над нацистскими преступниками и их пособниками производилось по месту совершения злодеяний, но очень часто преступники при отступлении немецкой

армии покидали такие места и в конечном итоге оказывались в других регионах. Поэтому судебно-следственные мероприятия проводились органами госбезопасности уже по месту их обнаружения. Существовала также практика пересылки дел бывших советских военнопленных, осужденных за военные преступления, в регионы, откуда они призывались. Это пояснение необходимо было сделать для понимания происхождения четырех судебно-следственных дел архива Управления ФСБ по Саратовской области, о которых далее пойдет речь, и которые только недавно были рассекречены. Материалы, содержащиеся в них в основном относятся к 1945-1950-м гг., но в одном деле также имеются и документы дополнительной проверки 1976 г. в связи с апелляцией фигуранта дела. Кроме того, в 1990-е гг. все они проверялись прокуратурой Саратовской области по существу после принятия 18 октября 1991 г. Верховным советом РСФСР закона «О реабилитации жертв политических репрессий» и по ним выносились новые определения.

И еще один момент надо иметь в виду: по своему характеру деяния пособников оккупантов из числа советских граждан сразу же были отнесены к особо опасным государственным преступлениям и согласно приказу от 15 мая 1942 г. Прокурора СССР лица их совершившие подлежали ответственности по ст. 58-1 «а» УК РСФСР (в украинском варианте 54-1 «б»). В последующем нормативная база преследования нацистских пособников корректировалась. [4] Что же касается деталей процесса расследования, то их пришлось разрабатывать самим органам госбезопасности. И действительно, мы видим, что ранние следственные дела состояли только из ордеров на арест, анкеты подследственного, протоколов допросов, показаний свидетелей (а то без них), обвинительного заключения и протокола судебного заседания. В последующих к этому добавились очные ставки, процедура опознания по фотографиям, материалы чрезвычайных комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК). Все четыре архивно-следственных дела касались по принятой ныне типологии военного коллаборационизма и в некотором смысле они оказались репрезентативными для описания этого явления.

10 мая 1945 г. УНКГБ по Саратовской области был арестован Жмудский Михаил Иванович, 1895 г. рождения, уроженец села Великая Михайловка Курской губернии, проживавший в селе Тепловка Вольского района и работавший сапожником КЭЧ Вольского гарнизона. К тому времени следствие располагало материалами (вещественной уликой и свидетельскими показаниями местных жителей) о его преступной деятельности во время оккупации города Пролетарска Ворошиловградской области. В ходе следствия было установлено, что Жмудский происходил из семьи крестьян-торговцев, более полугода служил офицером в армии Деникина, в 1929 г. был осужден на 3 года за дачу взятки, во время отбывания наказания его семья была раскулачена, в предвоенные годы работал на шахте. В июле 1942 г. он остался в оккупированном немцами городе Пролетарске и работал регентом церковного хора, активно сотрудничал с оккупационной администрацией. В декабре 1942 г. подал заявление в полицию на гражданина М.С. Гальченко, характеризуя того

как советского человека, антинемецки настроенного и имеющего двух сыновей в Красной Армии, в результате чего последний был арестован. 31 января 1943 г. Жмудский при отступлении немецких войск вместе с полицейскими расстрелял десять человек арестованных советских граждан, в том числе Гальченко. Затем ушел дальше в немецкий тыл, оказался в Сталино (Донецк), где проживал до освобождения города советскими войсками. В сентябре 1943 г. был призван в Красную Армию. Так он и оказался в Саратовской области.

На первом допросе Жмудский выдавал себя за патриота и советского человека, но после предъявления подлинника заявления на Гальченко, в котором говорилось, что сыновья того якобы «находятся где-то в банде», он заявил, что «Красную Армию бандой могут называть только враги Советского государства, к числу которых отношусь и я» [5, л. 39]. На следующем допросе он конкретизировал: «На враждебные позиции к Советской власти я встал в 1942 г., т.е. в период моего пребывания на территории оккупированной немцами, точнее сказать с момента написания заявления на Гальченко» [5, л. 39 об)]. Однако понимая противоречие с тем, что он написал в заявлении («Я как бывший белогвардеец и скитавшийся через таких мерзавцев по тюрьмам и в томском изоляторе просидел три года...») Жмудский позже признался: «Буду с Вами откровенен. Я врагом Советской власти стал не с 1942 г. Враждебное отношение к Советской власти у меня возникло в 1930 г. в связи с раскулачиванием меня и заключением под стражу» [5, л. 42]. Характерно, что Жмудский факт написания заявления признал, но участие в расстреле советских граждан отрицал до последнего. Приговором Военного трибунала войск НКВД Саратовской области 21 сентября 1945 г. Жмудский был приговорен к расстрелу, но Военная коллегия Верховного суда СССР заменила его ссылкой на каторжные работы сроком на 20 лет [5, л. 151].

Более выраженный военный характер имела преступная деятельность Акулова Павла Александровича, 1914 г. рождения, проживавшего до войны в станице Марьинской Апполоновского района Ставропольского края. 18 мая 1942 г. он добровольно сдался в плен немцам близ города Симферополя, затем 15-20 дней находился в лагере военнопленных, оттуда бежал в село Скворцовку Запорожской области, где скрывался у местной жительницы. Когда немцы оккупировали станицу Марьинскую, пришел в дом матери, в ноябре 1942 г. поступил в местную полицию. В связи с наступлением Красной Армии в январе 1943 г. вместе с немцами бежал и до задержания советскими войсками работал в общинных хозяйствах Запорожской области. Скрыв факт службы в немецкой полиции, был повторно призван в Красную Армию. После демобилизации в 1945 г. проживал в различных городах, опасаясь быть разоблаченным. Так он оказался в городе Пугачеве, где работал в местной МТС [6, л. 19-20]. Однако в процессе работы Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний оккупантов и допросов свидетелей в станице Марьинской его имя постоянно всплывало в числе тех, кто на стороне немцев проводил здесь карательные операции. В результате оперативной разработки областного управления МГБ Акулов 26 июля 1948 г. был арестован.

Проведенное следствие показало, что во время службы в полиции Акулов, наряду с патрулированием населенного пункта, активно участвовал в выявлении, массовых расстрелах коммунистов и советских активистов. Так, 15 декабря 1942 г. он лично принимал участие в аресте и расстреле 13 человек из числа советско-партийного актива станицы Марьинской. Пять дней спустя участвовал в аресте и расстреле 9 человек в кабардинском селе Куба. За время службы в полиции им было арестовано 10 человек военнослужащих Красной Армии, скрывавшихся от немцев. Занимался также мародерством, присваивая одежду и другие вещи расстреливаемых. Свою вину Акулов признал полностью и военным трибуналом был осужден на 25 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях [6, л. 39-42].

На допросах в 1948 г. Акулов заявил, что на сторону врага перешел «потому, что не верил в победу Советского Союза в этой войне, в силу этого, выслуживаясь перед немцами, я превратился у них в палача и мародера» [6, л. 42]. Мотивом предательства мог также послужить факт репрессирования его дяди, который служил в Белой армии. Как показал один из свидетелей, Акулов ему говорил: «Коммунисты хотели, чтобы я им воевал, дядю моего загнали, теперь и я им все выложу наружу, проклятым коммунистам» [6, л. 41]. То, что такой разговор действительно имел место, Акулов подтвердил на следствии. Позже на допросе в 1955 г. он уточнял, что «активно помогал фашистам потому, что боялся угроз со стороны полиции моей семье и потом послушал свою мать. В основном не верил в победу. Уйти в партизаны я не мог, не имел связи, а без связи боялся. Я разговаривал с Сушиным, он был коммунистом. Сушин мне говорил, что немцам надо вредить, но я тогда Сушина не понял, его расстреляли» [7, л. 112].

Надо сказать, что по заявлениям (всего 8, вплоть до президиума Верховного Совета СССР), в которых Акулов жаловался на недозволенные методы следствия, в результате которых он якобы себя на суде оговорил, его дело отправлялось на дополнительное расследование в 1955 г. и в 1975-1976 гг.: опрашивались новые свидетели, вновь поднимались акты ЧГК. Уже 15 марта 1976 г. на допросе в военной прокуратуре ПриВО он признался, что «отбывая заслуженное наказание, я от многих заключенных получал советы писать жалобы о реабилитации, причем мне советовали жаловаться на необъективное ведение следствия по моему делу. На самом деле следствие по моему делу велось объективно в 1948 г. и меня осудили справедливо. Получить реабилитацию я стремился для того, чтобы годы заключения были засчитаны в трудовой стаж и чтобы я быстрее мог получить право на пенсию. Я осужден правильно и никаких претензий к органам следствия не имею. Изменил Родине я потому, что во чтобы то ни стало хотел сохранить себе жизнь, к тому же в начале войны не верил в победу Советской Армии над Германией» [7, л. 169]

Еще более тяжкими преступлениями перед Родиной запятнал себя Кузнецов Дмитрий Иванович, 1911 г. рождения, до и после войны проживавший в Балаково. В сентябре 1941 г. он попал в окружение в районе Орла, был ранен в ногу, сдался в плен немцам вблизи печально известного поселка Локоть Брасовского района Орловской области. Здесь был помещен в

местную больницу, по излечении в которой добровольно поступил на службу в карательно-полицейского отряд так называемого Локотского особого округа, возглавляемого сначала бывшим учителем Воскобойником, а после его гибели инженером местного спиртозавода Каминским. Зимой 1941-1942 гг. Кузнецов принимал участие в боевых операциях против партизан, конфискации имущества местных жителей, под видом советского военнопленного, бежавшего из лагеря, неоднократно направлялся в разведку по селам с целью выявления местонахождения партизан. Во время нападения партизан на окружную самоупрау в ночь на Рождество 1942 г. и завязавшегося боя он был ранен в плечо. После излечения в апреле 1942 г. был зачислен в тюремную полицию, где в его обязанности входила охрана заключенных, их конвоирование на работы, а также приведение в исполнение смертных приговоров. Подобную деятельность Кузнецов продолжил и после перебазирования бригады РОНА и администрации округа в белорусский город Лепель [8, л. 11-108]. В январе 1944 г., как он сам сказал, «за добросовестную службу в пользу немцев и в частности за мое усердие в репрессиях против партизан и их семей» был награжден медалью 2-й степени с мечами, учрежденную немцами для восточных формирований [8, л. 70]. Принимал участие во всех акциях РОНА на территории Польши и Германии. В марте 1945 г. оказался в распоряжении советских войск, представился советским военнопленным, был снова зачислен в Красную Армию и даже принял участие в боях с немцами. Но уже через месяц, получив ранение, был отправлен в госпиталь на территории СССР, где ему ампутировали ногу. В октябре 1945 г. вернулся к родителям в Балаково [8, л. 18].

К моменту ареста Кузнецова в январе 1947 г. органами госбезопасности был собран большой материал о тех преступлениях, какие совершали каратели Воскобойника-Каминского на советской земле. Поэтому уже на первом допросе после предъявления неопровержимых улик он сознался в активном пособничестве нацистам. В последующем уточнялись лишь детали преступной деятельности, в частности участия в более чем десяти эпизодах расстрелов советских патриотов. Свое добровольное поступление в полицию Кузнецов объяснял невозможностью отказаться от поступившего на этот счет предложения в тех условиях. «Воскобойник и Иванин (командир карательно-полицейского отряда – *В.Д.*), – говорил он, – нам доказывали и убеждали, что все изъявившие согласие стать добровольцами, созданных немцами полицейских карательных органов будут находиться в полном материальном достатке, будут обеспечены хорошим питанием, одеждой и заработком. Среди находившихся на излечении не нашлось ни одного смельчака который бы отказался от предложения Воскобойника и Иванина» [8, л. 21]. Сыграла свою роль и антисоветская пропаганда. По словам Кузнецова, Иванин убеждал, что «дав согласие на добровольную службу в карательно-полицейских органах, мы не ошиблись и ругать себя не будем, так как... немецкая армия должна победить Советский Союз, что дни Советской власти сочтены, этой власти не будет, что с победой Германии жизнь в стране намного будет лучше, колхозы будут распущены, каждый человек будет работать для себя, жить будет в

достатке» [8, л. 22]. Свою же деятельность в качестве безжалостного палача он объяснил полученным ранением: «не мог забыть эту рану и будучи озлобленным беспощадно расстреливал пойманных и приговоренных к смерти партизан» [8, л. 55]. 25 мая 1947 г. военный трибунал ПриВО приговорил Кузнецова к 25 годам лагерей, где, по всей видимости, и сгинул.

Особый характер имеет дело уроженца села Ягодная Поляна Вязовского района Саратовской области, немца по национальности – Асмуса Давида Андреевича, 1921 г. рождения, следственные действия по которому велись в два этапа. Он был одним из тех, кто реализовывал на практике гитлеровскую политику по «окончательному решению еврейского вопроса», служа в охранных войсках СС. Однако это выяснилось гораздо позже, чем он оказался в местах отбывания заключения. В руки СМЕРШа Асмус попал в конце февраля 1945 г., когда еще шли бои на территории Польши. Во время нескольких допросов он изложил такую версию службы в немецкой армии. Якобы после окружения его части, в которой он служил с апреля 1941 г., в районе Бобруйска в сентябре 1941 г. был захвачен солдатами вермахта и отправлен в лагерь для военнопленных на территории Белоруссии, а затем был вывезен в Германию, где до апреля 1944 г. содержался в концлагере Остпрайзен, скрывая до этого времени, что он этнический немец. «Условия в лагере были плохие за весь период моего там пребывания, – говорил на следствии Асмус, – мне там находиться надоело и я решил лучше пойти в немецкую армию, чем находиться там» [9, л. 19 об]. В дальнейшем, по его словам, он служил в 120-й пехотной дивизии СС, которая в конце 1944 – начале 1945 гг. находилась в глубине немецкой обороны в районе польских городов Петраково и Радом, поэтому дескать ему и не пришлось участвовать в боях с Красной Армией. Эта версия показалась следователям военной прокуратуры Львовского военного округа вполне убедительной и стала основанием для осуждения Д.А. Асмуса в мае 1945 г. военным трибуналом округа на 10 лет лишения свободы [9, л. 40].

Однако в послевоенные годы во время допросов других пособников нацистов из числа советских граждан имя Давида Асмуса неоднократно называлось как охранника еврейских гетто и фашистских лагерей смерти. Кроме того, был обнаружен его Personalboden (послужной список), заводившийся немцами на каждого, кто добровольно служил в их войсках. В марте 1950 г. дело Асмуса было отправлено на повторное расследование, которое велось УМГБ по Красноярскому краю. На этих допросах, когда видно терять уже было нечего, он подробно рассказал, как было на самом деле. Сдался в плен уже в июле 1941 г. и практически в первые же дни нахождения в лагере для военнопленных в Бяла-Подляске довел до сведения лагерной администрации о своей национальной принадлежности, был отделен от основной массы военнопленных и помещен в отдельный барак вместе с другими фольксдойч [10, л. 2]. Затем прошел обучение в школе вахманов и с начала 1942 г. охранял еврейские гетто в польских городах Травнике, Люблине, Ченстохове и Томашове, регулярно отправлял их обитателей в лагеря смерти Майданек и Трешлинка, также служил в охране не менее известной «фабрики по уничтожению евреев» – концлагеря Собибор (нем. – Цобобург).

Не трудно представить чувства следователей, когда Асмус подробно описывал всю технологию и масштабы уничтожения невинных людей. «Мы – вахманы, а в том числе и я, – свидетельствовал он, – загоняли людей в тоннель, избивая их прикладами, затем принуждали их раздеваться в раздевалке и загоняли в газовые камеры»[10, л. 17]. Ежедневно таким образом в Собиборе уничтожалось до тысячи евреев. Ослабевших охрана расстреливала из винтовок. В общей сложности, признался Асмус, он лично пристрелил не менее 800 человек. На вопрос: почему вы изменили Родине? Асмус ответил коротко: «Родине я изменил в силу своих антисоветских убеждений»[10, л. 5]. До повторного суда он не дожился: скончался 3 июня 1950 г. в Красноярской тюрьме «от общего упадка сил, сердечной недостаточности, на почве истощения и туберкулезной интоксикации»[10, л. 30].

Как видим, приведенные архивно-следственные дела содержат материалы, отражающие военное сотрудничество с оккупантами, которое главным образом согласно советскому законодательству и квалифицировалось как измена Родине и предательство. Поэтому абсолютной ложью являются заявления «борцов с советским прошлым» о поголовном наказании всех, кто вынужден был взаимодействовать или сотрудничать с оккупационными властями в бытовом или административном порядке, без чего невозможно было собственное выживание и сохранение жизни близких в условиях длительной оккупации. Вместе с тем, как это было в случае с Жмудским, не всегда военные преступления по отношению к народу и стране совершались только людьми, состоявшими в вооруженных формированиях (в наших случаях: небольшие карательно-полицейские отряды, крупные части типа бригады Каминского, подразделения СС), воевавших на стороне Германии. Не трудно также заметить, что в условиях войны отсутствовала возможность тщательной фильтрации советских военнослужащих, оказавшихся на оккупированной противником территории, поэтому не редко активные пособники повторно призывались в Красную Армию и имели возможность долгое время быть неразоблаченными.

Репрезентативной оказалась данная случайная выборка архивно-следственных дел пособников нацистов и относительно мотивов, обусловивших добровольный и осозанный переход на сторону врага. Здесь мы видим и возможность поквитаться за обиду нанесенную ранее государством, абстрактная ненависть к советской власти и практический расчет на лучшую жизнь в экстремальных условиях фашистской оккупации. Нацисты активно заигрывали с представителями национальных меньшинств, где особняком стояли фольксдойч – люди, имевшие немецкие корни. Расовая теория нацизма ставила их в привилегированное положение, чем и воспользовались некоторые представители этой категории советских граждан.

Список источников и литературы

1. Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-Пресс Книга, 2002. 349 с.

2. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.
3. Предательский удар. Как судили коллаборационистов в Советском Союзе. URL: <https://iq.hse.ru/news/227829586.html> (дата обращения: 18.01.2022).
4. Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2005. 266 с.
5. Архив УФСБ по Саратовской области. Д. 54520 (Следственное дело Жмудского М.И.).
6. Архив УФСБ по Саратовской области. Д. 15634. Т. 1. (Следственное дело Акулова П.А.).
7. Архив УФСБ по Саратовской области. Д. 15634. Т. 2. (Следственное дело Акулова П.А.).
8. Архив УФСБ по Саратовской области. Д. 15452. (Следственное дело Кузнецова Д.И.).
9. Архив УФСБ по Саратовской области. Д. 22387. Т. 1. (Следственное дело Асмуса Д.А.).
10. Архив УФСБ по Саратовской области. Д. 22387. Т. 2. (Следственное дело Асмуса Д.А.).

УДК 94 (55)

РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОТ ДОБРОСОСЕДСТВА К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ В КАВКАЗСКО-БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

Акопян В.З.

Пятигорский государственный университет
zaven2005@yandex.ru

Статья посвящена становлению и развитию российско-иранских отношений в Ближневосточном регионе. Особое внимание уделяется современному этапу во взаимоотношениях между двумя государствами. Возникшая во втором десятилетии XXI века на Ближнем Востоке и Южном Кавказе новая геополитическая ситуация требует объединить усилия России, Ирана и ряда других государств для преодоления экзистенциальной угрозы. Автор рассматривает российско-иранское стратегическое партнерство как главное препятствие на пути реализации опасных планов коренным образом реформировать регион в пользу возникающего нового Союза тюркских государств, стремящегося реализовать планы создания, так называемого, Великого Турана от Средиземного моря до Тихого океана за счет территорий России, Ирана, Китая и ряда других государств.

Ключевые слова: Передняя Азия; Ближний Восток; Южный Кавказ; российско-иранские отношения; стратегическое партнерство.

RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS: FROM GOOD NEIGHBORLINESS TO STRATEGIC PARTNERSHIP

IN THE CAUCASUS-MIDDLE EAST REGION

The article is devoted to the formation and development of Russian-Iranian relations in the Middle East region. Special attention is paid to the current stage in the relations between the two states. The new geopolitical situation that emerged in the Middle East and South Caucasus in the second decade of the XXI century requires the joint efforts of Russia, Iran and a number of other states to overcome the existential threat. The author considers the Russian-Iranian strategic partnership as the main obstacle to the implementation of dangerous plans to radically reformat the region in favor of the emerging new Union of Turkic States, seeking to implement plans for the creation of the so-called Great Turan from the Mediterranean Sea to the Pacific Ocean at the expense of the territories of Russia, Iran, China and a number of other states.

Key words: Front Asia; Middle East; South Caucasus; Russian-Iranian relations; strategic partnership.

Сложные процессы, происходящие в стратегически важном и обширном регионе Передней, или Западной, Азии, который состоит из таких субрегионов, как Каспийский, Кавказ, Ближний и Средний Восток, требуют от России поиск партнеров, чьи интересы в долгосрочном отношении во многом совпадают с российскими или, как минимум, существенно не противоречат им.

Из всех крупных международных акторов, имеющих геополитические интересы в этом регионе, наибольший потенциал для сотрудничества и даже стратегического партнерства с Россией имеет Иран (до 1935 года – Персия).

Российско-иранские отношения были установлены в конце XVI века, когда в Иране правили шахи династии Сефевидов. Они начинались с взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества по Волжско-Каспийскому пути из Европы в Азию.

В отличие от российско-турецких отношений, отношения России и Ирана были в целом мирными, не считая короткого периода русско-иранских войн в первой трети XIX века, когда к России были присоединены большая часть Грузии, Восточная Армения и другие территории Восточного Закавказья, управляемые ханами. Наоборот, для Ирана главным врагом являлась Османская империя с момента ее образования. Турецко-иранские войны между Османской империей и Ираном велись в XVI–XIX вв. за обладание Арменией, Кавказом и Северной Месопотамией, через которые пролегали стратегические и торговые пути.

Формально они велись под религиозными лозунгами: шиизмом – религией Ирана и суннизмом, господствовавшим в Османской империи. Начавшиеся при Сефевидах, эти войны продолжались в последующие века. Не считая локальные конфликты, войны с османами велись в 1514–1555, 1578–1590, 1603–1612, 1616–1618, 1623–1639, 1723–1727, 1730–1736, 1743–1746, 1775–1776 и 1821–1823 гг. [1].

После захвата в начале XVII века афганскими племенами города Исфахана, столицы Сефевидского государства, Иран приходит в упадок. Распад династии Сефевидов совпал с провозглашением России империей. Принимая во внимание внутреннее расстройство Ирана, Петр Великий для укрепления

позиций России в Каспийском регионе, в частности на Кавказе, предпринял свой знаменитый Персидский поход 1722–1723 гг.

Такая политика вызвала противодействие турецких султанов. При посредничестве Франции, Россия и Порты на основе Константинопольского договора 1724 года разделили между собой северо-западные области Ирана. В послепетровский период внешняя политика России на южном направлении испытывала стагнацию. И только при Екатерине II внешняя политика Российской империи в Черноморско-Каспийском регионе значительно активизировалась. Россия не только взяла под свой контроль большую часть Северного Кавказа, но и создала форпост в Закавказье, подписав Георгиевский трактат в 1783 году.

В этот же период свою политику в регионе Персидского залива активизировала Великобритания. Южный Иран представлял интерес для британцев и как важный торговый форпост, и с точки зрения обеспечения безопасности их владений в Индии.

Совместная борьба с Наполеоном не означала прекращения соперничества между царской Россией и Великобританией в Иране. Иран при шахской династии Каджаров (1794–1925) оставался ареной борьбы двух великих держав вплоть до начала XX века, когда российско-британские отношения пришли в состояние относительного равновесия, в результате чего произошло превращение Ирана в их полуконию.

Для России самым успешным периодом в соперничестве с Британией в Иране была первая половина XIX века. В этот период в результате двух русско-иранских войн, завершившихся подписанием Гюлистанского (1813) и Туркманчайского (1828) договоров, большая часть Закавказья вошла в состав Российской империи.

Во второй половине XIX века более сильное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Ирана оказывала Великобритания. На рубеже XIX–XX веков, с расширением сферы влияния Германии на Востоке, усилиями Франции по образованию альянса в противовес Тройственному союзу, 18(31) августа 1907 года в Санкт-Петербурге министром иностранных дел А.П. Извольским и британским послом Артуром Николсоном была подписана конвенция, разграничивавшая Иран на три сферы влияния. Север был закреплен за Россией, юг – за Британией, а центр определен в качестве нейтральной зоны [2, с. 388].

После начала Первой мировой войны Россия и Великобритания ввели свои войска в Иран. В соответствии с Константинопольским договором (1915) англичане соглашались с полным господством России на севере Ирана, а Россия дала согласие на переход нейтральной зоны в сферу влияния Британии.

Победа Русской революции 1917 г. на время приостановила иранское направление во внешней политике Советской России. Большевики подвергли критике царскую внешнюю политику и заявили об отказе от всех привилегий (в том числе и от всех концессий), полученных Россией от соседних стран. Все войска были выведены из Ирана. Правительство большевиков питало иллюзии о возможности направить Иран на борьбу с империализмом.

22 февраля 1921 г. произошел переворот, в результате которого в Иране к власти пришел Реза-хан Пехлеви¹.

Великобритания и СССР в отношении новой власти пришли к консенсусу и оказывали содействие руководителю переворота. Советское правительство после провала политики по экспорту коммунизма в Иран, в феврале 1921 г. заключило советско-иранский Договор о дружбе [3]. В 5 и 6 статьях Договора предусматривалась норма, дающая СССР право на военное вмешательство во внутренние дела Ирана в случае, если территория страны будет использоваться в качестве плацдарма для агрессии против СССР.

Внешняя политика Реза-шаха характеризовалась балансированием между Великобританией и СССР и стремлением привлечь в Иран третьей силы для нейтрализации первых двух держав. Находясь в экономически зависимом положении от Запада, Реза-шах стремился сохранить лояльное отношение с советским правительством. Впрочем, своей главной задачей он видел борьбу с коммунизмом в Иране. В 1931 г. был утвержден закон о запрете распространения коммунизма. В 1937 г. арестовали и заключили в тюрьму членов коммунистической группы из 53 человек.

Политика Реза-шаха по привлечению третьей силы привела к сближению Ирана и Германии. В то же время усиление влияния Германии в Иране до Второй мировой войны не обошлось без содействия Великобритании, стремившейся с помощью Германии нейтрализовать влияние коммунистов [4].

С началом Второй мировой войны иранское правительство официально заявило о своем нейтралитете. Однако нападение Германии на СССР привело к созданию советско-британского единого фронта против немцев. Для обеспечения защиты Индии и безопасности нефтяных промыслов на юге страны и в Персидском заливе англичане побудили СССР ввести свои войска на территорию Ирана в августе 1941 года и взять под контроль железные дороги и нефтяные месторождения.

Шах был принужден союзниками к отречению. Трон занял его сын Моххамед Реза Пехлеви, правивший до Исламской революции 1979 года.

В 1942 г. союзники приняли соглашение о суверенитете Ирана. Однако СССР вывел войска с территории Ирана только в мае 1946 года. Сталин, одновременно с попыткой вернуть СССР исторические западноармянские земли, предпринял практические действия по присоединению к Азербайджанской ССР северо-западного Ирана – провинции Западный Азербайджан (Адарбайджан, или Атрпатакан), преимущественно населенной тюркоязычными иранцами. Еще в 1918 году Турция создала в Закавказье марионеточное государство, присвоив ему название иранской провинции с тем,

¹ Пехлеви – шахская династия из Мазендерана, имя которой было взято Резой-ханом, не имевшим к династии Пехлеви никакого отношения. В 1921 г. в период внутренней смуты офицер Реза-хан с помощью Персидской казачьей бригады с боями занял столицу Тегеран и был назначен Ахмад-шахом Каджаром главнокомандующим, затем – военным министром и премьер-министром. Используя свое положение, подготовил свержение династии Каджаров. Учредительная ассамблея меджлиса 31 октября 1925 г. объявила о низложении Ахмад-шаха, а 12 декабря провозгласила Резухана новым шахиншахом Ирана.

чтобы потом объединить эти две территории, но уже в составе Османской империи.

СССР поддержал просоветскую Демократическую партию Иранского Азербайджана под руководством Пишавари, которая выдвинула требования о предоставлении этой территории автономии. Одновременно компартия Иранского Курдистана под руководством Кази Мухаммада потребовала предоставить курдам автономию с центром в Мехабаде.

В связи с этими событиями в послевоенные десятилетия СССР полностью потерял свое влияние в Иране. Наоборот, за влияние на Иран соперничали США и Великобритания. Благодаря значительной экономической и военной помощи, оказанной иранскому режиму в соответствии с доктриной Трумэна 1947 года, победителем из этого соревнования вышла Америка. Вплоть до конца 70-х годов Иран оставался в полной зависимости от Запада.

В 1970-е годы во внешней политике Ирана имели место две тенденции: продолжение мирного сосуществования с Советским Союзом и превращение Ирана в главного проводника американских интересов в регионе.

Таким образом, отношения Ирана с СССР в послевоенный период строились под воздействием ирано-американских отношений.

Посетивший Иран накануне нового 1978 года президент Джимми Картер назвал эту страну «островом стабильности». Но американцы недооценили влияние иранской оппозиции, особенно духовенства, выступавшего против усиления американского присутствия в Иране и приведшего к Исламской революции в феврале 1979 года [4].

По мнению ряда как отечественных иранистов, так и иранских историков, в конце 1980-х гг. отношение к СССР Ирана (с 1979 года Исламская Республика Иран – ИРИ) подверглось пересмотру, и с 1989 года начался новый этап российско-иранских отношений. Руководство Ирана, реально оценив ситуацию, сложившуюся в ИРИ, СССР и в системе международных отношений в целом, предприняло ряд шагов с целью нормализации отношений с СССР. Конкретным внешнеполитическим шагом Тегерана в этой связи стало направление в Москву делегации в составе аятоллы Абдоллы Джавади-Амоли, Мохаммада Лариджани и Марзие Хадидчи, которые привезли личное послание верховного лидера ИРИ Рухолла Аль-Мусови Аль-Хомейни (1900–1989) Михаилу Горбачеву.

В послании содержалось предсказание о конце марксизма и крахе коммунизма и предлагалось «заполнить вакуум, образовавшийся в идеологической системе» советского общества, исламом [5]. Однако самым важным в послании духовного лидера Ирана стало не это предложение, а пожелание, высказанное им в конце письма: «Как бы то ни было, наша страна по-прежнему придерживается принципов добрососедства и развития двусторонних отношений и уважает эти принципы» [6].

После распада СССР правительство президента Хашими Рафсанджани (1989–1997), нацеленное на восстановление страны в новой геополитической ситуации, связанной с независимостью государств Южного Кавказа и Центральной Азии, взяло курс на сотрудничество с Российской Федерацией.

Распад СССР, становление независимого Российского государства как правопреемника Советского Союза, сопровождался сложными процессами, связанными, с одной стороны, расширением НАТО на Восток за счет государств бывшего социалистического содружества и СССР, а с другой стороны, угрозой дезинтеграции самой Российской Федерации.

Межнациональные конфликты на Юге России, особенно две чеченские войны, показали истинную позицию мировых держав и соседних государств. Террористов, открыто или завуалировано, поддержали не только Турция, Пакистан, ряд стран Ближнего Востока, но и те государства Запада, которые видели в распаде РФ завершение процесса гибели СССР.

Во всех этих конфликтах, в которых террористы использовали знамя религиозного фундаментализма, Иран, будучи государством, в котором заявлено, что управление страной основано на предписаниях ислама, ни разу не был замечен в их поддержке. И даже в азербайджано-карабахском (армянском) конфликте, в котором шиитский Азербайджан использовал религиозные лозунги, Иран оставался нейтральным, лишь формально заявляя о сочувствии к своим единоверным братьям. Более того, в последующих событиях в Сирии, ИРИ стала партнером РФ в борьбе с так называемым Исламским государством Ирака и Леванта (ИГИЛ).

А это очень важная основа для развития не просто добрососедских отношений, а даже стратегического партнерства.

На рубеже XX–XXI столетий Иран и Россия видят гарантию сохранения стабильности в Каспийском, Кавказском, Ближневосточном и Центральноазиатском регионах во взаимодействии друг с другом.

Возникшая во втором десятилетии XXI века в регионе Ближнего и Среднего Востока кризисная ситуация и пути ее возможного разрешения значимы не только для Ирана – одной из главных региональных держав, но и для РФ. Россию не может не беспокоить значительная вовлеченность США и Великобритании в региональную геополитику, американский и израильский сценарий превращения Ирана в своего «жандарма» на Среднем Востоке, угроза милитаризации Каспия в целях обеспечения интересов США, Израиля и их партнеров. Поэтому так важно, в свете новых реалий, России и Ирану по-новому взглянуть друг на друга, понять уроки истории.

Современные российские иранисты уже в начале нынешнего века, проанализировав новые тенденции в иранской внешней политике, отмечали, что на первый план выходят даже не экономические связи, а интересы двух стран в осуществлении региональной политики [7, с. 92; 8, с. 98].

В начале XXI века зафиксировано несколько важных проблем, в решении которых Россия и Иран принимали и принимают ключевое участие. Среди них – проблематика Каспия, атомная тема, вопросы мира и безопасности на Кавказе и в Центральной Азии, в Афганистане, в Ираке и на Ближнем Востоке, участие в процессах региональной интеграции и международных энергетических и транспортных проектах. В 2020 году в связи с нападением Азербайджана и Турции на Нагорно-Карабахскую Республику и переход под контроль Азербайджана 80% территории непризнанной республики, оккупация армией

Азербайджана приграничных территорий Республики Армения, появилась угроза кардинального переформатирования Южного Кавказа не в пользу России и Ирана. Это новая тема в возможном партнерстве РФ и ИРИ.

В постсоветский период для России Кавказ обеспечивает важную связь с Ираном и другими странами Ближнего Востока. Для Ирана Закавказье – это альтернативный маршрут в Европу и в Черное море. Соответственно любая нестабильность или кризис в соседних странах несут в себе потенциальные риски для России и ее безопасности. В постсоветский период в регионе образовалось три признанных (Грузия, Армения, Азербайджан) и столько же непризнанных или частично признанных государств (Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах – Республика Арцах).

В контексте взаимоотношений треугольника Иран – Азербайджан – Россия взгляд из Ирана выглядит следующим образом. Азербайджанцев и иранцев-персов объединяет не только территориальная близость, общая история, но и религия: принадлежность к шиизму², что оказало влияние на формирование схожих нравов и обычаев двух этносов. Это сближает два народа, но многое и разделяет. У азербайджанцев сочетается мусульманско-шиитская ментальность (то, что объединяет с иранцами) и тюркское национальное самосознание (то, что их разделяет) [9, с. 188–189]. Более того, азербайджанское самосознание воспринимает себя как часть турецкой нации.

Отношения двух стран осложняют экономические проблемы, связанные с добычей нефти на шельфовых месторождениях Каспия и ее транспортировкой так же, как и отношение к статусу Каспийского моря/озера. Недавно возникшее государство Азербайджан получило в наследство от СССР почти такую же по протяженности береговую линию, как и Иран, контролировавший с древности большую часть побережья.

У Ирана вызывают беспокойство притязания турецко-азербайджанского тандема (об этом ниже) на весь северо-западный Иран (провинции Восточный и Западный Азербайджан), населенный преимущественно тюркоязычными иранцами. В 1918 году турецкие интервенты так же назвали образованное ими в Восточном Закавказье марионеточное государство с тем, чтобы со временем, объединив эти две части (закавказскую и иранскую), присоединить к Турецкой империи.

Камнем преткновения в отношениях между Ираном и Азербайджаном являются близкие отношения между Баку и Тель-Авивом, с которым у ИРИ непримиримый антагонизм.

Тем не менее, Иран рассматривает Азербайджан как важное логистическое направление, соединяющее его с Россией.

Другой треугольник: Иран – Грузия – Россия не такой проблемный для Ирана, так как между сторонами нет сухопутной границы. На уровне дипломатического этикета звучат слова о добрососедских отношениях Ирана с Грузией. Проблемы во взаимоотношениях этих стран связаны с отношениями России и Грузии. К тому же Тегеран не может устроить стремление Грузии к

² Следует отметить, что за последние десятилетия в Азербайджанской Республике происходит процесс приобщения к суннизму значительных групп населения.

тесному союзу с США. У Ирана вызывает беспокойство и очень серьезная зависимость Грузии от Турции и Азербайджана. Россия и Иран придерживаются общей политики, направленной на недопущение в регион иностранных военных сил. В силу этого Иран и Россию беспокоит возможность членства Грузии в НАТО.

Треугольник Иран – Армения – Россия. По словам ираниста Л.М. Раванди-Фадаи, из всех трех закавказских республик наиболее тесные отношения сложились у мусульманского Ирана с христианской Арменией. Здесь значение имеют не только экономические причины, но и прагматично политические. Иран не присоединился к азербайджано-турецкой блокаде Армении, не прекратив поставки туда нефтепродуктов и других товаров.

Это исторически сложившиеся отношения, уходящие в глубокую древность. Отметим, что даже термин «Армения» (Армина) впервые встречается в Бехистунской надписи около 521 года до н.э. персидского царя Дария I для обозначения персидской сатрапии на территории бывшего царства Урарту. Союзнические отношения с Арменией имеет и Россия. Поэтому взгляды Москвы и Тегерана на отношения с Арменией в определенной мере совпадают [9, с. 189].

Ряд российских иранистов отмечают, что геополитическим интересам России отвечает поддержка Ираном многих внешнеполитических актов российской стороны в Кавказско-Каспийском регионе. Иран не заинтересован в дестабилизации в этом регионе, выражает общую с Россией озабоченность распространением ваххабизма, в том числе на Северном Кавказе, признает за Россией обоснованность ее заинтересованности на Кавказе и в Центральной Азии. В отличие от Турции, Иран ни разу не был заподозрен в какой-либо мере повлиять на радикализацию исламских движений в России. Не только в региональном, но и в глобальном плане, внешнеполитическая линия Ирана направлена на «размывание» однополярного мира, на создание новых центров силы [10, с. 51–63].

В тесной связи с Закавказским направлением во внешней политике России и Ирана находится проблема Каспия.

После распада СССР Россия и Иран лишились общей сухопутной границы, а в Прикаспийском регионе появилось три новых независимых государства: Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. В новой геополитической ситуации существующий международно-правовой статус моря, базирующийся на советско-иранских договоренностях при определенных обстоятельствах, например, согласии всех стран на принцип кондоминиума, мог бы стать надежным фундаментом для выработки Конвенции международно-правового статуса Каспия.

Но у новых независимых государств был другой взгляд на раздел водоема и его ресурсов. Именно поэтому вопрос разделения Каспия и его ресурсов из плоскости юридической перешел в политическую. Это впоследствии и стало главным сдерживающим фактором в процессе определения правового статуса моря. Наиболее непримиримую позицию с самого начала проявил Азербайджан, который в 1994 году подписал «контракт века» по освоению

крупного месторождения Азери-Чираг-Гюнешли с консорциумом западных компаний. В своей Конституции (1996) Азербайджан в одностороннем порядке закрепил за собой «азербайджанский сектор моря». Этот шаг кардинально изменил позиции прикаспийских стран.

Изначально и Россия и Иран стояли на позиции совместного использования моря или равном разделе его богатств. Иран и Туркменистан выступили против одностороннего присвоения недр Азербайджаном. Под влиянием этих действий Азербайджана (их поддержал казахский президент Нурсултан Назарбаев), российское правительство изменило изначальную позицию и предложило принцип – «дно делим, вода общая». К 2003 году Россия, Азербайджан и Казахстан поделили большую часть Каспия и приступили к освоению расположенных там месторождений. В ответ Иран предложил разделить море по принципу равных долей, то есть по 20% каждой из стран. В таком случае национальный сектор Ирана был бы больше, нежели при разделе по срединной линии.

В начале декабря 2017 года в Москве встретились главы внешнеполитических ведомств пяти государств. По итогам встречи глава МИД РФ Сергей Лавров заявил, что стороны договорились по всем остававшимся вопросам о статусе Каспия. Согласие Ирана и Туркмении на раздел моря по срединной линии позволило решить и остальные вопросы. Проект конвенции о правовом статусе моря 22 июня 2018 года одобрило правительство России [11, с. 36–41]. Однако до настоящего времени проект не подписан всеми участниками.

Как ни в каком другом вопросе, события в Сирии стали побудительным мотивом для сближения Ирана с Россией.

Россия, не без участия Ирана, поддержала территориальную целостность Сирии и официальные власти сирийского президента Башара Хафез аль-Асада. Спасая Сирию от военного вторжения, Россия и Иран фактически стали стратегическими партнерами в регионе.

Стратегическое партнерство двух стран кажется естественным, однако на уровне двусторонних отношений ощущается дефицит доверия и ограничения для сотрудничества в условиях международных санкций против ИРИ, отмечают авторы аналитического исследования «Современные российско-иранские отношения: вызовы и возможности» [12, с. 38].

Следует отметить, что в российском истеблишменте нет единой точки зрения на перспективу российско-иранского стратегического партнерства. Взгляды на эту перспективу колеблются: от необходимости более тесного экономического и военно-политического сотрудничества в Ближневосточном-Каспийском-Центральноазиатском регионе, до отношений только лишь в сфере торгово-экономического взаимодействия. Сторонники второй линии, желая того или нет, делают ставку на партнерство с Турцией, стратегия которой направлена на реализацию пантюркистских целей, в равной степени представляющие субстанциональную опасность как для России, так и для Ирана и Китая.

В России среди сторонников сближения с Турцией преобладают ангажированные группы, видящие будущее России в рамках большого Евразийского проекта, где не Россия будет доминирующим элементом, а Турция. Проще говоря, по планам модераторов этого проекта (в их числе и Нурсултан Назарбаев), России уготована судьба раствориться в указанном конгломерате. Как он будет называться: Туран, Туркестан или Орда, уже не имеет значение.

Внешиполитические проекты Ирана в Каспийско-Кавказском и Центральноазиатском регионах не только не противоречат интересам России и объективно создают для двух стран «пояс безопасности», а это самая главная проблема для России – огромной по территории страны с 145 миллионным населением.

Руководству как России, так и Ирана предстоит сделать выбор: или сохранить параллельное позиционирование России и Ирана по ключевым проблемам международной безопасности в регионе, или создать совместную долговременную основу полномасштабного стратегического сотрудничества. В сентябре 2013 г. иранский президент Хасан Роухани предложил В.В. Путину проводить более интенсивные двусторонние консультации по региональным вопросам, в том числе в Каспийском регионе и на Ближнем Востоке [12, с. 37–39].

Выше отмечался еще один важный аспект, обуславливающий необходимость стратегического партнерства двух государств. Он не афишируется, чтобы не нарушить хрупкий баланс интересов, несомненно, носящий временный характер, сложившийся в Ближневосточно-Кавказском регионе между Россией и Турцией – членом НАТО. По мнению не ангажированных Турцией исследователей, никакого «баланса интересов» между двумя державами никогда в прошлом не было. Интересы Турции не замыкаются Ближневосточным регионом. Они простираются от Средиземноморья до Тихого океана. Проекты «Великого Турана», еще недавно для некоторых политологов казавшиеся фантастикой, в настоящее время, буквально на «наших глазах», активно материализуются.

Пантюркизм является старой идеологией, которая вновь расцвела на обломках Советского Союза. Идеологи этого направления считают тюрков «единой нацией», которая расселена от Китая и Центральной Азии до Поволжья и Балкан. Младотурки³ рассуждают, что «тюркская нация» – это отуречивание тюркских народов, проживающих на территориях в том числе Туркестана, Закавказья, Северного Кавказа, Поволжья и Крыма.

Распад СССР дал старт возрождению пантюркизма на постсоветских территориях. С 1990-х годов Турция ведет активную работу не только в

³ Турецкая националистическая партия, в 1908 году свергнувшая султана Абдул-Гамида II. В 1914 году власть в Турции фактически сосредоточилась в руках младотурецких лидеров во главе с Энвером-пашой, Талаатом-пашой и Джемалем-пашой. Этот «триумвират» в 1914 году вовлек Турцию в Первую мировую на стороне Германии и Австро-Венгрии, организовал геноцид армян и других христианских народов. После поражения Турции в войне они потеряли власть. После победы Ататюрка большинство младотурок активно поддерживали деятельность кемалистской Народно-республиканской партии (Cumhuriyet Halk Partisi).

тюркских государствах СНГ, но и в «тюркских регионах» России⁴. Это выражается в интенсивном экономическом сотрудничестве, культурных связях, туризме, пропаганде, образовательных проектах, миссионерской работе. Проект «Великий Туран» является альтернативой Евразийскому союзу, принципиальная разница этой формы интеграции в том, что Россия уступит свое место Турции.

Ввиду слабости России в 90-х годах прошлого века, элиты некоторых постсоветских республик очень быстро стали переориентироваться на интеграцию с Турцией. Первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, который раньше отчетливо ассоциировался с «евразийскими настроениями», в 2012 году, выступая в Стамбуле, призвал объединить усилия тюрков. Он процитировал Кемаля Ататюрка, верившего, что «придет время, когда тюрки объединятся». Казахский лидер насчитал между Алтаем и Средиземным морем свыше 200 млн. братьев, которые в случае объединения могли бы стать «очень эффективной силой в мире». В 2013 году он же предложил включить Турцию в Таможенный союз, в котором русские станут меньшинством по сравнению «тюркской нацией», якобы насчитывающей более 200 миллионов человек [13].

В 2017 году, вслед за Азербайджаном, Туркменией и Узбекистаном, президент Казахстана принял решение о переводе страны на латинский алфавит, что подается казахскими чиновниками как сближение с Турцией. Все это делается в русле развития пантюркизма. Идеология была оформлена на рубеже XIX–XX веков как процесс культурного и политического сближения тюркских народов в рамках «Большого Турана». Однако распад Советского Союза дал старт возрождению пантюркизма на постсоветских территориях. С 1990-х годов Турция ведет активную работу не только в тюркских государствах СНГ, но и в «тюркских регионах» Российской Федерации. Это выражается в экономическом сотрудничестве, культурных связях, пропаганде, образовательных проектах, миссионерской работе.

Турция во главе с президентом Эрдоганом строит не «новую Османскую империю» (такое мнение утвердилось в политологической литературе), а «Великий Туран» с метрополией в виде «новой Османской империи». В предполагаемый «Великий Туран», помимо самой Турции, должны войти Азербайджан, все тюркские республики Центральной Азии, а также Монголия, Синцзян-Уйгурский автономный район Китая и тюркские автономии РФ [13]. Первым шагом по практическому воплощению «Великого Турана» стало провозглашение президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым лозунга: «Два государства – одна нация» [14]. Через несколько лет этот стратегический план был заменен на лозунг: «Пять государств – одна нация». Несомненно, что в недалеком будущем планируется многократно увеличить число «субъектов» одной нации.

⁴ В числе крупнейших тюркских народов РФ, кроме миллионов дисперсных тюркских этносов (азербайджанцев, казахов, узбеков, туркменов, киргизов, турок): татары (5,3 млн., перепись 2010 г.), башкиры (1,7 млн.), чувашаи (1,5 млн.), якуты (500 тыс.), кумыки (520 тыс.), карачаевцы (346 тыс.), тувинцы (327 тыс.), крымские татары (232 тыс.), балкарцы (182 тыс.), ногайцы (125 тыс.), алтайцы (80 тыс.), хакасы (75 тыс.) и др.

Как известно, в начале XX века геноцид армянского народа, учиненный правительством партии младотурок, как раз преследовал цель уничтожить т.н. «армянский клин», разделявший османских турок от их собратьев на Севере Ирана, Восточном Закавказье и Северном Кавказе. Этот план оказался незавершенным, так как на части территории Восточной (русской) Армении образовалась союзная республика. Однако после распада СССР таковыми препятствиями стали не только Республика Армения, но и Нагорно-Карабахская Республика (НКР). В результате совместных действий Азербайджана и Турции с привлечением сил международных исламских террористов в 44-дневной войне было захвачено 80% территории НКР. Одновременно турецко-азербайджанский тандем предъявил Армении ультиматум об открытии так называемого «коридора» через территорию Армении, соединяющего Азербайджан и Турцию и тем самым соединяющего через Каспийское море все тюркские государства: Турцию, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и Туркмению...

Россия и Иран воздержались от помощи Армении и НКР, опасаясь оказаться в еще большей изоляции. Это было воспринято Турцией как сигнал к созданию, по сути, тюркской федерации, или конфедерации. Осенью 2021 года на VIII саммите глав тюркских государств созданный в 2009 году по инициативе Назарбаева Тюркский Совет был реорганизован в «Организацию тюркских государств» [15].

На саммите, по предложению турецкого президента Реджепа Тайипа Эрдогана, азербайджанский руководитель Ильхам Алиев был награжден Советом глав государств «Высшим орденом Тюркского Мира», как было сказано Эрдоганом, «в знак признания исторической победы, обеспечившей освобождение территорий Азербайджанской Республики и восстановление ее территориальной целостности, что в значительной степени способствовало тюркскому единству...» [16].

Организация Тюркского союза является новым геополитическим вызовом, брошенным России и Ирану в начале третьего десятилетия XXI века. Более того, он несет настоящую экзистенциальную угрозу двум государствам, еще не до конца осмысленную российскими политиками. Это событие, настоятельно требует объединить усилия России и Ирана для создания бастиона, могущего воспрепятствовать реализации губительного для этих держав проекта. А это уже основа для российско-иранского стратегического союза.

Список источников и литературы

1. Spencer C. Tucker. A Global Chronology of Conflict: From the Ancient World to the Modern Middle East Volume I: ca. 3000. ABC-Clio, 2011. 500 с. [Электр. ресурс]. Режим доступа: https://litgu.ru/knigi/military_history/286092-a-global-chronology-of-conflict-from-the-ancient-world-to-the-modern-middle-east-volume-i-ca-3000-bce-1499-ce.html (дата обращения: 17.12.2021).
2. Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. 470 с.

3. Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией. [Электр. ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/46893> (дата обращения: 17.12.2021).
4. Манучихри А. Политическая система Ирана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 240 с.
5. Письмо аятоллы Хомейни. [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://diletant.media/articles/34484162/> (дата обращения: 17.12.2021).
6. «Разочарован Горбачевым»: отчего Хомейни обиделся на СССР. [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://imperhans.ru/razocharovann-gorbachevum-rochemu-xomejni-obidelsya-na-sssr/> (дата обращения: 17.12.2021).
7. Цуканов В.П. О некоторых факторах формирования российско-иранского товарооборота // Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск девятый). М., 2000. 384 с.
8. Арунова М.Р. Российско-иранские отношения: диалог и сотрудничество (1999–2001) // Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. М., 2001. 268 с.
9. Раванди-Фадаи Л.М. Некоторые аспекты политики России и Ирана в Закавказье // Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. 260 с.
10. Мамедова Н.М. Сотрудничество России и Ирана: соотношение экономических и геополитических интересов // Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. 260 с.
11. Потоцкая Т.И. Правовой статус Каспийского моря: экономико-географические аспекты // Россия и Азия. № 4 (13), 2020. С. 36-41.
12. Современные российско-иранские отношения: вызовы и возможности: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига, 2014. 72 с.
13. Нестеров П. Геополитический проект «Великого Турана». [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://anna-news.info/geopoliticheskij-proekt-velikogo-turana/> (дата обращения: 17.12.2021).
14. Одна нация – два государства. [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/> (дата обращения: 17.12.2019).
15. Горохов А. «Великий Туран от Средиземного моря до моря Лаптевых». [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://zvezdaweekly.ru/news/202111251031-s9FR5.html> (дата обращения: 17.12.2021).
16. В Стамбуле состоялся Восьмой саммит Организации тюркских государств. [Электр. ресурс]. Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.65b62ab7-61d57b0e-45c87071-74722d776562/https/www.turkkon.org/en/haberler/eighth-summit-of-the-organization-of-turkic-states-was-held-in-istanbul_2394 (дата обращения: 17.12.2021).

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИСТСКОГО ОПЫТА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ УСТОЙЧИВОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

Королева О. В.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
korolevaov@mail.ru

Опыт туриста и устойчивый туризм неразрывно взаимосвязаны. Автор статьи определяет роль устойчивого туризма в повышении ценности культурного опыта туриста. В настоящей статье рассматриваются практики и перспективы формирования культурного туристского опыта в российских регионах с учетом сдвига туристической индустрии в направлении развития устойчивости. Установлено, туристский опыт, формируемый через взаимодействие с культурной средой, осознанность туриста, новые подходы к содержанию туристской деятельности, не только продуцирует более глубокую эмоциональную привязанность и лояльность потребителей, но и повышает устойчивость самой дестинации.

Ключевые слова: устойчивый туризм; туризм в России; устойчивость туристской территории; культурный туризм; культурный туристский опыт.

FORMING CULTURAL TOURISM EXPERIENCE IN THE CONTEXT OF DEVELOPING SUSTAINABLE RUSSIAN TOURISM

The tourism experience and sustainable tourism are inextricably linked. The author of the article defines the role of sustainable tourism in enhancing the value of the cultural tourist's experience. This article examines the practices and prospects for forming cultural tourism experience in Russian regions, taking into account the shift in the tourism industry towards the development of sustainability. Tourism experience, formed through interaction with the cultural environment, tourist awareness, new approaches to the content of tourist activities, not only produces deeper emotional attachment and consumer loyalty, but also increases the stability of the destination itself.

Key words: sustainable tourism; tourism in Russia; the stability of the tourist area; cultural tourism; cultural tourism experience.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 оказала влияние на все сферы жизнедеятельности человека, в том числе туризм. Эффекты этого воздействия придется учитывать не только в ближайшие годы, но и в долгосрочной перспективе. В текущей ситуации, характеризующейся высокой степенью неопределённости, разрушением привычных паттернов и утратой взаимосвязей, всё более важным фактором, определяющим потребительский выбор, являются ориентация на его ценности и учёт обстоятельств, в которых он пребывает [1]. У людей появились новые эмоциональные потребности такие как возвращение уверенности, проактивность, интерес к путешествиям как к форме самоактуализации и личностной трансформации. Кроме того, определяющим фактором спроса становится доступность экологических и социально ответственных туристских услуг и продуктов.

Исследования Booking.com подтверждает то, что на выбор места отдыха туристом все большее влияние стали оказывать этика, моральные ценности, забота об окружающей среде и ее экосистемах, желание оказать положительное влияние на местные сообщества, а также получить впечатление от погружения в «другую» культуру. Для 84% опрошенных путешественников повышение уровня понимания культуры и сохранение культурного наследия являются важными аспектами представлений об устойчивом путешествии [2]. Развитие устойчивого туризма, учитывающего свои текущие и будущие экономические, социальные и экологические последствия, удовлетворяя потребности туристов, туристской индустрии, окружающей среды и принимающих сообществ, соответствует глобальной трансформации современного туристского рынка и является его неотъемлемой частью [3].

В настоящей статье рассматриваются практики и перспективы формирования культурного туристского опыта в российских регионах с учетом обозначенных выше тенденций, отражающих сдвиг туристской индустрии в направлении развития устойчивости и работы с потребностями и ценностями туристов.

Сравнительно недавно зарубежные исследователи стали изучать устойчивый опыт туриста как конкурентное преимущество территории. В западных исследованиях «устойчивый туристский опыт» определяется как «опыт, вызывающий глубокие, значимые эмоции и воспоминания, которые могут стимулировать вклад туристов в устойчивость дестинации» [4]. Одним из аспектов (измерений) устойчивого опыта является качество взаимодействия туриста с культурной средой. Устойчивый культурный туризм требует комплексного управления культурным наследием и туристской деятельностью при участии местного сообщества, что создает социальные, экологические и экономические выгоды для всех заинтересованных сторон и способствует сохранности культурной среды [4]. В долгосрочной перспективе он будет формировать осознанное и ответственное поведение туристов и их лояльность к «другой» культуре.

Запрос на новый культурный опыт: приобретение новых навыков, аутентичный опыт общения с местными жителями, волонтерство как часть путешествия, как нельзя лучше соответствует критериям Глобального совета по устойчивому туризму (GSTC), разработанным в целях обеспечения общего понимания устойчивого туризма. Интерпретация «другой» культуры требует уважительного отношения и происходит путем вовлечения туриста и доставка пользы местным сообществам, что обеспечивает посетителям аутентичный опыт и впечатления [5]. Опыт, как специфическое интерпретационное знание, рождается в процессе формирования отношения туриста к культурному наследию дестинации. Чем больше он вовлекается в процесс сотворчества, затрачивая свои временные и физические ресурсы, тем больше вероятность получения им значимого опыта и осознания его ценности. Под ценностью здесь понимается индивидуальное удовольствие, получаемое от интерпретации турпродукта и дестинации в целом. Значимым является опыт, который может иметь трансформирующий эффект и стимулировать новое и более глубокое

миропонимание, устойчивое изменение личности путешественника. Наблюдается рост спроса на путешествия, погружающие туриста в более глубокие переживания и формирующие опыт, способный изменить внутренний мир и взгляды на жизнь.

В Российской Федерации культурный туризм рассматривается стратегическим направлением туристской деятельности, что отвечает современным трендам развития устойчивости туризма. «Стамбульская декларация по туризму и культуре: на благо всех», принятая 3-5 декабря 2018 г. на третьей Всемирной конференции ЮНВТО/ЮНЕСКО по туризму и культуре, провозглашает дальнейшее содействие реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, в том числе развитию культурного туризма в интересах устойчивости и творческого развития городов и усилению роли ответственного туризма в содействии охране нематериального культурного наследия [6]. Объекты и явления культуры способствуют чувственному восприятию территории и в полной мере могут удовлетворить потребности туриста, путешественника в поисках впечатлений, эстетических переживаний и уникального опыта.

Некоторые российские регионы уже сделали ставку на обеспечение туристов аутентичным локальным опытом. Показательным в этом направлении является опыт компании «Глухомань Go» [7], которая создает авторские маршруты по российской глубинке. Соавторами туристских маршрутов стали местные «звезды»: художники, керамисты, реставраторы, фермеры и люди, увлечённые историей родного города, что делает путешествия неповторимыми и по-настоящему ценными. Например, в Рязани туристов ожидает экскурсия по наличниковому наследию от местного жителя, автора проекта «Nalichniki», который проведёт их «закоулочками, сохранившими сквозь время свою деревянную резную самобытность» и покажет самый длинный в России дом с наличниками [7]. В Торжке туристы знакомятся с девушками – золотошвеями, которые рассказывают об этом древнем ремесле, а также сами вышивают себе личный вензель на память.

На сайте компании «Глухомань Go» такие туры позиционируются как «самые прогрессивные маршруты выходного дня», нацеленные на глубокое погружение, поскольку в программы «вшиты» уникальные элементы и объекты, которые невозможно посетить или увидеть самостоятельно. Например, в городе Зарайск Московской области туристы могут узнать, почему прах матери Достоевского хранится в местном Иоанно-Предтеченском соборе, забираются на старинную псевдоготическую водонапорную башню, участвуют в экскурсии по городу с историческим призовым фото-квестом. В селе Поповка Саратовской области туристы посещают уникальный частный музей крестьянской живописи «Дом со львом», расписанному от пола до потолка в начале XX века, а местные жители рассказывают им историю создания музея.

Формирование устойчивого культурного опыта через взаимодействие туриста с культурной средой места временного пребывания требует от территорий более осознанного подхода и переосмысления своей деятельности на рынке туризма. С учетом того, что туристы стали путешествовать с целью

поиска опыта с более глубоким эмоциональным откликом и смыслом, существует необходимость в концептуальных программах, позволяющих туристским территориям осознать себя в качестве агентов трансформации. Именно эту цель преследовало Агентство стратегических инициатив, которое при поддержке Федерального агентства по туризму, Министерства экономического развития РФ, Министерства природных ресурсов и экологии РФ и Министерства культуры Российской Федерации организовало Всероссийский проект «Открой свою Россию», направленный на развитие внутреннего туризма путем проектирования актуальных и конкурентоспособных туристских маршрутов по России с учетом природных и культурных особенностей регионов, обычаев и истории многонациональной страны.

Проанализировав программы туристских маршрутов, участвовавших в конкурсе и победивших по итогам народного и экспертного голосования, можно сделать вывод, что в число лидеров попали маршруты, предлагающие отклониться от основных экскурсионных путей и открыть для себя малоизвестную сторону жизни периферийных регионов, не заслуженно обделенных вниманием туристов, а также представляющие возможность увидеть местных жителей за их повседневными делами. Создатели этих туров, так называемые «продюсеры впечатлений», предлагают туристам получить совершенно новый опыт и призывают их не торопиться, а вдумчиво, неторопливо пройти маршрут, почувствовав дух и динамику места.

Например, маршрут «Сакральная Хакассия» включает посещение необычных природных и археологических объектов с особым энергетическим притяжением и мистическим характером. Программа предусматривает возможность погрузиться в медитативные практики, встречу с шаманом и знакомство с традициями местного населения, поклоняющегося каменным идолам. Ожидаемый эффект от путешествия – постижение многовековой мудрости, что требует душевной концентрации, поэтому для компенсации душевных сил на маршруте имеются умеренные физические нагрузки: пеший подъем на горы Тепсей и Сундуки, поход по Тропе Предков и лестнице к петроглифам [8].

В рамках другого маршрута, «Горная Шория. К детям тайги», туристы знакомятся с артефактами, читают записки отшельницы из семьи старообрядцев-беспоповцев Агафьи Лыковой, играют в национальные игры, узнают легенды от шорцев, историю древних торговых путей и золотой лихорадки, вместе с шаманом проходят через обряд благопожелания, учатся творить по-шорски вместе с художником и поэтом Любовью Арбачаковой [8]. Результатом погружение туриста в инокультурную среду посредством знакомства с культурными обычаями, ценностями и мировоззрением коренного народа является перспективная трансформация туриста. Североамериканские ученые – биорегионалисты признают важность познания подлинного опыта коренных народов для перспективной трансформации туристов. Наблюдая их уважительное отношение к природной среде, частью которой они себя осознают, путешественники начинают пересматривать личные предустановки,

основанные на предыдущем опыте и знании. Самая глубокая и сильная привязанность между человеком и природой порождает «духовный» опыт, в котором люди ощущают себя частью более широкой реальности, что придает смысл их собственной жизни [9, p. 549.].

По результатам исследований Booking.com, около трети опрошенных туристов заявили о своей готовности посетить менее посещаемые места и сообщества, чтобы внести свой вклад в решение проблемы овертуризма в популярных дестинациях [10]. Эксперты прогнозируют в долгосрочной перспективе развитие феномена «вторых» городов, когда путешественники будут делать выбор не в пользу столиц стран или самых популярных дестинаций, в которых они столкнутся с большим потоком туристов, а в пользу менее крупных городов, которые станут драйвером развития новых направлений туризма. Эту тенденцию в изменениях предпочтений иностранных и отечественных туристов в выборе туристского направления необходимо взять на вооружение российскому турбизнесу.

Исследование, проведенное Всероссийским центром изучения общественного мнения и Центром развития региональной политики, выявило, что за последние пять лет число путешественников по России увеличилось незначительно, за исключением роста объема продаж на традиционных курортных направлениях. По данным Ростуризма, только Москва и Подмосковье, Краснодарский край, Санкт-Петербург и Крым имеют показатели, выходящие за пределы 10 млн туристов в год. «Терра инкогнито» остаются более 90% всей остальной части страны. Для территорий, обладающих несомненным туристским потенциалом (например, Алтай, Камчатка, Карелия) количество туристов не превышает 2 млн человек [11].

Говоря о потребностях западных туристов в том числе с рынков, которые являются наиболее перспективными с точки зрения увеличения турпотока в Россию, необходимо учитывать их интерес к аутентичным локациям, а также желание ездить в осмысленные поездки по регионам с перспективой получить новые впечатления и опыт. В России уже существуют турпродукты, прошедшие проверку качества и полностью адаптированные к приему иностранных гостей благодаря усилиям экспертов Ассоциации туроператоров России (АТОР) и Ростуризма – это национальные (брендовые) маршруты.

Ключевая задача национальных маршрутов, развитие которых предусмотрено национальным проектом «Туризм и гостеприимство» - увеличение турпотока в регионы за счет предоставления туристу качественно нового турпродукта, соответствующего потребностям современного туриста. Например, программа 3-х-дневного маршрута «Ярославия - страна городов» включает не только знакомство с музеями и храмами, пешие экскурсии по Рыбинску, Ярославлю и Тутаеву, но и знакомство с новыми объектами туризма, в числе которые музей ожившей истории в Тутаеве, выставка «Неизвестная Молога – затопленная Атлантида» в Рыбинске и др. Путешествуя по маршруту «Немцы Поволжья» в Саратовской области, туристы посещают три города - Саратов, Энгельс, Маркс, где знакомятся с католическими и лютеранскими кирхами, особняками немецких купцов, действующими пекарнями, музеями с

интерактивными экспозициями, а также пробуют арбузный мед, приготовленный по рецептам немцев Поволжья [12].

Создание круглогодичных туров позволяет уменьшить влияние фактора сезонности. Также они стимулируют участие местного населения в различных программах и инициативах по предоставлению туристских услуг. Так, круглогодичный маршрут «НеобыЧАЙные истории земли Пермской» не только рассказывает о пермских купцах, познакомивших Россию с чаем, поставки которого шли из Китая, но и включает различные мастер-классы, например, приготовление фирменных кунгурских пряников [13]. Внимание и интерес туристов к периферийным районам страны способствуют возрождению обычаев и традиций, которые являются основой создания дополнительных культурных туристских предложений и впечатлений. Все эти качественные характеристики национальных маршрутов отвечают принципам устойчивого развития регионов.

Подводя итог вышесказанному следует отметить, что в последние годы, пожалуй, самым часто упоминаемым словосочетанием стало устойчивое развитие (sustainability), при котором на первый план выходят экологические и этические вопросы. Несмотря на то, что позитивное воздействие индустрии туризма на экономику не подлежит сомнению, однако необходимо также учитывать негативное влияние на природную и культурную среду. Концепция устойчивого туризма предполагает развитие этой сферы деятельности с одновременным планированием устранения негативных последствий, для чего необходим комплекс мер, которые изменят бизнес-модели и поведенческие паттерны потребителей туристских услуг.

Сегодня происходит переосмысление роли, которую культура играет в создании туристского опыта. Для многих туристов повышение уровня понимания «другой» культуры и сохранение культурного наследия является важным аспектом их представлений об устойчивом путешествии, к совершению которого они стремятся. Возрастающий рост потребительского интереса к устойчивым туристским практикам диктует российским территориям определенные правила поведения на туристском рынке. Для достижения устойчивости российские территории должны предлагать туристские продукты с акцентом на особых свойствах пользовательского опыта, таких как осознанность, аутентичность, индивидуальность, интерактивность, эффективность, получению аутентичного культурного опыта. В такой работе решается вопрос всесезонности, создается устойчивый и стабильный спрос на посещение территорий.

Российские регионы все активнее включаются в борьбу за туриста. Диапазон предлагаемых туристских программ варьируется от маятниковых экскурсий одного дня до двух-трехдневных туров, призванных побороть негативные стереотипные представления о регионах как об «однообразных», «скучных» и «не интересных». Важно отметить, что приоритетным в дизайне культурного опыта туриста является вопрос формирования впечатлений, достижения глубокого эмоционального отклика и смысла, соответствующих индивидуальным потребностям, мотивациям и выгодам туристов, что, в свою

очередь, обеспечит долгосрочные преимущества туристских территорий на рынке. Поскольку содержание опыта индивидуально для каждого человека и определяется его ценностями, страстями и стремлениями, турист должен быть вовлеченным в процесс дизайна опыта. Активное и ответственное взаимодействие туристов с местными жителями и культурной средой направлено на получение качественно нового опыта. Вовлечение туриста в процесс ознакомления и получение активных впечатлений обогащают чувственный опыт туриста, формируют его толерантность к «другой» культуре, что является неотъемлемым условием развития культурной устойчивости туристской территории.

Список источников и литературы

1. Роль культуры в глобальном кризисе: как идентичность и ценности формируют поведение. Исследование // Фонд Росконгресс. 21.08.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://roscongress.org/materials/rol-kultury-v-globalnom-krizise-kak-identichnost-i-tsennosti-formiruyut-povedenie/> (дата обращения 27.03.2021)
2. Go Local & Support Communities, Culture and Heritage with Your Next Trip. Текст: электронный // Booking.com: [сайт]. – Amsterdam, 08 July 2021. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globalnews.booking.com/go-local-supporting-communities-culture-and-heritage-with-your-next-trip/> (дата обращения: 30.08.2021).
3. Sustainable Development // UNWTO: [сайт]. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unwto.org/sustainable-development> (дата обращения 20.10 2021)
4. Breiby, M. A., Duedahl, E., Øian, H., & Ericsson, B. Exploring sustainable experiences in tourism // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism, 2020. 20(4). P. 335–351. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/15022250.2020.1748706> (дата обращения: 10.10 2021)
5. Критерии для дестинаций. Версия 2.0 // Глобальный совет по устойчивому туризму, 2019. - [сайт]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gstcouncil.org/wp-content/uploads/GSTC-Destination-Criteria-v2.0-RUSSIAN.pdf> (дата обращения: 25.10.2021).
6. Стамбульская декларация по туризму и культуре: на благо всех [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://webunwto.s3-eu-west-1.amazonaws.com/imported_images/50679/unwto_unesco_istanbul_declaration_30.1.19_ru.pdf (дата обращения 05.01.2021)
7. ГлухоманьGO. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gluhoman-go.ru/turi> (дата обращения 25.11.2021)
8. Всероссийский проект по проектированию концептуальных туристических маршрутов «Открой свою Россию». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zagorizont.me/> (дата обращения 25.11.2021)
9. Curtin S., Kragh G. Wildlife Tourism: Reconnecting People with Nature // Human Dimensions of Wildlife. 2014, Vol. 19, Issue 6. P. 545-554. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/10871209.2014.921957> (дата обращения 10.07.2021)

10. Go Local & Support Communities, Culture and Heritage with Your Next Trip. Текст: электронный // Booking.com: [сайт]. – Amsterdam, 08 July 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globalnews.booking.com/go-local-supporting-communities-culture-and-heritage-with-your-next-trip/> (дата обращения: 30.08.2021).

11. Внутренний туризм: курс на расширение! // Сетевое издание ВЦИОМ. 29.01.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vnutrennij-turizm-kurs-na-rasshirenje> (дата обращения 25.11.2021)

12. Иностранцев привлекут в регионы России национальными маршрутами // Ассоциация туроператоров. 11.11.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/57606.html> (дата обращения 25.11.2021)

13. Четыре туристских маршрута получили статус национальных // Федеральное агентство по туризму. 19.11.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tourism.gov.ru/news/17903/> (дата обращения 30.11.2021)

УДК 340.12

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОГО АСПЕКТА И ПРАВА

Чолахян А.В.

Саратовская государственная юридическая академия
arsen.cholakhyan@yandex.ru

В статье проведен анализ религиозно-нравственных оснований российского права. Представлены правовые аспекты соотношения права, религии и морали права в современном российском обществе. Правовое признание некоторых моральных и нравственных норм, особенно касающихся прав и свобод личности, выступает необходимым условием для нормального существования и развития общества и государства в целом.

Ключевые слова: право, религия, мораль, религиозные организации, Конституция РФ.

PROBLEMS OF INTERRELATION OF THE RELIGIOUS AND MORAL ASPECT AND LAW

The article analyzes the religious and moral foundations of Russian law. The legal aspects of the correlation of law, religion and the morality of law in modern Russian society are presented. The legal recognition of certain moral and moral norms, especially concerning the rights and freedoms of the individual, is a necessary condition for the normal existence and development of society and the state as a whole.

Key words: law, religion, morality, religious organizations, the Constitution of the Russian Federation.

Право, политика и мораль – важнейшие элементы человеческой культуры, выступающие в тесном взаимодействии, характер которого

определяется конкретно-историческими условиями и социально-классовой структурой общества. Такое взаимодействие объективно обусловлено тем, что генезис и реальное бытие права, политики, как формы проявления права и морали, определяются едиными сферами общественных отношений, в которых раскрывается сложная связь данных явлений.

В отечественной философии, общественной мысли и юриспруденции проблема соотношения права и нравственности приобрела мировоззренческую остроту в XIX – начале XX вв. и сохранила актуальность в наши дни. Правовое признание некоторых моральных и нравственных норм, особенно касающихся прав и свобод личности, выступает необходимым для нормального существования и развития общества и государства в целом. Отсюда становится очевидным, что нормы морали и нравственности находят свое непосредственное отражение в российском законодательстве. В частности, в конституционном, гражданском, семейном, трудовом, уголовном праве. Особое значение данной проблемы связано, прежде всего, с признанием основных прав человека, которые нашли конституционное закрепление – человек, его права и свободы – высшая ценность, они охраняются государством.

Религия – особый тип духовно-практической деятельности, представляющий собой неразрывное единство мировоззренческой установки, переживания, действия и основывающийся на вере в священное. Рассматривая понятие «религия», необходимо указать, что ни Конституция РФ, ни федеральное законодательство не раскрывают содержание обозначенного термина. Однако, заметим, что в законодательстве субъектов Федерации нашло отражение сущностного смысла религии. Так, например, в ст. 1 Закона Республики Тыва от 01.04.1995 г. № 253 «О свободе совести и религиозных организациях» определено, что под религией следует понимать форму общественного сознания, систему мистических представлений, покоящихся на вере в сверхъестественные силы и существа, которые являются предметом поклонения [1].

Иное понимание религии раскрыто в Законе Республики Бурятия от 23.12.1997 г. № 610-1 «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия», под которой законодатель предлагает понимать исторически обусловленную форму общественного сознания, являющуюся совокупностью представлений и культовой практики, основанную на вере в действительные и сверхъестественные силы и существа, которые являются объектом поклонения [2, с. 24].

По нашему мнению, необходимо законодательное закрепление понятия «религия» в федеральном законодательстве по той причине, что Конституция РФ гарантирует каждому человеку и гражданину право на свободу религии. В виду сказанного, целесообразно внести дополнение в ФЗ от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в ст. 1: «... религия – форма общественного сознания, представляющая собой систему представлений общности и культовой практики, в основу которой положена вера в действительные и сверхъестественные силы, являющиеся объектом поклонения...» [3].

Рассмотрев понятие «религия», необходимо изучить содержание термина «религиозная организация». Определение религиозной организации дано в ст. 123.26 ГК РФ [4]. и ст. 8 ФЗ от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». В соответствии с названными нормативно-правовыми актами, религиозная организация есть добровольное объединение российских граждан, других лиц, проживающих на территории российского государства, целью которого является совместное исповедание и распространение веры [5].

Обратим внимание, что религиозная организация является юридическим лицом, исходя из чего, следует, что указанный тип организации должен быть зарегистрирован в соответствии с ФЗ от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [6].

Характерными признаками религиозной организации, как некоммерческой унитарной организации, являются:

во-первых, отсутствие членства;

во-вторых, добровольность объединения физических лиц в целях создания религиозной организации;

в-третьих, целью создания религиозной организации является совместное исповедание и распространение веры;

в-четвертых, не преследуется цель получения прибыли.

Обратим внимание, что п. п. 2-4 ст. 8 ФЗ от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» определен перечень видов религиозных организаций, к числу которых относятся [7]:

- местная религиозная организация – организация, состоящая не менее чем из десяти участников, достигших восемнадцатилетнего возраста, постоянно проживающих в одной местности либо в одном городском, сельском поселении. Рассмотрим судебную практику. Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы г. Белгорода состоит из 17 совершеннолетних участников. Суд, рассматривая документы организации, постановил, что нарушений в создании и организации религиозной организации не установлено [8]. Местная религиозная организация «Чебоксарская община Новоапостольской церкви» не выполняет цели, ради которых была создана; не проводятся богослужения; в Организации отсутствуют участники. На основании выявленных нарушений российского законодательства судом было принято решение о ликвидации организации [9];

- централизованная религиозная организация, представляющая собой организацию, состоящую, в соответствии со своим уставом, не менее чем из трех местных религиозных организаций. Рассмотрим пример судебной практики. В результате проверки религиозной организации Казыятского управления мусульман Приморского края, было выявлено нарушение требования п. 4 ст. 8 ФЗ от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», заключающееся в том, что в состав централизованной религиозной организации входит только две местных религиозных организации (нарушение количественного признака). Законом предусмотрено условие создания централизованной

религиозной организации, заключающееся в том, что в состав такой организации должно входить от трех и более местных религиозных организаций [10].

В соответствии со ст. 123.27 ГК РФ, устав религиозной организации утверждается ее учредителями или централизованной религиозной организацией, если она выступает учредителем [11]. Несмотря на то, что религиозная организация не имеет членства, ее учредители могут, в силу положений устава, внутренних установлений, выполнять функции органа управления или членов коллегиального органа управления религиозной организации.

Статья 123.27 ГК РФ устанавливает имущественные права религиозной организации. Так, указанный вид некоммерческой унитарной организации является собственником принадлежащего ему имуществу, имущества, переданного учредителями, приобретенного или созданного им за счет собственных средств, пожертвованного религиозной организации или приобретенного им по иным основаниям [12]. По общему правилу религиозная организация отвечает по обязательствам всем своим имуществом, кроме имущества богослужебного назначения. Религиозная организация и учредители не ответственны по обязательствам друг друга.

Характерными признаками религиозной организации как юридического лица являются:

- законность образования религиозной организации. В рассматриваемом случае следует говорить о том, что образование организации не может противоречить нормам российского гражданского законодательства, а именно нормам гл. 4 ГК РФ [13], положениям ФЗ от 08.08.2001 г. № 12-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [14]. Обратим внимание, что при образовании религиозной организации должен быть сохранен порядок ее образования, который регламентирован Законом о государственной регистрации юридических лиц;

- способность религиозной организации участвовать от своего имени в гражданских правоотношениях, перечень которых детализирован в ГК РФ;

- самостоятельная имущественная ответственность (ст. 56 ГК РФ) [15]. Обратим внимание на то, что размером принадлежащего религиозной организации имущества определяются пределы ответственности;

- способность быть истцом и ответчиком в суде. Так, религиозная организация вправе подавать иск в суд, а также выступать в качестве ответчика в суде;

- наличие учредительных документов. Статьей 52 ГК РФ регламентируется вопрос об учредительных документах, к числу которых закон относит Устав, утверждаемый учредителями, типовой Устав [16]. Основным отличием типового устава от устава юридического лица является то, что первый учредительный документ (типовой устав) не содержит в своем составе таких характеристик юридического лица, как его наименование, место нахождения, размер уставного капитала.

Таким образом, религиозная организация – это добровольное объединение российских граждан, других лиц, проживающих на территории

российского государства, целью которого является совместное исповедание и распространение веры.

В российском законодательстве и международных правовых актах раскрывается значение права свободы религии. Так, например, Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений провозглашает, что каждому человеку гарантировано право на свободу религии [17]. Статья 1 Декларации конкретизирует содержание рассматриваемого права – свобода иметь религию, и свобода исповедовать свою религию. Заметим, что рассматриваемая правовая норма раскрывает запрет на дискриминацию, осуществляемую по признаку религии [18].

Однако, следует указать, что п. 3 ст. 1 Декларации определено правило, в соответствии с которым право свободы религии может быть ограничено при условии охраны здоровья, морали, общественной безопасности и общественного правопорядка. Исходя из вышесказанного, следует, что правовой нормой может быть ограничено право свободы религии и право на свободу исповедания религии.

Право на религию закреплено и во Всеобщей декларации прав человека [19]. Заметим, что ст. 18 Декларации предусматривает возможность изменения своей религии, что способствует развитию права на свободу религии. В действительности, каждый человек в течение своей жизни может изменить свои религиозные убеждения, что свидетельствует о свободном развитии личности человека, предоставления возможности по самостоятельному выбору религии.

Статья 18 Международного пакта о гражданских и политических правах провозглашает право свободы религии. Рассматриваемая правовая норма устанавливает запрет на дискриминацию человека по религиозному признаку. Отличительной особенностью Пакта является указание на то, что родители, усыновители наделяются обязанностью по обеспечению нравственного и религиозного воспитания несовершеннолетних детей. Религиозное воспитание производится исходя из религиозных убеждений родителей, опекунов, усыновителей [20].

Пакт, как и Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, предусматривает возможность ограничения права на свободу религии. Основаниями для ограничения права являются охрана общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав, других лиц.

В подтверждении сказанному обратимся к материалам судебной практики. Местная религиозная организация «Свидетели Иеговы» распространяла литературу, отражающую превосходство одной религии над другой. На основании анализа литературы, было установлено, что она содержит информацию и сведения экстремистского характера. В виду сказанного, суд пришел к выводу, что право на свободу религии, принадлежащее местной религиозной организации «Свидетели Иеговы» должно быть ограничено, т.к. в соответствии с п. 3 ст. 18 Пакта реализация названного права приводит к нарушению общественной безопасности и общественного правопорядка [21].

Статья 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод относит к личному праву гражданина право свободы религии. Заметим, что Конвенция раскрывает правовые основы ограничения рассматриваемого права. Так, ограничение права свободы религии возможно только для обеспечения охраны общественного порядка и спокойствия, здоровья и нравственности, и защиты прав, свобод других лиц [22].

Рассмотрев международные правовые акты, следует указать, что государство устанавливает преграды, ограничения в целях недопущения распространения и легализации сектантства, деятельность которых нарушает права и свободы граждан, подрывает общественную безопасность. На основании анализа гл. 2 Конституции РФ, следует, что право свободы религии относится к личному праву (ст. 28) [23].

ФЗ от 26.09.1997 г. №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» устанавливает гарантии свободы вероисповедания [24]:

- запрет требовать от человека сообщения о своем отношении к религии;
- тайна исповеди;
- право гражданина на замену военной службы, если она противоречит его убеждениям и вероисповеданию, альтернативной гражданской службой и рядом других.

Рассматриваемый Закон устанавливает право граждан на создание религиозных объединений, т.е. добровольное объединение, образованное с целью совместного исповедания и распространения веры российскими гражданами, другими гражданами, постоянно и на законных основаниях, проживающих на территории российского государства. Религиозное объединение считается религиозным в том случае, если ему свойственны следующие признаки:

- вероисповедание;
- совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;
- обучение религии;
- религиозное воспитание последователей [25].

Российским законодательством установлено, что религиозные объединения создаются в следующих формах: религиозные организации и религиозные группы. При этом заметим, что для образования религиозной группы не требуется государственная регистрация. В то же время, российским законодательством запрещено создание религиозных объединений в органах публичной власти, воинских частях, государственных и муниципальных организациях; запрещено создавать религиозные объединения, цели и действия которых противоречат закону.

Рассмотрев правовое закрепление права и религии в российском и международном законодательстве, необходимо перейти к их соотношению. Право и религия соотносятся по следующим основаниям.

Во-первых, в правовых нормах раскрываются религиозные нормы, тогда как нормы права определены в религии. Конституция РФ, ФЗ от 26.09.1997 г. №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» регламентируют вопросы обеспечения права свободы религии и свободы вероисповедания.

Каждому гражданину и человеку с рождения гарантировано названное право. Никто не может ограничить человека в реализации права свободы религии.

Немаловажное значение играет и законодательное закрепление в ст. 13 Основного закона России идеологического многообразия; запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной. Положениями ч. 5 названной конституционной нормы предусмотрено, что на территории российского государства запрещено создавать общественные объединения, целью деятельности которых является насильственное, противозаконное изменение основ конституционного строя, нарушение государственной целостности, подрыв национальной и общественной безопасности [26].

Во-вторых, положениями российского законодательства раскрываются вопросы взаимоотношения религии и права. ФЗ от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» определяет правило, в соответствии с которым установлен принцип невмешательства государства в деятельность религиозных объединений и организаций, и наоборот, последние не вправе вмешиваться в деятельность государства (ст. 4 Закона) [27].

В-третьих, положения религиозных и правовых норм взаимосвязаны между собой. Христианские заповеди нашли отражение в положениях российского законодательства. Так, например, заповедь «не укради» нашла отражение в гл. 21 УК РФ, статьи которой устанавливают уголовную ответственность за совершение преступлений против имущества, принадлежащего собственнику или его владельцу. Заповедь «не убей» также раскрыта в положениях ст. ст. 105-108 Кодекса, раскрывающих особенности простого, квалифицированных и привилегированных видов убийств [28].

Заметим, что в мусульманских государствах право основывается на религиозных догматах, за нарушение которых предусмотрены суровые наказания. Религиозные нормы как обязательные правила поведения верующих содержатся в таких известных исторических памятниках, как Библия, Коран, Талмуд, Сунна, священные книги буддизма, а также в текущих решениях различных соборов, коллегий, собраний духовенства, руководящих структур церковной иерархии. На различных этапах развития общества и в разных правовых системах степень и характер взаимодействия права и религии были различными. Так, в некоторых правовых системах связь религиозных и правовых норм была настолько тесной, что их следует считать религиозно-правовыми системами.

В России каждому человеку гарантировано право свободы религии и свободы вероисповедания. Законодательными нормами установлены ограничения в реализации права. Государство устанавливает преграды, ограничения в целях недопущения распространения и легализации сектантства, деятельность которых нарушает прав и свободы граждан, подрывает общественную безопасность. Государство и религиозные организации, объединения не вправе вмешиваться в деятельность друг друга, что обеспечивает принципы независимости и невмешательства. Религиозные нормы раскрыты в положениях российского законодательства (например, за

убийство человека лицо несет уголовную ответственность, хищение чужой вещи является основанием для привлечения его к уголовной ответственности и т.д.).

На наш взгляд, для того чтобы, религиозная норма получила право на существование, не нужно внедрять санкции официальных властей, достаточно, чтобы она была признана обществом, коллективом или отдельной социальной группой, и не противоречила догматам и канонам Церкви. Церковные нормы имеют свою, совершенно самостоятельную, по отношению к праву любого государства, историю.

Список источников и литературы

1. См.: Закон Республики Тыва от 01.04.1995 № 253 «О свободе совести и религиозных организациях».
2. См.: Закон Республики Бурятия от 23.12.1997 № 610-І «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» (ред. от 02.03.2016) // Бурятия. 16.01.1998. № 8. С. 24.
3. См.: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
4. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. См.: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
6. См.: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.
7. См.: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
8. См.: Решение Белгородского областного суда от 11.02.2016 № 3а-25/2016: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/1VvGfnUCLZNt/> (дата обращения: 20.11.2021).
9. См.: Решение Верховного суда Чувашской Республики от 24.08.2017 по делу № 3а-48/2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/EJh8iWHWk5NT/> (дата обращения: 20.11.2021).
10. См.: Решение Приморского краевого суда от 19.02.2013 по делу № 3-5/13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/fkuWiX3ZlFdt/> (дата обращения: 20.11.2021).
11. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

12. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
13. См.: Там же.
14. См.: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.
15. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
16. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
17. См.: Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (Принята 25.11.1981 Резолюцией 36/55 на 73-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
18. См.: Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (Принята 25.11.1981 Резолюцией 36/55 на 73-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
19. См.: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.
20. См.: Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
21. См.: Определение Ростовского областного суда от 13.10.2011 по делу № 33-14046. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/100530239/> (дата обращения: 25.11.2021).
22. См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
23. См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.
24. См.: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
25. См.: Там же.
26. См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.

27. См.: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

28. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

УДК 929.6

РОМАН Г. СЕНКЕВИЧА «КРЕСТОНОСЦЫ» В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА ГЕРАЛЬДИКИ

Галямичев А.Н.

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
galyamichev57@mail.ru

В статье рассматриваются возможности использования текста знаменитого романа Г. Сенкевича «Крестоносцы» в преподавании курса геральдики. Главное внимание уделяется вопросам организации самостоятельной работы студентов, определяются условия возможно более высокой степени её эффективности.

Ключевые слова: геральдика, Г. Сенкевич, самостоятельная работа студентов.

G. SENKEVICH'S NOVEL "CRUSADERS" IN TEACHING THE COURSE OF HERALDRY

The article discusses the possibilities of using the text of the famous novel by G. Senkevich "Crusaders" in teaching the course of heraldry. The main attention is paid to the organization of independent work of students, the conditions for the highest possible degree of its effectiveness are determined.

Key words: heraldry, G. Senkevich, independent work of students.

Привлечение к процессу преподавания выдающихся произведений мировой литературы, пользующихся признанием многих поколений читателей предоставляет широкие возможности для активизации самостоятельной работы студентов. Получая возможность взглянуть на любимые с детства произведения под новым углом зрения, студенты с большим интересом выявляют необходимую для усвоения исторических дисциплин информацию.

При изучении курса геральдики широкие возможности для такого рода работы даёт текст романа выдающегося польского писателя Г. Сенкевича «Крестоносцы» [1, с. 1-168]. Роман посвящён событиям начала XV века — кануну Великой войны Польши и Великого княжества Литовского с Тевтонским орденом и самой этой войны, представляя собой широкую

панораму жизненного уклада Польского королевства и соседних государств. Для Польши Великая война имела особое значение, подведя итог предшествующему периоду динамичного обновления и дав вместе с тем мощный импульс дальнейшему развитию Польского государства, укреплению его военно-политического могущества.

Особенностью развития средневековой Польши была исключительно важная роль рыцарства в судьбах государства. Именно рыцарство и находится в центре увлекательного повествования Г. Сенкевича, ярко отразившего многие черты жизненного уклада и мироощущения польского рыцарства.

Не была обойдена вниманием писателя и геральдика — важнейшая составляющая повседневной жизни и духовных традиций средневекового рыцарства и вместе с тем действенный инструмент регулирования властно-имущественных отношений внутри рыцарского сословия.

Польская геральдика имела ряд существенных отличий от геральдических систем стран Западной Европы, что было следствием самобытного пути развития польского общества и государства в X — XIII вв. В начальный период истории средневековой Польши военно-служилая знать (дружина) не имела земельной собственности, а концентрировалась в областных городах — укрепленных военно-административных центрах, из которых осуществлялось управление прилегающими к городам территориями [2, с. 167-180].

Уже тогда существовали символические изображения, служившие для управления действиями отрядов дружинников из разных областей на поле боя. Они принадлежали наиболее знатным родам, занимавшим ключевое место в системе управления государством и возглавлявшим отряды дружинников управляемой области в военное время. Такого рода знаки объединяли не только кровных родственников, но и всех воинов, сражавшихся под знамёнами обладателя знака.

Начиная с XIII века система городской организации общества стала постепенно разлагаться, польские земли пошли по пути сближения с западноевропейской моделью средневекового развития. При этом большое влияние на Польшу оказывали порядки и традиции соседних немецких областей, многие из которых проникали в пределы Польского государства вместе с потоком колонистов из Германии. Число последних существенно увеличилось после монголо-татарского нашествия 1241 года, которое нанесло наибольший ущерб богатейшим областям страны — Малой Польше и Силезии.

В процессе разложения системы городской организации стало формироваться польское рыцарство в собственном смысле слова — как сословие профессиональных воинов и крупных землевладельцев, подобных западноевропейским рыцарям. Однако складывание польского рыцарства происходило в течение длительного времени, оставив глубокий след в геральдике, сложившейся в XIV — XV вв. в стройную систему под влиянием западноевропейских, прежде всего немецких, образцов.

Одной из особенностей польской геральдики является сравнительно небольшое количество гербов, которые объединяли сотни и тысячи рыцарей, не

состоявших между собой в родстве, а связанных службой в рыцарских ополчениях отдельных областей. Другой особенностью является простота гербовых изображений и наличие у каждого из них особого названия, что напоминает о происхождении рыцарских гербов от воинских знаков дружинных родов времён Древнепольского государства [3, с. 266-269].

В романе Г. Сенкевича нашёл отражение момент завершения процесса оформления польского рыцарства, пришедшийся на рубеж XIV и XV веков. Наиболее отчётливо, как нам представляется, этот рубеж проявляется в рассказе писателя о строительстве замка в Богданце — родовом имении двух главных героев романа — «старого рыцаря» (именно так он чаще всего именуется на страницах «Крестоносцев») Мацько и его племянника, «молодого рыцаря» Збышко. Строительством замка занимался «старый рыцарь»: «Построить замок для Збышка и для будущего его потомства — это было заветное желание старика. Он знал, что если шляхтич живет не в простой усадьбе, а за рвом и острогом, да стража у него со сторожевой башни озирает околицу, так он и у соседей «в почете», и вельможей ему легче стать. Самому Мацьку не много уж было надобно, но для Збышка и его сыновей он не хотел мириться на малом, особенно теперь, когда так разрослись владения» [1, с. 149]. Когда же работы были закончены и Збышко с семейством перебрался в замок, «старый рыцарь» отказался обосноваться в нём: «он остался жить в старом доме и на все просьбы Збышка и Ягенки (жены Збышка) отвечал отказом. — Помру уж там, где родился, — толковал им старик» [1, с. 155].

Представители представленного в романе Г. Сенкевича старшего поколения польского рыцарства, в отличие от своих молодых преемников, не всегда разбирались в тонкостях правил проведения рыцарских турниров и поединков, в их среде не получила широкого отклика и признания рыцарская поэзия и культ Прекрасной Дамы.

Но главное, что отличало средневековое рыцарство, — честь и благородство на поле битвы и вне его — прочно укоренилось в польском рыцарстве с его изначальных времён, и именно в этом Г. Сенкевич усматривает главную причину подъёма польского государства, а утрату рыцарских ценностей, проникновение в среду рыцарей Тевтонского ордена лицемерия, вероломства и беспримерной жестокости польский писатель верным показателем угасания былого могущества орденового государства в Прибалтике.

Старое и новое поколения польского рыцарства прочно связывало почитание гербов: «Меня зовут Мацько из Богданца, а это сын моего родного брата, зовут его Збышко. Герб наш Тупая Подкова, а клич Грады!» — так представляются главные герои романа в самом его начале [1, с. 4]. Герб выступал в качестве составной части представления любого польского рыцаря (представляясь, рыцари называли «свои имена, гербы, кличи и деревни, из которых они были родом [1, с. 6]. Нарушение клятвы гербом считалось одним из самых тяжких преступлений рыцаря [1, с. 100].

Память о воинской доблести предков — обладателей герба и девиза — служила в качестве прочной связующей нити между поколениями. «Молодой

рыцарь» говорил: «Под Пловцами (битва состоялась в 1331 г. — *А.Г.*) погибли почти все мужи моего рода; но я не жалею об этом, ибо великую победу даровал Господь королю Локотку и двадцать тысяч немцев истребил» [1, с. 48]. О битве под Пловцами постоянно вспоминал и «старый рыцарь». На одной из страниц романа Мацько оказывается слушателем рассказа одного из участников легендарного сражения. Писатель отмечает: «В этой битве погиб почти весь род Градов, так что Мацько знал о ней досконально, однако сейчас и он будто впервые слушал рассказ о страшном разгроме немцев, когда они, словно нива под напором ветра, полегли под мечами польского рыцарства, побежденные могущественным королем Локотком...» [1, с. 103].

Для изучения и преподавания геральдики большой интерес представляют красочные картины рыцарского быта, основанные на тщательном изучении писателем письменных источников и вещественных памятников эпохи средневековья. В одной из кульминационных сцен романа — поединке Збышко с тевтонским рыцарем Ротгером — Г. Сенкевич даёт детальное описание рыцарского вооружения и геральдических символов непримиримых противников: «На крестоносце был надет панцирь, украшенный голубой финифтью, такие же набедерники и шлем с поднятым забралом и с пышным павлиньим султаном на гребне. Грудь, бока и спину Збышка охватывала великолепная миланская броня, которую он в свое время захватил в добычу у фризов. На голове у него был шлем с нашеломником, но без подбородника и без перьев, на ногах сапоги из бычьей кожи. В левой руке оба рыцаря держали щиты с гербами; у крестоносца на верхнем поле герба была шахматная доска, а на нижнем — три льва, стоящие на задних лапах, у Збышка — тупая подкова. В правой руке оба держали страшные широкие секиры, насаженные на почернелые рукояти длиннее руки рослого мужчины. Рыцарей сопровождали оруженосцы: Глава, которого Збышко звал Гловачем, и ван Крист, оба в темной железной броне, оба с секирами и со щитами. У ван Криста в гербе был куст дрока, у чеха же, как в гербе Помяна, голова быка, только вместо секиры в ней торчал короткий меч, до половины вонзившийся в глаз» [1, с. 88].

Наиболее яркую и многокрасочную картину геральдики представляет описание Г. Сенкевичем Грюнвальдской битвы. Основанное на данных хроники польского хрониста XV века Яна Длугоша [4, с. 85-112], оно обогащает его живописными деталями и эмоциональными нравственными оценками, сохраняя историческую достоверность как в изложении хода битвы, так и в описании элементов геральдики.

Примером такого рода является, например, описание подхода к Грюнвальду польского войска: «С восходом солнца войско лавой двинулось вперед, а за ним — необозримые вереницы повозок. Через час ветер поутих, и хорунжие смогли развернуть хоругви. Все поле кругом, насколько хватает глаз, покрылось словно пестрыми цветами. Не окинуть глазами было эту рать и лес знамен, под которыми двигались вперед полки. Шла краковская земля под красной хоругвью с белым орлом в короне; это была главная хоругвь всего королевства, великое знамя всего войска. Нес его Марцин из Вроцимовиц, герба Пулкозы, могучий и славный рыцарь. Далее шли королевские полки,

один под двойным литовским крестом, другой под Погоней. Под знаменем Георгия Победоносца двигался сильный отряд иноземных наемников и охотников, состоящий преимущественно из чехов и моравов» [1, с. 161].

Главное место в описании занимают хоругви — боевые знамёна с гербовыми изображениями, служившие для управления войсками на поле сражения и связанные, как правило, с геральдическими символами земель и крупных феодальных княжеств. Однако наряду с ними встречаются и упоминания о личных рыцарских гербах, изображённых на щитах. Так, например, описываются эпизоды кульминации схватки битвы: «Там же могучий Енджей из Брохоциц, сломав меч на голове рыцаря с совой на щите и забралом в виде совиной головы, схватил немца за руку, сломал ему ее, вырвал у него меч и мгновенно зарубил врага... Еще дальше отбросила их большая краковская хоругвь, которой предводительствовал сам Зындрам; в голове ее шел с прославленными рыцарями самый грозный из всех поляков — Завиша Чарный, герба Сулима. Познанская хоругвь, на знамени которой был орел без короны, тоже билась не на жизнь, а на смерть» [1, с. 165].

Критический момент сражения — ожесточённая схватка «за священную для всего (польского) войска краковскую хоругвь с орлом в короне». Когда был сражён знаменосец Марцин из Вроцимовиц, «вместе с ними заколебалась и упала хоругвь», — «сотни железных рук протянулись за нею, а немцы заревели от восторга... Самые грозные рыцари обеих ратей, как разъяренные львы, ринулись к поверженному хорунжему, и буря поднялась вокруг польской хоругви. Люди и кони свились в один чудовищный клубок, в котором мелькали руки, скрежетали мечи, свистели секиры, сталь лязгала о железо, а гром, стоны и дикие крики сраженных слились в один ужасный хор, словно все грешники возопили вдруг из недр преисподней. Столбом взвилась пыль, и из клубов ее, ничего не видя от страха, вырвались одни кони без всадников, с налитыми кровью глазами и дико развевающимися гривами.

Недолгим был этот бой. Ни один немец не вышел живым из жаркой схватки, и над польским войском снова взвилась отбитая хоругвь. Ветер повеял на нее, развернул полотнище, и хоругвь раскрылась, как огромный цветок, как символ надежды, как символ гнева Божия, наступающего крестоносцев, и победы поляков» [1, с. 165].

Яркие описания романа Г. Сенкевича могут быть использованы при подготовке лекционного курса, но наиболее предпочтительным представляется подготовка студентами творческих работ, в которых должны органически сочетаться увлекательное чтение и внимательный анализ текста в контексте сведений об эпохе и такой важной её составляющей, как геральдика.

Список источников и литературы

1. Сенкевич Г. Крестоносцы. URL: https://mir-knig.com/read_341702. 168 с. (Дата обращения: 25.12.2021).
2. Жемличка Й., Марсина Р. Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия) // Ран-

- нефеодалные государства и народности (южные и западные славяне VI — XII вв.). М.: «Наука», 1991. С. 167-180.
3. Арсентев Ю.В. Геральдика. Лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907 / 1908 году. М.: Печатня А. Снегирёвой, 1908. 298 с.
 4. Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 214 с.

УДК 378.4

РОЛЬ ПЕДАГОГА В ЦИФРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Попкова Н.В.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
popkova.n.29@mail.ru

В статье рассматриваются изменения в образовательном процессе, обусловленные процессом цифровизации всех сфер жизни. Основное внимание уделяется проблемам трансформации профессиональной деятельности преподавателей, которые вместе с предметными знаниями должны формировать у обучающихся и цифровые компетенции.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровые компетенции, цифровая дидактика.

THE ROLE OF THE TEACHER IN THE DIGITAL EDUCATIONAL PROCESS

The article discusses changes in the educational process due to the process of digitalization of all spheres of life. The main attention is paid to the problems of transforming the professional activities of teachers, who, together with subject knowledge, should form students' digital competencies.

Key words: digital society, digital competencies, digital didactics.

Одним из глобальных трендов современной эпохи является активное становление цифровой экономики и, следовательно, цифрового общества. Цифровизация экономической сферы заметно изменяет образовательный заказ, ставя акцент на необходимости формирования у студентов комплекса новых цифровых компетенций независимо от получаемой профессии.

К числу причин, вызывающих потребность в построении высшего образования как цифрового образовательного процесса, относятся и тенденции, характеризующие становление цифрового общества: новые требования к кадрам в условиях цифровой экономики; новые цифровые технологии, формирующие цифровую среду и развивающиеся в ней; новое поколение обучающихся, имеющее особые социально-психологические характеристики (так называемое «цифровое поколение»).

С другой стороны, опыт последних лет, связанный с регулярным уходом образовательных учреждений на удаленное обучение вследствие эпидемиологической ситуации, показывает, что преподавательскому корпусу

недостаточно имеющихся компетенций для работы в формате дистанционного обучения, так как они позволяют применять лишь некоторые цифровые технологии и элементы цифровой образовательной среды.

Очевидно, что в настоящий момент речь должна идти о глубокой модернизации образовательного процесса, призванного обеспечить подготовку человека к профессиональной деятельности и жизни в условиях цифрового общества и цифровой экономики, что подразумевает максимально широкое использование системой образования дидактического потенциала цифровых технологий. В этой связи следует признать факт отсутствия единой методической системы цифровой трансформации высшего образования, которая бы имела целью становление цифрового обучения как процесса организации взаимодействия между обучающими и обучающимися при движении от цели к результату в цифровой образовательной среде, а основными средствами которой являются цифровые технологии, цифровые инструменты и цифровые следы (результаты учебной и профессиональной деятельности, выраженные в цифровом формате) [1, с. 6-24].

Для успешного обучения представителей «цифрового поколения» необходимо учитывать некоторые частные дидактические закономерности, проявляющиеся в процессе цифровой трансформации высшего образования.

Первой из них можно считать повышение роли процесса учения и учебной самостоятельности студента. Процессы цифровизации и формирование глобальной информационной среды приводят к доминированию наглядно-образного и наглядно-логического мышления, когда образовательно значимая информация оформляется в компактном и удобном для быстрого восприятия и использования виде. Это «цифровым поколением» усваивается уже в раннем детстве, вследствие чего изменяется стиль мышления обучающихся с нарративного на инфографический, наглядно-логический [2, с. 18].

Поэтому учебные занятия должны ориентировать студентов на овладение навыками ориентирования и коммуникации в цифровом пространстве в контексте концентрации научного знания и трансляции его в педагогическом преломлении, на методике использования IT-технологий в образовательном контексте с учетом тематики изучаемой дисциплины (разработка тематических сайтов, презентаций, использование инструментов дистанционного обучения и контроля знаний).

Второй и, на наш взгляд, более существенной закономерностью, является изменение роли педагогов, которые в условиях цифровизации утрачивают функции «носителя знаний», информатора, объясняющего, контролера, приобретая иное предназначение: формирование и развитие критического мышления обучающихся в процессе поиска и отбора информации в цифровой среде; интеграция различных жизненных пространств (виртуальное и реальное) «цифрового поколения», сопровождение развития обучающихся в реальном социальном и профессиональном мире; проектирование сценариев учебных занятий на основе многообразных, динамических форм организации учебной деятельности и оптимальной последовательности использования цифровых и нецифровых технологий; проектирование форм, методов обучения, средств

диагностико-формирующего оценивания и создание на этой основе локальной образовательной среды конкретного учебного курса, насыщенного развивающими возможностями; организация индивидуальной и командной (самостоятельная, проектная, распределенно-сетевая) деятельности обучающихся в цифровой образовательной среде; проектирование и организация ситуаций образовательно значимой коммуникации, в т. ч. сетевой и др. [3].

Повышенные требования к организации педагогического процесса предъявляет и цифровизация современного социального пространства, побуждая квалифицированного преподавателя к созданию особых учебно-коммуникационных сфер, в которых традиционные площадки субъект-субъектного взаимодействия были бы адаптированы под вызовы новейшей дигитализированной эпохи. Современные цифровые технологии позволяют создать самодостаточное, уравновешенное коммуникационное пространство, в котором участие педагога в образовательном процессе избавляется от преподавательской рутины, нацеливаясь прежде всего на модерную функцию. Преподаватель демонстрирует студентам пути поиска информации, анализирует полученный от обучающегося отклик, а грамотно сконструированная среда с систематизированной архитектурой и методически и дидактически разнообразным цифровым контентом позволяет развить компетенции обучающихся и проконтролировать их закрепление эффективнее и эргономичнее, чем классические практики очного взаимодействия.

В этой связи реализуемая в Институте истории и международных отношений СГУ имени Н.Г. Чернышевского магистерская программа «Методология исторического образования» по направлению подготовки *44.04.01 Педагогическое образование* под научным руководством доктора исторических наук, профессора В.А. Чолахяна была переработана в части адаптации к новым условиям. Её основной миссией становится, во-первых, подготовка магистрантов к жизни в условиях цифрового общества, во-вторых, формирование у них цифровых компетенций, а в-третьих, развитие у них способности в будущей профессиональной деятельности формировать у учащихся на базе изучения исторических дисциплин компетенций по использованию информационных и сквозных технологий.

Задачи ООП магистратуры «Методология исторического образования» в части повышения уровня цифровизации образовательного процесса и формирования цифровых компетенций у магистрантов были сформулированы следующим образом:

- актуализация программ всех дисциплин таким образом, чтобы магистранты получали знания и практические навыки и в области информационных и сквозных технологий,

- акцент при изучении профильных дисциплин на совершенствование умения студентов ориентироваться в разнообразных информационных потоках, критически оценивая их и на формирование компетенций по конструированию образовательного коммуникационного пространства с учетом использования

современных цифровых технологий, SMM-технологий и эволюции виртуальной среды;

– подготовка магистрантов к эффективному использованию ресурсов цифровой образовательной среды, формирование и развитие их учебной самостоятельности и интегративных умений участия в цифровом коммуникационном пространстве, необходимых для эффективного участия в академических и профессиональных дискуссиях;

– организация доступного обучения особым категориям студентов (лица с ОВЗ) в цифровой среде;

– отработка модели эффективного использования личных мобильных устройств в образовательном процессе;

– совершенствование навыков использования социальных сетей в профессиональной деятельности.

Список источников и литературы

1. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / П. Н. Биленко, В. И. Блинов, М. В. Дулинов, Е. Ю. Есенина, А. М. Кондаков, И. С. Сергеев; под науч. ред. В. И. Блинова. 2020.

2. Анализ цифровых образовательных ресурсов и сервисов для организации учебного процесса школ / И. А. Карлов, Н. М. Киясов, В. О. Ковалев, Н. А. Кожевников, Е. Д. Патаракин, И. Д. Фрумин, А. Н. Швиндт, Д. О. Шонов; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2020.

3. Уваров А.Ю., Фрумин И.Д. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования // Серия коллективных монографий: Российское образование: достижения, вызовы, перспективы. 2019.

УДК 378

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ВЕДЕНИЮ ДИАЛОГА

Евдокимова Е.Г.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

a1-ero@yandex.ru

Готовность студентов к диалогическому общению с учениками в процессе обучения лежит в основе современного образовательного процесса (по ФГОС), что требует подготовки на основе освоения имеющихся практик. В статье рассматриваются возможности таких практик, как адаптированный «сочетательный диалог» (по Ривину), диалог-обсуждение, диалог-беседа. На основе изучения представлений учителей обоснована необходимость сочетать в обучении освоение технологии диалога с осмыслением личностных представлений и отношений студентов к данному методу.

Ключевые слова: диалог, обсуждение, беседа, представлений учителей

PREPARATION OF FUTURE TEACHERS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE DIALOGUE

The readiness of students for dialogical communication with students in the learning process is the basis of the modern educational process (according to the Federal State Educational Standard), which requires training based on the development of existing practices. The article discusses the possibilities of such practices as adapted "combination dialogue" (according to Rivin), dialogue-discussion, dialogue-conversation. Based on the study of teachers' ideas, the need to combine the development of dialogue technology in teaching with the understanding of students' personal ideas and attitudes to this method is substantiated.

Key words: dialogue, discussion, conversation, teacher presentations Текст аннотации (на английском языке)

Подготовка будущих педагогов к ведению диалога с обучающимися предполагает определение, того, как именно рассматривается диалог, лежащий в основе конкретного занятия. Многообразие представлений о диалоге в образовании включают признание возможности ведения диалога в образовании, и в школе в частности (Белова С.В., Костикова Л.П., Зайцева Е.А., Кларин М.В. Коротаева Е.В., Мельникова Е.Л., Немчинова А.Л.). Наряду с этим встречаются и сомнения в возможности применения продуктивного диалога в образовательной практике (Виноградова И.В., Даутова О.Б., Лапина Н.Л.).

Например, по мнению Виноградовой И.В. продуктивный диалог не возможен в образовании, поскольку он предполагает выход человека за пределы своей субъективности, попытку понять и принять Другого, а также полную открытость себя, свободную встречу с другой уникальной и непохожей личностью, что не сводится к «вопросно-ответной» форме. «Диалог никогда не сводится к усвоению предмета. Он всегда надпредметен, расширяет границы познаваемого за счет обмена не только информацией, но и оценками, смыслами, гипотезами-откровениями» [1]. То есть, предполагается, что правильных ответов может не быть даже и у учителя.

Автор статьи делает акцент на том, что в диалоге важна личностная составляющая, в то время, как в образовательной среде общение строится на основе обмена информацией, сообщениями, что не сводимо к полноте личности. Сложности реализации продуктивного диалога в образовании связывают с необходимым равенством позиций, которое осложняется функцией оценивания в работе педагога.

В образовании, по мнению О.Б. Даутовой и Н.Л. Лапиной, диалоговое взаимодействие может быть непродуктивным, предпродуктивным и продуктивным. В первом случае взаимодействие осуществляется лишь на формальном уровне, монолог со стороны учителя преобладает. Во втором случае на фоне монологичного взаимодействия осуществляется переход к обсуждению материала, когда ученик начинает вступать в диалог с учителем, приобретая новые знания. Однако общение учителя и ученика строится в русле заранее известной учителю цели. При продуктивном взаимодействии возникают отношения равноправного сотрудничества, преобладает диалогичная форма, ученик и учитель достигают в ходе урока сотворчества [2].

Таким образом, при освоении представлений об организации диалога в процессе школьного обучения следует обратить внимание студентов на то, какие цели могут быть реализованы в определенном виде диалога и как обеспечить равенство позиций участников.

Осмысление исторического процесса невозможно без подлинного понимания событий, что выходит за границы получения информации. Предмет истории сталкивается с тем, что продуктивный диалог ему жизненно необходим, и в тоже время малодоступен из-за нехватки времени. Некоторые возможности построения уроков-диалогов по предмету история, которые были отработаны на практике [3].

Адаптированный содиалог А.Г. Ривина. Название, которое дал своему методу сам А.Г. Ривин, происходит от понятия «сочетательный диалог» [4]. Разноуровневое и разновозрастное обучение, индивидуальный темп изучения материала, воспитание в ходе учебы ответственности и самостоятельности, одновременное изучение разных предметов по выбору, обучение на разных языках стали возможны с применением на практике его подхода.

В 1918 году Ривин собрал около 40 крестьянских ребят разного возраста и стал обучать по-новому: все подростки (11-16 лет, чья подготовка соответствовала 4-6 классу) работали по очереди друг с другом то в качестве учителей, то в качестве учеников.

В исследовании возможностей адаптированного содиалога был использован дополнительный материал для подготовки уроков по теме «Развитие науки и техники в 19 – начале 20 века» (для 8 класса). Небольшие блоки текста были посвящены темам: «Развитие науки. Выдающиеся открытия», «Теория Дарвина», «Технический прогресс. Транспорт», «Электричество. Средства связи. Кинематограф». Каждый из учеников получал свой текст. Темы ученикам не назывались, их задачей было самостоятельно обозначить их после изучения текста. Дети сначала работали в парах, после ознакомления с материалом они могли, советуясь, обозначить темы.

Так же в качестве задания было составление плана текста, на основе именованного абзацев. Данная работа выстраивалась на основе обсуждения между учениками. Показано, что учащиеся быстро справляются с заданием, если поняли, что от них требуется. За урок они успевают пересказать свою часть 3-4 раза и выслушать все остальные.

В качестве преимуществ данного метода изучения текста ученики назвали возможность лучшего понимания трудных текстов в процессе пересказа другу друга. Восьмиклассники подчас использовали «свой» язык и личные примеры из жизни или сфер общепонятной культуры для объяснения того или иного события.

Усвоение материала будет более успешным, если дети способны контролировать друг друга с помощью вопросов, проверки знания. Главное, что позволяет достичь адаптированный содиалог, это – равенство позиций в общении «ученик-ученик», безоценочность деятельности и возможность заинтересованного обсуждения между учениками.

Для обеспечения равенства позиций как обучающихся между собой, так и с педагогом при освоении учебного материала может быть применен *диалог-обсуждение*. При отработке данного направления диалога было показано, что урок на основе обсуждения материала лучше провести в формате круглого стола. Задача учителя состоит в том, чтобы быть готовым задать вопросы для побуждения к беседе и направлять ее, чтобы достичь более глубокое осмысление учениками главных моментов той или иной темы. При этом возможность задавать вопросы и руководить беседой должна быть у самих учеников.

В данном случае равенство позиций выстраивается как на основе пространственного расположения участников обсуждения, так и отсутствием оценочной функции у педагога, который не столько руководит обсуждением, сколько выступает одним из его участников; он подводит к осознанию вопроса, направляет, аргументирует свою позицию научными доводами, но на общих основаниях.

В том случае, когда обучающиеся начинают осваивать предметный материал и не достаточно владеют основными понятиями и смыслами данных понятий, применяется *диалог - беседа, нацеленная на осмысление* исторических понятий, может применяться *диалог-беседа*. При этом задачей педагога становится направить внимание учеников на смысл исторических явлений, которые раскрываются через данные понятия.

Кроме того, процесс диалога-беседы предполагает доверительное отношение между собеседниками, которое может обеспечить снижение страха перед ошибкой. «Диалог – это не новая педагогическая технология, методика или инструмент, это прежде всего отношение, новое отношение к себе, другим, к миру» [5]. По мнению автора статьи, все «технические» методы и уловки диалога эффективны не сами по себе, а лишь потому, что ведут к созданию новых межличностных отношений. Учитель и ученик в диалоге – беседе меняют привычные роли на отношения, построенные и на взаимопомощи в деле понимания.

Для понимания истории необходимо уметь правильно читать исторический материал и правильно понимать исторические понятия. Знания лучше усваиваются благодаря собственной работе и в процессе обсуждения на основе представлений учеников, их ассоциаций, сомнений, затруднений, собственных идей и примеров.

Например, при обсуждении понятия «религия» первое, что назвали дети – это было определение как «верования», что фиксируется на доске. После записи первого слова педагог побуждает учеников к поиску достаточного числа удачных слов или словосочетаний, чтобы в итоге прийти к формулировке определения: «Во что?», «Почему?», «Как сказать по-другому?».

Общими усилиями все записанное на доске объединяется в такое определение религии, которое включает особое восприятие человеком мира, при котором он верит в существование сверхъестественных сил, соблюдают правила поведения и традиции для почтения этих сил, на основе этого объединяется с другими людьми, и эти объединения играют роль в принятии решений, касающихся всего общества [6].

Каждый ответ учеников дает повод как для того, чтобы направить их внимание на новые аспекты материала, так и для подтверждения значимости их участия в обсуждении. Образы, предложенные детьми, развиваются педагогом, чтобы ученики смогли погрузиться в обыгрывание ситуации. Данный прием «вживания» позволяет лучше представить ситуацию, прийти к пониманию особенности описываемой жизни общества.

Сложности такого диалога – беседы состоят в том, что трудно организовать работу всех детей на уроке, отследить, насколько каждому понятно все происходящее. Ученики 5 класса не всегда способны общаться на уроке, как с учителем, так и с одноклассниками по учебным вопросам. Порой им очень трудно выразить свои мысли, сказать даже то, что они уже хорошо знают.

Обучающимся пятых классов удается высказывать разнообразные идеи, но при этом представляется сложным формулировать понятия. В данном случае для педагога затруднительно соблюдать принцип диалога, который предполагает равнозначную ценность высказываний, когда «неправильных ответов нет».

Для обеспечения продуктивного диалога-беседы необходимо выделить подходящее решение в каждом ответе, чтобы показать, насколько важна реплика каждого. Успешность проведения диалога-беседы зависит от ресурса времени и готовности участников к данной форме взаимодействия.

На готовность педагогов к ведению продуктивного диалога влияют как объективные, так и субъективные факторы, к которым относятся представления учителей. На основе опроса учителей выявлено, что при общем признании значимости диалога в практике обучения, только 5 из 22 участников опроса выразили готовность к продуктивному обсуждению условий применения диалога.

Наименьшее значение участники опроса придают таким действиям, как «признание наличия собственной точки зрения у собеседников», «заинтересованность точкой зрения собеседника, согласие с ней» и «раскрытие своих взглядов собеседнику. Наряду с тем, что учителя признают важность учебного диалога и знают практические методики его построения, не все опрошенные готовы описать способ его реализации [7].

На основе данного исследования можно предположить, что при подготовке студентов к педагогической деятельности информацию о диалоге следует представлять не только с технологической стороны [8], но так же, в контексте осмысления студентами личностных представлений и отношений к данному методу. Подлинным диалогом беседа может быть только тогда, когда человек живо реагирует на своего собеседника, открыт с ним, не пытается казаться кем-то другим, а готов быть самим собой, хочет услышать и другие точки зрения.

Список источников и литературы

1. Виноградова И.В. Несоотнесенность пространства диалога с пространством коммуникации в образовательном процессе // Диалог в образовании. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 22 СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002

[//http://www.anthropology.ru/ru/texts/vinogradova_iv/educdial_12.html](http://www.anthropology.ru/ru/texts/vinogradova_iv/educdial_12.html) (дата обращения: 23.06.2021).

2. Даутова О.Б., Лапина Н.Л. Диалог как принцип образования // Диалог в образовании. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 22 СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002 // http://www.anthropology.ru/ru/texts/dautova/educdial_35.html(дата обращения: 25.04.2021).
3. Приходько Е.Э «Историко-педагогическая рефлексия продуктивности учебного диалога» Выпускная квалификационная работа (Науч. Рук. Евдокимова Е.Г.) Саратов. СГУ.2016. 63с.
4. Захаров К. П., Гулк Е. Б. Этапы становления метода социолога Александра Григорьевича Ривина (1878-1944) // Общество. Коммуникация. Образование. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-stanovleniya-metoda-socialoga-aleksandra-grigorievicha-rivina-1878-1944> (дата обращения: 30.04.2021).
5. Пежемская Ю.С. Развивающий диалог в современной образовательной среде // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvivayuschiy-dialog-v-sovremennoy-obrazovatelnoy-srede> (дата обращения: 24.10.2021).
6. Приходько, см. указ., С. 26-27
7. Евдокимова Е.Г., Приходько Е.Э. Представления учителей о продуктивности диалога в обучении // В сб. Реабилитация, абилитация и социализация : междисциплинарный подход М., 2016. С.390-397
8. Мельникова Е. Л. Технология проблемно-диалогического обучения. Методы постановки учебной проблемы // Эксперимент и инновации в школе. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-problemno-dialogicheskogo-obucheniya-metody-postanovki-uchebnoy-problemy> (дата обращения: 23.10.2021).

УДК 371.3

ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ИСТОРИКОВ-БАКАЛАВРОВ В СВЕТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Ястер И.В.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
yaster.irina@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы подготовки историков – бакалавров к профессиональной педагогической деятельности. В связи с переходом на новые ФГОС высшей школы изменились приоритеты лекционной и практической составляющей учебного процесса. В рамках компетентностного подхода необходимо изменить парадигму обучения – от знаний к формированию универсальных и профессиональных компетенций. В этой связи возрастает роль интерактивных технологий. В статье проанализированы такие технологии как дискуссия, ролевые игры, творческие задания, проектная технология.

Ключевые слова: компетентностный и деятельностный подходы, образовательные технологии, практическая подготовка, проектная деятельность, дискуссия.

PROBLEMS OF PEDAGOGICAL TRAINING OF BACHELORS OF ARTS IN HISTORY IN THE LIGHT OF THE COMPETENCE APPROACH

The article deals with the problems of preparing bachelors in history for professional pedagogical activity. Due to the transition to the new Federal State Educational Standards of higher education, the priorities of the lecture component and practical component of the educational process have changed. It is necessary to change the learning paradigm within the framework of the competence approach – from knowledge to the formation of universal and professional competencies. Consequently, the role of interactive technologies is increasing. The article analyzes such technologies as discussion, role-plays, creative tasks, and project technology.

Key words: competence-based and activity-based approaches, educational technologies, practical training, project activity, discussion.

В связи с введением Государственного образовательного стандарта (ФГОС++) актуализировались новые требования к образовательному процессу подготовки бакалавров-историков, в основе которого лежат деятельностный и компетентностный подходы. Среди новых нормативов, требующих выполнению, выделим следующие:

- доля лекционных занятий должна быть не более 40% от общего объема аудиторной нагрузки;
- доля интерактивных методов в общем объеме учебных занятий должна составлять не менее 15%.

Большой акцент делается на самостоятельную работу, групповые аудиторные занятия и на новые для историков виды занятий, называемые «контактная работа со студентами» и «самостоятельная работа студентов под руководством преподавателя». Эти занятия предполагают индивидуальную работу преподавателя со студентом не только в аудитории, но и вне ее. Целью этих занятий является планирование, направление, консультирование и контроль самостоятельной работы студента.

Как же строится профессиональная подготовка студентов, обучающихся на направлении «История».

Традиционно классический университет только косвенно решал проблему подготовки учителей, не реализуя потенциала педагогического образования. Более того, университеты, где осуществлялась подготовка преподавателей истории, не развивали, а, напротив, снижали мотивацию студентов к преподаванию, ориентируя их на научно-исследовательскую деятельность. Однако сегодня все изменилось и многие выпускники «не педагогического» направления идут так же в школу.

В отличие от педагогических институтов, где всё содержание учебного процесса направлено на подготовку именно педагога, в университете имеет место специализация по трём направлениям: научному, профессиональному и, в последнюю очередь, педагогическому. Психолого-педагогическая составляющая специалитета по истории всегда была крайне мала по сравнению

с историческими дисциплинами, но, тем не менее, она включала в себя два блока: теоретический и практический. Каждый из них имел свои собственные задачи и специфику. Рассмотрим возможности каждого из них.

Теоретическая часть представлена только лекционными курсами «Психология и педагогика» и «Педагогика и методика обучения истории в школе», цель которых заключается в формировании определенного блока знаний у студентов. Первые два курса являются базовыми, а специфика курса «Педагогика и методика обучения...» состоит в том, что она призвана «перевести» теоретические положения в плоскость конкретных действий, вследствие чего основное аудиторное время отводится практическим занятиям. На них предполагалось не только углубить теоретические знания студентов, но и решить следующие конкретные задачи: познакомить студентов с различными учебно-методическими комплектами по истории, проанализировать их с точки зрения современных требований; отработать умения конструировать и анализировать урок – основную форму обучения в школе; научить использовать современные информационные технологии в учебном процессе.

Необходимо отметить, что в учебных планах бакалавриата по направлению «История» аудиторная подготовка сократилась – исчез такой курс как «История педагогики», курс «Методики преподавания истории» объединен с курсом «Педагогика» в связи с чем он и был сокращен. своей лекционной части в два раза, а продолжительность педагогической практики сократилась до 2 недель. На наш взгляд, это не соответствует ни деятельностному, ни компетентностному подходу к преподаванию истории.

Понятие «компетентность» рассматривается в педагогической литературе как «комплекс связанных воедино знаний, умений и действия, т.е. готовность и способность мобилизовать знания и умения в конкретной ситуации»[1]. Иногда понятие «компетентность» употребляется как синоним «компетенции». Подразделяя компетенции на универсальные, общепрофессиональные и профессиональные, педагоги вуза понимают, должны сформировать их в полном объеме.

Учёные, занимающиеся этой проблемой, выделяют следующие компетенции и сферы их применения: личностные (направлены на самореализацию личности ученика через самопознание, самопроектирование, профессиональное самоопределение, самосовершенствование и т.д.); интеллектуально-познавательные (бывают методологического и прикладного характера, облегчают процесс познания, способствуют развитию интеллектуальных умений, рефлексии и деятельности учащихся); информационно-коммуникативные (связаны с жизнью в условиях развивающегося глобального информационного сообщества, необходимые для жизни в поликультурном сообществе). Совершенно очевидно, что эти компетенции являются универсальными, применимыми в различных жизненных ситуациях. Ими должен обладать каждый человек, и формируются они в процессе всего обучения и жизнедеятельности.

Какие же компетенции могут быть сформированы в процессе педагогической подготовки выпускников-бакалавров по направлению

«История»? Как уже отмечалось выше, до сих пор нет единства в понимании того, каким должно быть компетентностное преподавание дисциплин, хотя сами компетенции выявлены: социально-личностные, гражданские, межкультурные, специальные. Остановимся на последних, т.к. именно в них наиболее полно отражена специфика подготовки преподавателя истории. Собственно, само содержание курсов «Психология и педагогика», «Педагогика методика преподавания истории» при этом рассматривается как инструмент для формирования компетенций.

Компетентностный подход определён в литературе как «системный подход, ориентированный в образовании и воспитании на конечный практический результат.»[2]. Компетентность отражает владение знаниями, умениями, способами деятельности, а также готовности их применения для решения новых практических задач. В определённом смысле он противоречит подходу, ориентированному на получение абстрактных знаний, не имеющих практической направленности. Конечно, компетенции не сводятся к знаниям и умениям в каком-то их количественном соотношении, но вне знаний и собственного опыта деятельности приобрести компетенции невозможно. Более того, приобретение компетенций зависит от активности и осознанного отношения человека к обучению. Поэтому совершенно справедливо соединить компетентностный подход и «деятельностное» содержание образования.

Деятельностный подход основан на представлении о студенте как активно действующем субъекте. Это подразумевает более пристальное внимание к способам организации учебной и практической деятельности студентов на занятиях и педагогической практике, акцент на активную, разностороннюю, максимально самостоятельную познавательную деятельность.

И здесь, анализируя планы, можно отметить, что разработчики сделали акцент именно на семинарские занятия, увеличив их количество, и создав тем самым условия для реализации деятельностного и компетентностного подходов в процессе подготовки бакалавров-историков.

Чтобы реализовать данные подходы на практике, необходимо уделить большое внимание интерактивным методикам обучения студентов. Цель применения интерактивных методов – активизация учения студента за счет включения в образовательный процесс уже имеющихся у него или конструируемых знаний. [3]. Такой подход преодолевает традиционную пассивность студента. Односторонняя коммуникация оправдана лишь в случае недостатка информации, невозможности ее получения другим способом, кроме как из лекционных материалов. Когда студенты пытаются внести собственное знание или опыт, преподаватель часто оставляет это на уровне информации. Интерактивное обучение предполагает нарушение привычной коммуникативной модели «мнение преподавателя – дополнения студента». Происходит привнесение в образовательный процесс знаний студента: или уже имеющихся, или за счет активной деятельности по построению нового. При использовании интерактивных методов студент становится полноправным участником образовательного процесса, его опыт служит основным источником учебного познания. Преподаватель не даёт готовых знаний, но побуждает

обучаемых к самостоятельному поиску. По сравнению с традиционными формами ведения занятий, в интерактивном обучении меняется взаимодействие преподавателя и студента: активность педагога уступает место активности обучаемых, а задачей педагога становится создание условий для их инициативы.

Мы в своей практике чаще всего использовали следующие:

- *Творческие задания.* Это такие учебные задания, которые требуют от учащихся не простого воспроизводства информации, а творчества, поскольку содержат больший или меньший элемент неизвестности и имеют, как правило, несколько подходов. Творческое задание составляет содержание, основу любого интерактивного метода. Неизвестность ответа и возможность найти студенту свое собственное «правильное» решение, основанное на своем персональном опыте или знании или своего сокурсника, позволяют создать фундамент для сотрудничества, сообучения, общения всех участников образовательного процесса, включая педагога. Творческое задание должно отвечать следующим критериям:

- не имеет однозначного и односложного ответа или решения;
- максимально служит целям обучения;
- вызывает интерес.

Работа в малых группах. Этот метод дает возможность работать всем студентам группы, практиковать навыки сотрудничества, межличностного общения (в частности, умения активно слушать, вырабатывать общее мнение, разрешать возникающие разногласия). Работа в малой группе - неотъемлемая часть многих интерактивных методов.

При организации групповой работы мы обращали внимание на следующие аспекты:

- нужно убедиться, что студенты обладают знаниями и умениями, необходимыми для выполнения группового задания;
- инструкции должны быть максимально четкими, желательно их фиксировать на доске или экране;
- группе должно быть предоставлено достаточно времени на выполнение задания.

Такая форма работы применяется, когда нужно продемонстрировать сходство или различия определенных явлений, выработать стратегию или разработать план, выяснить отношение различных групп участников к одному и тому же вопросу. Работа в группах обеспечивает:

- развитие навыков общения и взаимодействия в группе;
- поощрение к гибкой смене социальных ролей в зависимости от ситуации.

Ролевая игра. Это разыгрывание участниками группы действия с заранее распределенными ролями с целью овладения и развития исторического мышления.

Участники получают задание, распределяют роли, обыгрывают ситуацию и представляют (показывают) всей группе. Преподаватель может сам распределить роли. Каждый из участников может представить себя в

предложенной ситуации, ощутить те или иные состояния. Этот метод применяется для моделирования поведения, эмоциональных реакций людей в тех или иных ситуациях путем конструирования игровой ситуации, в которой такое поведение предопределено заданными условиями.

Разработка проекта. Этот метод предполагает составление проекта действий по обсуждаемому вопросу. Группа или отдельный участник имеют возможность защитить свой проект, доказать преимущество его перед другими и узнать мнение однокурсников. Участники могут обратиться за консультацией, дополнительными материалами, литературой в библиотеки и интернет. Участникам можно предложить собрать публикации из журналов фотографии, касающиеся вопросов темы, а затем обсудить эти материалы.

«Мозговой штурм» – это способ генерирования идей для разрешения проблемы. Во время мозгового штурма участники свободно обмениваются идеями, таким образом, что каждый может развивать чужие идеи.

Это метод, при котором принимается любой ответ на заданный вопрос. Важно не давать оценку высказываемым точкам зрения сразу, а принимать все и записывать мнение каждого на доске или листе бумаги. Участники должны знать, что от них не требуется обоснований или объяснений ответов. «Мозговой штурм» применяется, когда нужно выяснить информированность и/или отношение участников к определенному вопросу.

Мы руководствовались при проведении занятий следующим алгоритмом:

1. Задать участникам определенную тему или вопрос для обсуждения.
2. Предложить высказать свои мысли по этому поводу.
3. Записывать все прозвучавшие высказывания (принимать их все без возражений). Допускаются уточнения высказываний, если они кажутся вам неясными (в любом случае записывать идею так, как она прозвучала из уст участника).
4. Завершить работу, спросив участников, какие, по их мнению, выводы можно сделать из получившихся результатов и как это может быть связано с темой.

После завершения «мозговой атаки» (которая не должна занимать много времени, в среднем 4-5 минут), необходимо обсудить все варианты ответов, выбрать главные и второстепенные.

Мы считаем, данный метод является эффективным при:

- обсуждении дискуссионных вопросов;
- повышении мотивации пассивных студентов;
- выяснения информированности или подготовленности аудитории;
- работе в малых группах.

Учебная дискуссия. Этот метод обучения заключается в проведении учебных групповых дискуссий по конкретной проблеме в относительно небольших группах обучающихся. Традиционно под понятием «дискуссия» понимается обмен мнениями во всех его формах. Учебная дискуссия отличается тем, что новизна ее проблематики относится лишь к группе лиц, участвующих в дискуссии, т. е. то решение проблемы, которое уже найдено в науке, предстоит найти в учебном процессе в данной аудитории. Для

преподавателя, организующего учебную дискуссию, результат, как правило, уже заранее известен. Целью здесь является процесс поиска, который должен привести к объективно известному, но с точки зрения обучающихся, новому знанию. Причем этот поиск должен закономерно вести к запланированному педагогом заданию. Это может быть только в том случае, если поиск решения проблемы (групповая дискуссия) полностью управляем со стороны педагога. Управление здесь носит двоякий характер. Во-первых, для проведения дискуссии педагог создает и поддерживает определенный уровень взаимоотношений студентов — отношения доброжелательности. Во-вторых, педагог управляет процессом поиска истины. Общепринято, что учебная дискуссия допустима при условии, если преподаватель сумеет обеспечить правильность выводов.

Учебная дискуссия может быть оптимально организованной и проведенной при следующих условиях:

1) высокая степень компетентности в рассматриваемой проблеме педагога и, как правило, имеющийся достаточный практический опыт решения подобных проблем у студентов;

2) высокий уровень прогнозирования решения типичных проблемных ситуаций благодаря серьезной методической подготовке педагога. Одновременно достаточно высокий уровень теоретических знаний студентов и умений четкой аргументации своей позиции. Отсюда необходимость управляемости педагогом процессом проведения дискуссии;

3) целью и результатом учебной дискуссии являются высокий уровень усвоения знания, преодоление заблуждений, развитие мышления у студентов;

4) источник истинного знания вариативен, но чаще всего студенты выводят истинное знание при помощи педагога. Однако в групповой дискуссии не преподаватель говорит студентам о том, что является правильным, а сами обучающиеся вырабатывают доказательства, обоснования принципов и подходов, предложенных преподавателем, максимально используя свои знания.

Интерактивные методы ни в коем случае не заменяют лекционные и традиционные занятия, но способствуют лучшему усвоению материала и, что особенно важно, формируют профессиональные компетенции, отношения, коммуникативные навыки.

Использование данных интерактивных технологий, с нашей точки зрения, позволяет максимально полно решать задачи не только компетентностного но и деятельностного подхода в процессе педагогической подготовки студентов-бакалавров.

Список источников и литературы

1. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Словарь понятий и терминов исторического образования // Преподавание истории в школе, 2008, №8 .С 45-46.
2. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированного образования // Народное образование. 2008. №2. С59.

3. Чепель Т.Л., Яковенко Т.Д. Интерактивные методы в высшем педагогическом образовании как условие его интенсификации. Электронный ресурс <http://www.concord.websib.ru/page.php?article=88&item=2> дата обращения 23 апреля. 2021.

Сведения об авторах

Акопян Виктор Завенович – кандидат исторических наук, доцент, Пятигорский государственный университет

Бичехвост Александр Федорович – доктор исторических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия

Галямичев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Гижов Александр Александрович – учитель истории и обществознания, ГБОУ СШ № 878, Москва

Гижов Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент, Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова

Гуменюк Алексей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Данилов Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Евдокимова Елена Гершечевна – кандидат педагогических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Королева Оксана Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Кустов Виталий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Мозговая Оксана Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Попкова Надежда Владимировна – кандидат философских наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Рабинович Яков Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Чолахян Арсен Вачаганович – кандидат юридических наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия

Чолахян Вачаган Альбертович – доктор исторических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Цыплин Виталий Геннадьевич – кандидат исторических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Ястер Ирина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Научное издание

**Проблемы
Российской цивилизации и методики
преподавания истории**

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 2003 году

ВЫПУСК XIV

Ответственный за выпуск В.А. Чолахян

Редактор

Подписано в печать 10.03. 2022 г. Объем усл. печ. л.7.44
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Тираж 150 экз. Заказ № 1039-22

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО Амирит
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: (8452-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

